

84(2.Рос-4Кем-2Бер)

СК

Р66

В.П. РОКОВ

Дневник взрослеющей девочки

Повесть

СК

84(2Рс-4Кем-2Бер)

Валентин Петрович Роков

Р66

Биография у меня самая обыкновенная. Мой отец воевал. За взятие Кенигсберга у него была медаль, и за отвагу медаль была. Пулемётчиком он воевал. В пехоте. Родился я в 1950 году. Мне мать показывала тот домик, в котором они тогда жили. Состряпанная на скорую руку отцом из горбылей и шахтовых стоек избушка-временка наша не отличается ничем от домиков, приютившихся на склонах глубокой котловины шахты «Физкультурник» Анжеро-Судженска. Отец на той шахте и кемеровских «Центральная» и «Северная» работал взрывником.

В детский садик ходил я во Владивостоке. Учился в школе, проживая тогда в Кемерово. Потом учился в Беловском энергостроительном техникуме. По его окончанию работал монтажником на различных электростанциях СССР. Мотался так сказать, по свету в поисках своего счастья. Затем учился в Дальрыбвтузе Петропавловск - Камчатского на штурмана дальнего плавания. Но плавать мне не довелось. В Авачинской бухте рыбу ловил только удочкой и с пирса.

Зато я забирался на вулканы Авача и Карым, и побывал в долине гейзеров. С мая 1990 года нахожусь в Берёзовском. У меня есть свой дом и трое детей от любимой жены. К сожалению, судьба разлучила меня с нею слишком рано. Думаю, так и останусь в Берёзовском. Куда мне теперь срываться?

1 7 5 2 4 7

ДАР

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Г. БЕРЕЗОВСКИЙ

Дневник взрослеющей девочки.

ПОВЕСТЬ

15 декабря

Уже, наверное, полгода я не писала ничего в своем дневнике. Очень соскучилась по нему. Говорю о нем, как о человеке. А так и получается: я скрытная и замкнутая на своей личной персоне девушка. Кто я такая вообще? Расскажу немножко о себе: я скромная. Мне уже исполнилось пятнадцать лет. Рост – 160 сантиметров. Вес – 59 килограммов. Волосы у меня черные, прямые и короткие. Когда мне было семь лет, мой брат Валерка, чтобы не возиться с моими волосами, ведь мама заставляла его заплетать мне по утрам в будние дни бантики, уговорил меня обрезать косы. За это мама его налупила. Но мне понравилось ходить с короткой стрижкой. С короткими волосами никаких хлопот! Так и хожу с тех пор коротко стриженная. Хотя, если, по правде сказать, я завидую девочкам, у которых есть длинные до пояса косы. Нос у меня прямой, глаза небольшие и карие, уши тоже небольшие. Лицо у меня вытянутое. Я не совсем чисто русская: у меня мама киргизка. Папа, когда был раненый и лечился во Фрунзе, познакомился там с моей мамой и взял да и женился на ней. А потом увез в свою холодную Сибирь. У него же здесь все родственники в Новосибирской области проживают и в Кузбассе. Узкоглазая я и губы у меня тонкие. В общем, не на что смотреть, откровенно говоря. Так себе девушка. Мама, успокаивая меня, говорит, что со временем я расцвету и стану красавицей. Такой, как и она. Это когда же? Почему-то мои знакомые девчонки, у которых матери красивы, уже сейчас похожи на своих матерей. Отвечая на этот вопрос, мама говорит мне, что я не такая, как все. Конечно, у любого родителя его ребенок особенный. Но мне от этого легче не становится, когда я, разглядывая себя в зеркало, не нахожу в лице своем ничего притягательного. Гадкий утёнок, одним словом. Гадкий. Утёнок. В глубине души я тешу себя надеждой, что когда-нибудь слова мамы исполнятся, и я из утёнка превращусь в лебедя. Как в сказке. И все мною непременно будут тогда восхищаться.

У меня есть подруги, но не настолько близкие, чтобы им можно было доверять самое сокровенное. Дневник же и является для меня таким

другом, с которым можно откровенничать напрапалу. Высказывать то, что думаешь, а не то, что желают от тебя услышать собеседники, что вынуждена говорить ты, боясь их обидеть. По натуре своей я не люблю и не умею прозрачно намекать на толстые обстоятельства, а также плести кружева недомолвок, как это делают многие девчонки из нашего класса. Поэтому-то и принимаю я в их разговорах, скажем так, безмолвное участие. Хотя мне есть что сказать и я говорю, когда напрямую ко мне обращаются, стараясь ответить так, как считаю нужным и правильным при данных обстоятельствах. Но моя правильность обыкновенно не совпадает с мнением участниц обсуждаемой проблемы, и они демонстративно отстраняются от меня. От чего мне делается обидно. С дневником же у нас другие отношения. Он с радостью впитывает в себя все мои сомнения и колебания, безапелляционность высказываний по любому поводу. Его страницы не протестуют от любой моей ереси, провозглашенной на них! И только я по прочтении через некоторое время своих мыслей, поостынув, осуждаю их порой и пытаюсь додумать, исправить, если такое возможно. Только я, а не кто-то другой, может позволить себе сделать это в моем дневнике! Вот в чем заключается для меня притягательная прелесть общения с таким собеседником!

Полугодовой пробел в общении с дневником произошел по вине моего братца, приехавшего домой из армии в ноябре прошлого года. Когда я была в школе, он обнаружил дневник у меня под матрацем, ознакомился с его содержанием и при появлении моем начал надо мной изгаляться, гнусаво вычитывая из дневника отрывки моих рассуждений, посвящать в которые я никого не собиралась. Тем более такого придурка, как мой братец! Я очень скоро стану взрослой женщиной, а он, дембельнутый защитничек Родины, до прихода с работы мамы на весь дом будет выкрикивать подробности моей жизни, которые успел подглядеть! Я рассвирепела от обиды, схватила скалку и сильно ударила его по ребрам! Жаль, не по голове! Он заверещал зайчиком и, развернувшись, припечатал ладошку к моей левой щеке.

Дура! Надо было после удара для безопасности отпрыгнуть в сторону и вообще выскакивать сразу же на крыльцо из дома. За три года отсутствия брата, я забыла о том, что он всегда не преминет ответить ударом на удар. Вот и получила. Хотя удар был не особенно сильным, мою щеку пронзила обжигающая боль и я, потеряв равновесие, отле-

тела к стене. По ней сползла на пол и заревела. От обиды больше, чем от боли: ну почему я не сильная, ну почему я родилась девчонкой, а не мальчишкой! Я бы тогда отмутузыкала братца, как бог черепаху! Ох, как я ненавидела в тот момент его, знали бы вы!

А он, чтобы добить меня своей безнаказанностью, раскрыл печку и демонстративно, не торопясь, положил дневник на жар раскаленного угля и закрыл дверцу. Я была настолько ошеломлена ударом, что на выходку с дневником не успела среагировать правильно, то есть хватить его и затушить водой. Дневник в печке сгорел мгновенно.

- Виновник наказан, - ехидно улыбаясь, произнес Валерий - теперь никто нам не будет мешать жить дома в мире, дружбе и любви....

В тот момент я готова была его задавить собственными руками! Меня трясло от ярости. Он это заметил и произнес: «Успокойся, а то головке вава будет. Из-за этого домашнее задание не выполнишь и завтра двоечку схватишь. А если из-за двойки тебя снимут с доски Почёта, то маму опять целый месяц в больнице держать будут». Заботливый какой! Потом он снял футболку и долго рассматривал в зеркало покрасневший от удара скалкой свой бок, осторожно ощупывал себя и утверждал, что я сломала ему ребро, и он уже чувствует, что дышать становится больно. Еще бы чуть-чуть сильнее я стукнула его, то отколовшаяся от ребрышка кость пронзила бы его легкое, и он бы умер, не отходя от кассы, у меня на руках. И все это могло случиться из-за какой-то шутки, вернее – из-за меня, не обладающей чувством юмора.

-Дебил! Это унижение, а не шутка! То, что мне было больно от его пощечины, и он первый довел меня до нервного срыва, вроде как не считается, и во всем происшедшем виноватой окажусь по приходу родителей я - вот к чему он клонил в своем нытье у зеркала. Я злорадно ухмылялась в ответ, ещё больше свирепела, но без папиного присутствия не осмеливалась вновь напасть на него даже с кочергой в руках.

Собственно, в таком виде преподнесенная матери ссора, оправдала его полностью. Мои слезы и демонстрация распухшей щеки не смогли ее убедить в том, что он врёт. Она на меня накричала, его пожарила и намазала отбитый скалкой бок моей жертвы какой-то мазью.

На следующий день она отправила Валерку в рентген кабинет, где, хотя и было установлено, что ее сыночек преувеличил мощность моего удара скалкой, справедливого возмездия я не дождалась. Даже папа отмахнулся от проблем любимой дочки, откушал и лег спать. Вопиющий случай несправедливого ко мне отношения надолго отбил у меня охоту делиться мыслями с бумагой. Брат живет теперь с нами. Шоферит на автобазе вместе с отцом. Подкатывал как-то на «Зиле» к дому. Хвастался перед мамой. Мне тогда надо было идти в школу. Он предложил подвезти. Отказалась: вот еще! Я не колхозница на грузовиках раскатывать. Вот если бы он на «роллс-ройсе» приехал, тогда бы еще я и подумала и, может, согласилась бы. Он обиделся за свой драндулет с ободранными боками и обозвал меня змеюкой, вернее - коброй лупоглазой. Я, совсем даже на кобру не похожая, засмеялась в ответ и, презрительно передернув плечиками, поторопилась уйти в школу, едва не приплясывая от того, что сумела уязвить как-то своего братца.

Успокоившись после ссоры, я нашла для своего дневника укромное местечко. У гундосого Валерика не достанет воображения и нюха обнаружить мой тайник. Да и вообще он теперь ко мне не цепляется. Папа осознал своё безответственное поведение в воспитании детей и из любви к дочке отчитал его потом за драку. Я присутствовала при этом внушении, ликовала, разглядывая в упор виновато скособоченную физию братца, но мне в тот миг очень хотелось, чтобы Валерка вновь превратился в пятнадцатилетнего сорванца и папа мог бы его нахлестать по заднице ремешком, за то, чтобы тот не поступал так больше со своей младшей сестренкой. Маме Валерка впоследствии подробно объяснил, что связался со мной от безделья и пообещал, что теперь и пальцем меня не тронет. Я для него недозревшая бордовая с прозеленью ягода, которую не то, что есть, посмотришь на которую - и то скулы сводит. И эта соплячка уже о мальчишках мечтает! Мне же непосредственно он объявил, что только из-за того, что я малолетка, он вынужден терпеть мое присутствие, а за свои страдания от общения со мной он к празднику будет требовать у военкома города либо отдельную квартиру, либо предоставления к ордену Ленина.

Я ввинтила ему за это высказывание валенком в спину. Он поморщился и расхохотался. Объяснение такой реакции на мой выпад - присутствие мамы. Боже мой! Как я ненавижу своего братца! Правда, он мне с работы стал приносить иногда мороженое с изюмом. И к Новому

году подарил духи. Удивительно! Маленький такой флакончик с невообразимым запахом! Французские! Они дорогие! Не пожадничал! Так ну и что? Им премию за внеплановые километры по итогам года выписали. Чего бы ради праздника и не погладить сестренку двумя пальчиками по головке и не присовокупить к флакончику одно из своих мерзопакостных замечаний?

На следующий день в классе я так благоухала, что даже Ксюша- учительница по химии, молодая, красивая и очень интересная женщина, с любопытством поглядела на меня и одобрительно хмыкнула. А ведь до того она замечала меня только тогда, когда я добровольно выходила к доске, спасая от двойки очередного лентяя и убедительно расписывала мелом свое умение мыслить химическими формулами.

29 января.

Вот и заканчивается первый месяц 1964 года. На Новый год никто не соизволил пригласить меня отпраздновать его в чьей- то компании. Да и только ли меня? Четверо нас девчонок - уязвленных невниманием взрослого общества, собралось у Бадрак Любы. Ее родители были на праздничных торжествах у давних знакомых. Лейкина Маша принесла бутылочку «Агдама» и мы совсем по-взрослому укушали ее вчетвером под балычок с Каспия, прихваченный из дому Валею Старковой. Также были употреблены для закуски и напеченные сообща беляши и блинчики с творогом. Весь вечер мы дурачились, смотрели концерт, слушали музыку, танцевали и наговорились досыта. А Лейкина Маша успела поплакать и успокоиться. Она ведь дружила с парнем старше ее на два года и надеялась встретить Новый год в его компании. А он перед праздником предложил ей расстаться по-хорошему и быть просто друзьями. Может потом, когда они повзрослеют, им удастся возобновить прежние отношения. Но пока ему с ней, видите ли, неинтересно. А она красивая и умная девочка, очень серьезная. Чего еще ему надо?

10 февраля.

в школе проводится Пушкинский вечер. С мамой готовлю костюм русалки. Нам так хочется сделать его потрясающим. Мама даже не пожалела на меня истратить полтора метра тюля с продернутой через три серебряной ниткой. Я буду сверкать, и переливаться при свете вечерних ламп! И совсем стану похожей на женщину-рыбку с серебря-

ным хвостиком! Чтобы хвостик выглядел сзади естественно и был замечен, мы с мамой приспособили обшитый тюлем кусочек картона. На этом вечере пройдет конкурс между старшими классами на лучшее пушкинское стихотворение. Я тоже хочу участвовать. Как же без меня? Я должна поразить всех отрывком из «Евгения Онегина». А еще меня и Зорину назначили репетиторами в 5а класс. Ну, мы их, как бы, опекаем. Вроде пионервожатых возимся с ними. Вот только теперь мы с Олей так загружены и в школе и дома, что выбрать лишний часик никак нельзя. Зоя Николаевна Олю уже ругала за то, что нас зовут, а мы не приходим, и грозилась обсудить наше поведение на комсомольском собрании. Лучше не доводить ее, а то исполнит угрозу. И мне будет очень стыдно перед комсомольцами нашего класса: ведь я же их комсорг. Сегодня же сходим к этим деткам. Они такие хорошие, как цыплятки! Упасть можно, до чего любознательные. Неужели и мы были такими же?

К 31 января надо подготовить беседу в классе о возникновении религии, а я не могу собраться с мыслями. Из-за Валерки дома стали у нас с мамой складываться непонятные отношения: мы с ней вроде бы и не ссоримся, но всегда у меня к ней появляется при контакте какой-то холодок отчуждения. Раньше мы были во всем с ней на равных. Мама осенью проспорила мне теплые зимние ботинки. Может поэтому? Так сказала бы, что не в состоянии купить мне их. Я, в принципе, вполне могу проходить в школу и в валенках. В них даже удобнее. Чего из-за спора дурацкого дуться? А может, я просто злюсь, наблюдая за что-нибудь выпрашивающим у мамы Валеркой? Для него она безотказная. Для него она—нате вам, с кисточкой! А он ей: мамочка, милая!— и целует ее в щеку и обнимает за талию. Мама отмахивается от его назойливости и рдеет, довольная. Как же! Папка вон с работы пришел, поел, уткнулся в газету и уже час, как молчит. И гадай тут: то ли спит он, то ли газету читает. Мне подойти к нему за просто так неловко. Я взрослая стала. Уже. Так папа считает, любуясь мною иногда и почему-то вздыхая. А то ведь раньше- то я никогда с его коленок не слезила. Маму я тоже люблю, но к ней не лащусь, у нас с ней дружеские отношения. Она любит со мной почирикать на кухне, когда мы что-нибудь готовим для семьи или стираемся. «Почирикать»- это мамино слово. Козырное. Настолько часто употребляемое ею, что папа иной раз за это обзывает маму воробыхой. На что та всегда отвечает:»По крайней мере не Дочкина!» Ей, видите ли, не особенно приглянулась папина фамилия. А что?- совсем даже нормальная фамилия. Ведь есть

же фамилия - Мамино. И Дураков есть, и Скотинин, и Люба Бадрак, наконец. Дочкина по-моему, лучше выше приведенных мною фамилий звучит. А ещё бы лучше, если бы фамилия у меня была Папочкина – сразу ясно чья такая эта девочка.

30 января.

Утро. Семь часов. Братец и мама с папой ушли на работу. Обычно в это время я поднимаюсь всегда и начинаю заниматься. Рановато конечно, но я привыкла и не ропщу. Сегодня же очень не хочется вставать. Зимой, как ни топи, за ночь дом остывает и поэтому утром приходится торопливо натягивать на себя одежду и бежать в кухню растапливать печь. Это моя обязанность. Но я сейчас не тороплюсь ее выполнять. Я не хочу сегодня вылезать из теплой постели и неизвестно для чего дрожать в доме с раннего утра. Мои биологические часы дали сбой. Может это приключилось потому, что исполнилось предсказание синоптиков, сообщивших вчера вечером о предположительном понижении температуры воздуха ночью до 60 градусов Цельсия? Но, похоже, они ошиблись градусов на 15. Уж мы-то 60 градусов и сквозь стены ощутить в состоянии. Тогда что же мешает мне встать и определиться каким делом в первую очередь предпочтительнее сегодня заняться?

Замечательный вопросик! Но ведь и другой вопросик не менее хорош: а почему бы и не понежиться лишний часик в постельке? Откровенно говоря, сегодня мне с утра ни к какому делу приступить не хочется. Такое со мною изредка происходит, и я стараюсь в подобные моменты по возможности не принуждать свой организм. Да и зачем? Все мы летим куда-то, торопимся сделать что-то полезное для себя: успеть ухватить выгодный заказ, участок земли, кусок копченой колбасы, наконец! Мы умиляемся разумному движению внука, дочери, восхищаемся внезапно открывшемуся с горы пейзажу, негодуем, если не мы, а нас обманули и рвем волосы на голове, если не получилось исполнить по непредвиденной причине задуманное! К чему эти крайности? А как мы торжествуем, когда поставленная цель нами достигнута! Короче, существуем в пространстве, нам данном за что-то в награду, ни в чем себя не ограничивая. За что нам преподнесена такая награда, и на какой срок - не понятно и неизвестно. Роскошная награда, а мы еще жалуемся.

Совсем не к месту пришла в голову мысль: а вдруг я вот сейчас возьму и умру? Наша тетя Фрося, моя крестная, умерла 22 января. Она - ровесница мамы. Пролежала месяц в больнице - и утасла. Никакие врачи не помогли. Значит, предопределено свыше умереть ей 22 января. Кем предопределено, судьбой, или ещё какой другой силой – этого нам не дано знать. Но какое бы мы определение не дали этому явлению, мною тоже должна распоряжаться такая сила, стоять что-то свыше, которому и дано право определять, когда я обязана, буду покинуть жизнь. Скверно сознавать, что я должна жить, придерживаясь по порядку пунктиков, предписанных мне моей судьбой. Получается, что у человека положение похуже, чем у нашего Шарика, днями просиживающего у конуры на цепочке. Его по весне ночами папа спускает с цепи, чтобы он мог навестить призывно подвывающих соседских дам. И он может, набегавшись по посёлку, если захочет, и не вернуться к своей конуре. А мы, разве мы способны отвильнуть от уготованного нам судьбою? ...

Как бы то ни было - я не хочу размышлять о неотвратимой предопределенности и о смерти, тем более - зимой! Уж лучше я встану и нажарю к обеду котлет нашему дембель - дюбелю. Он всегда, когда я еще дома, приезжает обедать. Одним вчерашним супом сыт не будешь. Он хоть и молодой, но может и не хватить ему силенок управлять своим драндулетом. Зарулит, куда не следует и носи ему потом в больницу передачи.

Интересно: почему папа с мамой обедают в столовой, а он ездит домой? Может потому, что ко мне иногда заглядывают девчонки? Вообще - то домашние котлетки и я кушать любительница...

14 февраля.

Конец недели. В среду в школе был вечер. Мне он, скажу откровенно, не понравился. И вот почему: лично я очень люблю Онегина и поэтому взалхлеб, упиваясь своей выразительной дикцией, распиналась со сценки перед школьной аудиторией минут десять. Я наслаждалась звучанием строк гениального поэта и очень хотела, чтобы его слова достигли сердец присутствующих. А мальчишки в это время откровенно скучали, шептались и корчили мне зверские рожи, а девчонки угодливо им подхихикивали. Мне кажется, что вся подготовленная к этому вечеру самодеятельность не удалась. Ученикам и уче-

ницам был нужен повод собраться вместе, пообщаться и потанцевать. И они такой повод получили. Вот только зачем изобретательные взрослые пытаются загрузить их школьной программой сверх меры. Выкрикивать с подвыванием со сцены стихи даже такого гениального поэта, как Есенин, значит сознательно отбирать у товарищей время, которое бы они могли провести не по указке учителей, а по собственному усмотрению. Если ты нарядилась в русалку - так танцуй, и нечего изображать перед учителями из себя прилежную ученицу. Им это давно известно. Таких как ты, зубрил, на всю школу сосчитать, если, и пяти пальцев одной руки хватит. Зачем другие из-за твоих амбиций страдать должны? Наверное, поэтому и никак не иначе, мне была присвоена жюри, состоящему из старшеклассниц, в награду за десятиминутного Онегина книжечка ценою в 25 копеек. Светке Горбуновой небось, за бульварную короткую песенку куклу резиновую подарили—большого, блестящего, отливающего гляncем негритенка. В моих руках он бы лучше смотрелся.

Костюм мой был не хуже других. Я в нём чувствовала себя прекрасно. Танцевала два раза. Рядом со мной вальсировала даже Ксюша, пренебрежительно поддерживая складывающегося перед ней едва ли не вдвое физрука Артамоныча. Танцы разрешили до 11 часов, но я ушла домой в 10. Попутчиц у меня не оказалось.

По литературе начали мы теперь проходить еще одного классика-Лермонтова. Школьники его любят так же, как и Пушкина, поэтому настаивают на проведении вечера памяти и этого поэта. С меня же хватит Пушкина. В подготовке вечера и присутствовать на нем я не собираюсь. Не пойду и все. Обойдутся! А вот на общешкольный диспут, который намечен на 18 февраля, «О девичьей гордости и мужском достоинстве» я постараюсь попасть и задам вопросы некоторым личностям.

18 февраля.

Сегодня утром по дороге в школу, встретила Валью Старкову. Она ведь бросила школу после Нового года. Устроилась в какой-то шараш-монтаж. Но там она не успела проявить свои способности. Как девушку достаточно молодую и интересную, ее порекомендовали в военкомат. Теперь она занимается там учетом военнослужащих. Картотеку помогает вести Надежде Георгиевне, очень серьезной и внушительной даме, которую стесняются даже генералы. Ведь та - участница войны

и все время носит орден Красного знамени. И требовательна до ужаса, буквоедка несчастная, так считает Валя, которую уже тошнит от нравочений старушки.

На работу Валя ходит в военной форме. Одевает зеленую юбочку, белоснежную блузку и облегающий ее фигурку китель с погонами. Поверх утепленной шинели, разумеется. Пилотку она носить не собирается даже летом: волосы у нее дивные. Как вороново крыло, много ниже плеч. Но пилотка у нее есть. Давала мне примеривать. Форма и мне идет. Вот только в военкомате общаться с этими дембелями целый день я не собираюсь. Под завязку хватит и того, что дома меня один по утрам и вечерам терроризирует. Кстати этот дембельнутый на Валью запал. Похоже, очень она ему понравилась. Случайно увидел меня с ней, засветился весь, стал какой-то другой - интереснее. Я удивилась даже, разглядев его в такой ипостаси. Разве бы я его ненавидела, будь он, иногда хотя бы со мной таким же? А он начал клестись к Вале и небезуспешно. Чтобы не мешать им, я рассталась с подругой и поковыляла домой в скорбном одиночестве. Иду по дорожке и размышляю: почему в моей жизни случается так? — у меня, а не у нее, отслужил брат в армии. И ей, а не мне он понравился? Нет, нет, - я не завидую Вале. Было б с чего. Уж я-то своего братца знаю, как облупленного. В другом деле: ей и на работе, видите ли, молодые мужчины внимание уделяют, а тут еще мой родной братец на хвосте висает. А я ведь всего на годик, какой и моложе ее. Хотя я не выгляжу вполне созревшей девушкой, но ведь у меня второй месяц уже эти» дни» отмечаются. И меня не раз уже посещали запретные видения. Сейчас одноклассницы в своих разговорах без боязни и стеснения затрагивают вопросы взаимоотношений мужчины и женщины, обсуждают, кому кто нравится в классе или школе. Они начинают уже дружить с мальчишками. Конечно же, и я принимаю участие в таких разговорах. Но вот дружить, еще не дружу. Не получается у меня, вернее ко мне никто не обращается по этому поводу. Не будешь же сама подходить к мальчишке, который тебе нравится и предлагать ему с тобой поматросить. Я же не дурочка. А вообще-то, чтобы мечтать о мальчишках, чтобы обращали они на тебя внимание, надо, как минимум, иметь приличную одежду, сапожки, туфельки, косметику. Не мешало бы и украсить свои ушки хотя бы парочкой серебряных сережек, а не этой медью со стеклом. Мне прокололи мочки ушей в двенадцать лет. Вот с тех пор и ношу медь. Обрыдла мне такая бижутерия! Но и надеяться на то, что папа подарит мне к совершеннолетию что-нибудь по-

солиднее - не стоит. Для этого надо подрасти - так он считает. Похоже, я все время для него буду маленькой! Папу не понять: когда он хочет подчеркнуть факт существования обязанностей для меня, то я для него являюсь уже достаточно взрослой особой, а когда я к нему обращаюсь с серьезными запросами, то оказывается что я еще маленькая задаваться ими.

Мама не такая, мама понимает. Но что она может без папы? Вчера мы с ней ездили в город. Сдали облигаций на восемьдесят рублей - все равно в шифоньере без толку годами валяются, добавили денег немножко из семейного бюджета и купили прекрасный воротничок-лису для маминого пальто, что заказала она себе в прошлом месяце в ателье у кинотеатра «Прогресс» на шестом участке. Мне же мама купила в «розовом» магазине, прекрасные беленькие туфельки по двадцать два рубля! Я была так рада, так рада! Они как раз по моей ножке, на средней высоты каблукке и так удобно облегают ступню! Я сразу же почувствовала, что это - мое! Я вертелась в них перед зеркалом минут пять, а может десять, манерно отводя ручку в сторону, прохаживалась перед мамой, разворачивалась, приседала и, счастливо улыбаясь, даже провальсировала несколько раз между полок с обувью. А когда мама рассчитывалась за туфельки, то при людях, благодарно прижалась к ней и звонко чмокнула в щечку. Не смогла сдержаться — такая она у меня хорошая!

Еще мы купили мне за девять рублей кофточку, не то, чтобы очень, но носить можно. В общем, по нашему мнению, удачная вышла поездка.

Папа же, когда мы начали хвастаться перед ним своими обновками, неожиданно осыпал нас с мамой упреками. Мама с ним поссорилась. Мало сказать - рассвирепела! Еще бы! Он обвинил ее в непрактичности: дочке нужно было валенки купить, чтобы ноги зимой не мерзли, а заботливая мамаша ей туфли с бантиком приобрела! Вроде и не мачеха, но совсем как в сказке, получается: отвезти осталось в лес, посадить под елочкой и пускай ее дед Мороз сундуком с воронами награждает. А вот и не с воронами: может, я понравлюсь ему, и мне он самоцветов, как Золушке, целыми пригоршнями в карманы отсыплет! А валенки мне совсем даже не нужны! Мы с мамой обсудили этот вопрос и сами решили, что важнее. Валенки везде нам встречались по сорок пять рублей пара. А не по 25, как в прошлом году. И серые, лохматые они, мне же черные больше нравятся. Да и не было у нас таких денег! Я вообще-то зиму и в старых дохожу. Осталось, зимы

этой, какой месяц-два. А там уже и скворцы прилетят, и ручьи потекут, и подснежники мы будем на полянках выискивать. Весна наступит! И туфельки к месту получают. Вовремя они у меня к лету приготовлены. Под кроватью стоят!

И чего папа с этими валенками к нам привязался? Сдались мне валенки! Пускай сам в них ходит! Я этим летом должна буду отрабатывать практику на стройке не бесплатно же! За денежки с практики и приобрету себе новые сапожки. Не валенки!

При встрече я рассказала Вале Старковой про покупки. Она обещала заскочить к нам после работы и порадоваться вместе со мною. Кстати, мы один размер носим. И еще она подозрительно часто начала к нам, то есть ко мне, по вечерам заглядывать. Как раз к этому времени Валерка с работы домой заявляется, и скучно всегда ему становится у телевизора одному торчать, и ко мне в комнату он без стука уже, запанибратски начал вваливаться. Все время мешает: ни поговорить, ни примерить вещицу, какую и повертеться лишнюю минутку в ней у зеркала теперь не получается. Я злюсь, гоню его, а он ехидничает и не подчиняется. А Валя хохочет. Ей интересно, как я воюю с ним. Вот если бы у нее такой братец был, небось, не хохотала бы. Когда она уходит от нас поздно вечером, ее провожает теперь домой только он один. Я же не дурочка, вижу: им вдвоем интереснее... Вот ведь — парни на нее так и заглядываются...А я? Фигура у нее более женственная. Но через годик и я надеюсь стать такой же. Ведь возраст уже, да и мама говорит, что я обязательно расцвету.

Сдружилась я с нею, да и с теми девчонками, с которыми встречала Новый год, по школе. Живем друг от друга далековато, но отношения поддерживаем, не теряемся. Так то, совсем если жить без подруг, то скучно очень получится. По переезду в поселок Южный два года у меня совсем никого из знакомых не было. Девчонок-ровесниц вблизи нашего дома не оказалось. Одни пацаны. Вот и проходила я все это время одна без подружек и в магазины и в школу. В кино если, то, очень редко, с Валеркой. По улицам тоже. Хотя, бродить то особенно по улицам мне мама не разрешала. «Сиди—говорит—дома, успеешь». В смысле подрасти надо для такого образа жизни.

А вот Валерка хоть куда мог удалиться в моем возрасте. И мама за него никогда не беспокоилась. А надо бы. Послушай она рассказы, как тот с пацанами совершал набеги на мичуринские сады и плантации Плодопитомника, как их гоняли объездчики на лошадях, как в них стреляли сторожа и сами хозяева, застав на участке, со злобой запускали в них грабли и лопаты. И очень часто, как на диких зверей, устраивали на них облавы. Но мама же не знала о его похождениях. Он рассказывал мне, как они с пацанами вскрывали мичуринские домики зимой, и хвастался добычей — складным ножиком и кожаными перчатками. Мне он круглое металлическое пудреницу-зеркальце и расческу принес оттуда. Я маме тогда сказала, что нашла. Мама поверила. А сколько раз он мне малины и виктории в банках стеклянных из мичуринских садов приволакивал. А ранетки, смородину, яблоки-ползунки из Плодопитомника? Если бы их настигли объездчики — пришибли бы насмерть! Ну не насмерть, так исхлестали бы кнутами до потери пульса! Вот бы тогда мама ревела, вот бы тогда мама убивалась! Но мама не знает всего этого, у нее сыночек был и всегда остается послушным и очень хорошеньким! Еще бы—любимчик!

Раз и я как-то была с Валеркой на мичуринских садах. Обычно пацаны с девчонками не валандаются, но тут вышел случай: они просто купаться на пруды отправлялись, а мама с утра Валерке со мной дома сидеть приказала. Мальчишки за ним пришли, а он на меня показывает, они понятиливо хмыкают, а я им и говорю — «Вы меня с собой заберите. Меня мама с ним отпускает». Они и взяли меня с собой. Знали бы вы, сколько я впечатлений новых получила в тот день! Мы и на прудах купались до посинения, и в плантации Плодопитомника с краешку за яблоками ныряли, и на участок полакомиться викторией и горохом забирались! Никто нас не тронул. И никому мы не были нужны! Я Валерке сказала тогда, что он врун и никакой не герой. Так и я могу по мичуринским садам путешествовать. А мальчишки посмеялись над ним, меня же называли своим ангелом, который их от беды охраняет. Я ту вылазку всю жизнь помнить буду. Ведь больше то меня никто в сады не водил, а одной идти туда — страшно. Вот Каменный карьер --- это можно. Вот на Каменный — хоть каждый день! Хотя и не близко — километров с пять будет до него. И змеи в карьере водятся. Но сама дорога до Каменного мимо ракетной части, по лесочкам березовым нами была хорошо изучена и мы без страха едва не каждый день ходили купаться на солдатскую нырялку, устроенную ракетчиками на реке Искитимке.

На Каменном родников много, в них очень холодная и вкусная вода. Пьешь-пьешь—и напиться не можешь! А еще там солдаты устроили для себя стрельбище. В окопчиках и на поле мы часто там находили пули, гильзы и даже патроны с пулями. Их бросишь в костер и патроны взрываются и пуля разбрасывает в разные стороны горящие чурки! Страшно как интересно! До службы в армии меня Валерка брал с собою купаться на Каменном и там костры жечь, а потом уже я собирала летом соседских малышей и с ними сама ходила. Скоро весна наступит и мы подадимся туда уже с девочками со второй Цветочной за подснежниками! Люблю бродить среди зеленых пахучих берез! Вокруг травка изумрудная и цветы, цветы, цветы! Но мы, то пойдем, когда снег еще весь не тает. За первыми подснежниками пойдем. Вот как только они из под снега начнут вылезать, мы за ними и явимся.

А вчера был праздник-день Советской Армии. В субботу некоторые из одноклассниц дарили открытки мальчикам из девятого «в». Я ничего не дарила: просто глупо им сейчас что-то дарить, пусть вот послужат там, а тогда мы посмотрим. Да и на что смотреть? - если возвратятся из армии такими же обормотами, как мой братец Валерик, я думаю, на них и после не стоит обращать никакого внимания.

Да, кстати: Валя Старкова в субботу вечером договорилась встретиться с Сергеем Косулиным. Но ходила на шестой участок и забыла о свидании. И правильно! В принципе, он во мне тоже что-то затрагивает, он рыженький, симпатичный и росточком его боженька не обидел. Но то, что он такой бабник, я только сегодня узнала из не подвергающихся никаким сомнениям источников: он, же в среду, перед тем, как обратиться к Вале, предлагал свою дружбу и Большаниной, так она отвергла его поползновения! Будет знать гадкий мальчишка! Наградила если его ненароком мамочка приличным личиком, так значит можно кружить головы всем девочкам без разбору? Эти сведения меня не удивили и не огорчили, наоборот стало смешно до глупости, и я решила развеселить этим Старкову.

Вчера мы с нею ходили в кино. Смотрели фильм «Тайник на Эльбе», хороший фильм. Правда, на сеансе были одни старики. Скучно. Не с кем поогрызаться. И вообще.

А сегодня в школе всем ставили уколы против клещевого энцефалита. Вроде ничего страшного: сначала боли не почувствовала. Но потом

боль от укола невозможно стало терпеть, и я даже поплакала. И не только я — все наши девочки ревели. Одна даже в обморок от боли упала. И зачем нам эти уколы сдались, что мы на лесоповале летом трудиться будем?

И еще сегодня у нас учителя по химии и алгебре отсутствовали. Ксюша в школе утром вообще-то была, а потом ушла: наверное, опять ее Андрюшка заболел. Она меня попросила позаниматься с классом на уроке решением задач. Мы решили всего три задачи — разве с нашими мальчишками можно без присмотра старших сделать что-то полезное? Между прочим, приятно сознавать, что тебя именно больше всех ценит понравившийся тебе учитель. А может на нее повлияли мои французские духи? Шучу, конечно. Но неужели в классе она считает меня самой способной?

20 февраля.

Был диспут «О девичьей гордости и мужском достоинстве». Мне этот диспут понравился. Мы спорили с мальчишками до хрипоты. А Левиной не понравился: после вечера организовали танцы всего минут на сорок. И вот, ее, такую распрекрасную, ни один мальчишка пригласить на танец не соизволил. Неужели они все сговорились и решили отомстить ей, самой красивой и неприступной в классе? Смешно, но в моей догадке есть доля истины: уж больно она чванится своей красотой. А что в этой красоте толку, если двух слов воедино связать не умеешь?

25 февраля.

На перекрестке я каждый день встречаюсь со Старковой. Она провожает меня до школы, а потом идет на свою работу. Осуждает себя: напрасно перестала учиться. Ничего хорошего в этой взрослой жизни нет. Одни обязанности. Хуже, чем в школе. Если б можно было, вернулась бы назад в школу, и с радостью, еще какой годик пофилонила. Но ведь, мы, же ее отговаривали. Не послушалась.

А, по-моему, зря она так расстраивается: в школе тоже не мед. С учебой еще туда-сюда, терпеть можно. Но взаимоотношения в классе! — глаза закатываются от возмущения!

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Г. БЕРЕЗОВСКИЙ

Смеялись по дороге в школу над Косулиным. Валя радовалась и в ладошки хлопала оттого, что и ей по забывчивости удалось отвертеться от этого Дон Жуана. Напрасно смеялись: недаром бабушка еще живая говорила мне, чтобы я не смеялась помногу, иначе потом плакать придется. А я ей напрасно, похоже, не верила.

26 февраля.

Сегодня с утра, мне явно ни в каком начинании не везет. Во всем наблюдается спад, преследуют неудачи, я выгляжу рассеянной и что-то делаю не так. Начала жарить яичницу—яйцо выскользнуло из рук на пол и разбилось. На водокачку пошла за водой—на меня накинулась большая собака и, если бы не дядечка, то исковала бы мне все ноги. В один и тот же магазин на тринадцатой улице два раза по забывчивости ходила...

Встречусь с Валею — спрошу у нее, что плохого произошло с нею в этот день. Забавно будет, если бабушкина примета только в отношении меня справедлива. Проверим.

Кстати, сегодня я хорошо поела три раза и, если учитывать то обстоятельство, что я в этом году обязана похудеть как минимум на семь килограммов, чтобы меня перестали обзывать жиртрестом, то день для меня и в этом аспекте складывается печально. О! Никогда мне, наверное, при моей силе воли не стать похожей на ту стройную девушку, у которой мы с мамой приобрели осеннее белое пальто! Потом мама сказала мне, что эту девушку на два года отправили работать в Монголию. Представляю, как она прибарахлится там за эти два года! Не одними же уздечками и кумысом монголы торгуют. Вон сосед наш, дядя Коля, работал в Монголии тоже, так привез оттуда мотоцикл Урал. Почему никого из наших родственников не отправляют на работу за границу, хотя б в ту же Монголию или Болгарию?

Я воссоздала идеал своего парня и увидела его сегодня в магазине. Наверное, это и послужило причиной моей забывчивости. А может я подсознательно лелеяла надежду, что встречу его снова, когда приду в магазин во второй раз. Что бы там ни было, но тот парень в одежде, похожей на форму фээзушника, по всем параметрам соответствовал образу моего будущего героя. Я прямо впилась в него глазами. Он это заметил, ухмыльнулся, купил две булки черного хлеба и подался в

сторону Заготскота. Это так у нас совхоз называют, расположенный на окраине поселка Южный. В нем выращивают крупнорогатый скот для обеспечения мясом жителей столицы Кузбасса. А мне очень хотелось тогда, чтобы парень подошел и предложил познакомиться. Похоже, я его не заинтересовала. Разве не обидно? Я расстроилась, вышла из магазина, посмотрела вслед ему и пошла домой. Слезы у меня как-то сами собой полились из глаз. Подойдя к дому и немного успокоившись, я вспомнила, зачем ходила в магазин и, обнаружив, что не приобрела и половины того, что надо, поплелась обратно.

И еще сегодня мне много задали на дом по литературе и геометрии. Вот и сижу я сейчас за учебниками. Надо учить, а так не хочется: вечером к нам в гости приехали с правого берега тетя Мотя и Филипп Андреевич. Я люблю слушать, как тетя Мотя с мамой промывают косточки всем своим знакомым. Они такими впечатляющими характеристиками их наделяют, что прямо удавиться можно от зависти! Куда там русской классике вкупе с Пушкиным! Интересно бы увидеть реакцию тех, кого они обсуждают. Почему – то все отзывы об отсутствующих получаются у них саркастические. Или у женщин так и должно быть?

11 марта.

Вчера мама уехала в Новосибирск. Вернее сказать, улетела на самолете. Она вообще-то трусиха, летать боится. Во Владивосток, вон в какую даль!- целую неделю с папой в позапрошлом году поездом добиралась, а тут в Новосибирск – и на самолете. Это папа ее в самолет затолкал: тете Оле, папиной сестре, необходимо было видеть папу на свадьбе ее дочери Маши, а папа не смог отпроситься с работы, вот и послал маму взамен себя и, чтобы без опозданий, на самолете. Еще на подарок потратился племяннице, и наказал маме, чтобы от его имени новобрачной вручила. Вот мы и остались дома одни. Когда она вернется, не знаем...

Я вроде бы взрослая, и уже пребывала не раз в роли главной хозяйки, но чувствую себя сейчас не в своей тарелке, оставшись одна с нашими мужчинами. Они слоняются вечером по дому, как индюки надутые, молчаливые. Скукотища. И как мама с ними всеми управляется? Нет, не то, чтобы накормить их или постирать кому рубашку там, или носки, было для меня проблемой.

И еще отец , жадина, не дает деньги на покупку продуктов . У него , видите ли, нет лишних — поистратился на подарок. Но не голодать, же нам из-за подарка племяннице! Спрашивается: ну что ты на десять выделенных им рублей можешь приобрести в наших магазинах для сытного, с точки зрения мужчин, обеда? Нет, на три, или четыре дня мне этих рублей еще хватит, а если мама задержится там дней на пять или семь?.. Придется тогда идти по соседям, выпрашивать денежку. Я им обрисую ситуацию. Папочка обидится, ну и ладно: завел семейку — содержи. И нечего скупердяйничать.

В школу с утра приезжает комиссия из гороно по проверке сохранности мебели, поэтому техперсонал школы зашевелился. Стали везде прибирать, подмывать, вытирать. Привлекли для быстрого приведения в порядок помещений и старшеклассников: мальчишки таскали ведра с водой, переносили тяжести в общем весе до шестнадцати кг, а мы с девочками мокрыми тряпками елозили до чистого глянца стекла шкафов и дверей, парты и полы. Но это только первый урок, а потом все, как обычно. После уроков был диспут «твоя характеристика». Зацепили и меня. Ничего плохого не сказали, но отметили неизвестно с чьего посыла, что я слишком гордая. В чем проявляется эта гордость - не уточнили, но я подозреваю, кто именно «обозвал» меня гордячкой. Уж слишком рьяно отстаивала эту мысль Воробьева Лариса. А все почему?— Да потому что я совсем недавно обвинила ее в проявлении подхалимажа к учителю по технологии. Уж очень ей хочется получить пятерочку за год по этому предмету, но способностями ее в этой области знаний боженька наградил явно лишь на троечку. Твердую, но не настолько. Чтобы дотянуть недостающие два балла, она пускается с ним перед и после его уроков в светские беседы о погоде вообще и в частности о здоровье его кошечки, фотографию которой он однажды в порыве откровения продемонстрировал всему классу и поведаль со смехом о милых проделках своей любимицы. Для приличия коллектив класса поржал немного и успокоился, а вот она запомнила этот эпизод и использует его по полной программе в своих целях. В принципе мне безразлично, какую оценку выведет в конце года ей учитель по технологии, но ведь всем бросается в глаза, как она егозит перед ним постоянно. Стыдно за нее становится. И за себя: ведь она же наша одноклассница.

Минуту назад поругалась с Валеркой: цвет борща, видите ли, не такой, как у мамы, и пахнет борщ псиной. Что-то не слышно во дворе

Шарика. Уж не оприходовала ли я его для борща спозаранку? – Дурачок! Я скорее бы тебя, а не Шарика оприходовала. Я посмотрела на Валерку потом внимательно и подумала: из него хороший и злой психа получился бы. А если бы Шарик на месте брата оказался, то о лучшем брате я б никогда и не помышляла.

17 марта.

До весенних каникул учиться осталось одну неделю. На период каникул мною запланировано осуществление кое-чего. Собственно это и не тайна: мама обещала раздобыть для моего летнего костюмчика пару метров светлого трико. Выкройку поможет сделать тетя Мотя. Она работает закройщицей в меховом ателье. Шьет шубы натуральные и шапки. Но может делать не только это. Выполняет заказы клиентов и на дому. Обшивает свою семью и семьи знакомых. Она и меня кое-чему научила. Так что сшить костюмчик за каникулы, я думаю, мне труда не составит. Вот только бы напряг с финансами не помешал маме. Растратились мы в марте с этой свадьбой Машеньки на полную катушку. Сумеет ли мама приобрести обещанный материал.

--Ура-а!- по неизвестным причинам отсутствует учитель по машиноведению. Наша классная дама предложила вместо первого урока провести комсомольское собрание на предмет - что полезного совершили мы в этом учебном году для родной школы. Разбирали каждого, но до нас со Светкой Воронько очередь не дошла.

Сегодня после школы нужно было идти с лопатами к ДК шестого участка отгрести снег. А я не пошла из принципа: вот еще! Я ни разу там не гуляла, мои интересы с этим ДК никаким образом не пересекаются. Кто-то, видите ли, ходит туда на всякие кружки и занятия, топчет этот снег, вот пусть этот кто-то и убирает его. Я не пятнадцатисуточница. Лучше я дома сделаю внеплановую генеральную уборку. Я вымыла пол, прибралась во всех комнатах и даже протерла посуду в серванте. Вечером жду Вальку с Зинкой. У них сегодня с шести вечера занятия в кружке по туризму. Обещались заглянуть, расскажут что-либо новенькое.

Недавно получили письмо от сестры Нели из Средней Азии. Живут под Фрунзе. Собираются приехать в гости к нам только будущей зимой. Приглашают к себе Валерку. Обещают помочь устроиться на работу. А что? Там жить можно. У них всегда тепло. А соскучился

если по снегу, открывай холодильник и соскребай его в мисочку. Это они так шутят, а на самом-то деле скучают по морозам. Иначе с чего бы из тепла своего они только зимой приезжают к нам в отпуск? Вообще-то было бы здорово, если б Валерка послушал сестру и уехал к ним навсегда. Там пальмы, вот пусть и скачет с макаками на этих пальмах. Совсем заколебал меня. Особенно когда напьется. С ним пьяным, лучше не связываться тогда: еще раз подралась с этим ничтожеством. И опять получила пощечину! Правда и я его ударила. Но не так же, как он! Вообще, братец у меня еще та дрянь. Корчит из себя генералиссимуса! Видала я его в белых тапочках: амбиций под потолок, а тупой, как валенок!

Почему то произошедшая свадьба новосибирской родственницы меня бесит. Оно и понятно: папаня отвалил месячную зарплату ей на подарок, а нас за туфельки отругал. Разве это справедливо?

И надо же, вот невезуха!— на долю нашего класса выпало дежурство по школе именно в последние денечки учебы! Меня поставила Лысенко, вредина, у восьмого класса. А у них мальчишки такие наглые - высыпали из класса после звонка, меня окружили и начался допрос с пристрастием: в нейтральные воды оказывается можно заплывать только штанам, а вот те члены общества, которые в юбках, то им не положено. Ах, дежурите! Ах, пост! Интересно, от чего вы нас собираетесь оберегать? Не собираетесь? А что же вы в таком случае здесь делаете? Предотвращаете нарушение правил поведения. А каким образом? Внушением? — нам на уроках надоели эти внушения! Бегать нельзя, прыгать нельзя, орать в коридорах тоже нельзя, а где тогда можно? На улице холодно. И почему нельзя? А если я побегу - догоните и предотвратите нарушение, сломав или вывихнув мне ногу, а если я заору - заткнете мне рот своим обслюнявленным платочком или выстираете его предвительно?

Они могут препроводить меня под ручку к задержанному шалуну и за нарушение правил внутренней школьной дисциплины от моего имени пристроить ему в лоб здоровенный шелбан и при этом извинительно развести руками, вроде как мы только подневольные палачи, исполняющие прихоти несправедливого судьи, этой вот расфуфыренной девочки. Малыш заревет от обиды и боли, метнет в меня взгляд, наполненный злобой, а они расхохочутся, подлецы! Они могут окружить опрятно одетую девочку и, глубокомысленно растягивая глас-

ные, что я обычно использую при разговорах с занудливым братиком, никуда не отпускать ее и до конца перемены обсуждать экстремальный фасон школьного платица, изящно подметившего все прелести ее божественно-костлявой фигурки. Могут несколько озабоченно пройти по поводу ее слегка взлохмаченной прически и вместо белого бантика предложить художественно вплести в косу длинный, рванный шнурок от кеда - китайского спортивного ботинка и произвести это, заметьте, здесь же в коридоре! Закатывая глаза от сочувствия, они, бессовестные, могут затронуть элегантность восхитительных туфельек, невыгодно контрастирующих с безобразной толщиной ее ног, на самом же деле ножки у которой вполне нормальные, и, упав на колени уже перед другой девочкой, в неопишемом восторге задирая кверху свои тощие руки, громогласно провозгласить ее раскрасавицей перемены! Вот меня бы так бы представили! Интересно, что бы я тогда ощущала и очень ли сердилась на взбалмошных мальчишек?

Они от души дурачатся и смеются. Я смеюсь вместе с ними, но мне же, ведь надо наблюдать за дисциплиной! Ведь если на их чудачества обратит внимание кто — то из взрослых, то мне попадет в первую очередь!

И я, в глубине души поддерживая их несуразное поведение, решительно вмешиваюсь, стараясь пресечь неправомерные действия, но они от меня, как от назойливой мухи отмахиваются. Поэтому мне остается только предупреждающе торчать на вверенном начальством посту до появления на горизонте кого-то из взрослых, допустим, учительницы географии, рассеянно скользящей вдоль стены в сторону нашего класса. Ущипнув бок ближайшего ко мне ученика я, указывая перстом на приближающуюся учительницу и назидательно советую придерживаться правил внутреннего распорядка школы. Ведь находятся они не на улице. - Да, да, мальчики, уgomонитесь. Уж очень вы расшумелись. Пойдемте со мною кто-нибудь, поможете подвесить на стену континент.— пробормотала она, проходя мимо нас.— Какой континент, Анна Дмитриевна? — Африку...— внезапно обернувшись, она подслеповато всматривается в лицо спросившего и произносит: Ты, Кузькин и сегодня не подготовился к уроку? — Да нет, что вы, Анна Дмитриевна, я по Африке все выучил: и про Нил, и про Лимпопо...— Запомнил, когда в детском садике доктора Айболита перед сном читали? — Мальчишки от хохота катаются по полу, я подхихикиваю им у стены, а Кузькин вертит стриженной налысо головой и сконфуженно хлопает своими глазами.

Уже не обращая на нас внимания, учительница проходит в класс и вслед ей устремляется Кузькин. До нас доносится их бормотание: «И вовсе не в садике, моим дошкольным воспитанием бабушка занималась.... А чего ж ты тогда двойки у меня все время цепляешь? Никак не поверю, чтобы бабушка в свое время была похожа на такого внука. Мы тогда к учебе относились ответственно. - Так и она, то же самое говорит мне постоянно...»

Наша классная сегодня предлагала всем билеты в театр оперетты на спектакль «Сивильский цирюльник». Это чтобы мы в каникулы не занимались чем попало, а повышали свой культурный уровень. Я приобрела два билета на 27 марта. Схожу с мамой, проветрюсь. Еще бы хотелось за каникулы посетить и драмтеатр. Мамуля, я думаю, согласится засветиться со мною в общественном месте дважды. Она ведь смастерила с тетей Мотей себе шикарное черное платье с глубоким, отделанным вологодским кружевом декольте, из которого так аппетитно выглядывают ее грудки, что даже папа, присутствовавший на примерке, подозрительно покрутил носом и произнес: тебе одного подкаблучника уже не хватает? Мы посмеялись над папой и поцелуями убедили, что он у нас самый красивый и лучший и для такого мужчины умная женщина просто обязана быть привлекательной, даже орудуя у плиты над кастрюлями. Он тогда погрозил нам пальцем и посоветовал особенно не заниматься ерундой. Мы с мамой попробуем и его уговорить сходить в драмтеатр на «Свадьбу в Малиновке». Когда по телевизору ее показывали, так папа очень смеялся.

С папой же будет здорово! Я с ним сто раз ходила в цирк. Он нас с Валеркой мороженым закармливал и всячески поважал. Сейчас, конечно, он постарше, но приодетый смотрится замечательно. А мама на его фоне, рядом с ним будет выглядеть в своем новом платье сногшибательно! Голову даю на отсечение: все мужчины будут ей вслед оборачиваться! Мама у нас такая красивая и лапушка! И я, возле них стоящая совсем рядышком, буду казаться эдакой загадочной принцессой с опущенными долу очами. Вот бы еще повстречать в драмтеатре и того парня из магазина. Интересно увидеть его реакцию на такую идиллическую картинку. Может, тогда я ему понравлюсь, и он постарается со мной познакомиться?

19 марта.

Четверг. Сегодня наша школа выступает на кустовом смотре художественной самодеятельности.

Но я выступать не буду—из принципа. Для всех все равно хорошей не будешь.

Было всего пять уроков. По физкультуре этот идиот, скряга доморощенная, умудрился поставить мне четверку. А я-то радовалась, думала, что отхвачу пятак. Ведь мною было за четверть заработано две оценки: 4 и 5. Еще он на последнем занятии говорил, главное, про меня: вот эта девочка физически хорошо развита, и я поставлю ей хорошую оценку. Я обрадовалась, дурочка, думала, что он поставит мне пятерку. Терпеть таких не могу, ненавижу!

По геометрии писали контрольную. Решила все. За четверть должна выйти пятерка. И по математике, биологии, истории, химии, физике тоже. Русский и литература меня никогда не подводили, а вот по английскому учительница заставила сдавать зачет, будто я знаю хуже некоторых, которым уже поставили пятерки безо всяких зачетов. Зачет сдала без осложнений. За четверть пятак!

По машиноведению мне за четверть вывели 4. А у меня ведь тоже стояло в журнале две оценки по этому предмету: 4 и 5. И Воробьевой, кстати, тоже нарисовал 4. И как у него хватило совести сравнивать ее знания с моими? Ведь он же всегда восторгался моему умению мыслить производственно! Хотя, чему это я удивляюсь? — она сумела расположить к себе этого старого ловеласа его же собственной кошечкой! Вот этой способностью Воробьевой и можно объяснить завышенную оценку учителя. И почему бы мне, не упрекая Воробьеву, а в унисон ей, не брякнуть тогда же ему на ушко о его кошечке? Уверена, что уж тогда бы в журнале у меня красовалась пятерочка! Наверное, у нас на производстве как раз больше ценится умение человека приспосабливаться к обстоятельствам, а не доскональное знание технологических процессов.

Собственно, чего я расстраиваюсь из-за этих оценок? Ну, занизили мне их по некоторым предметам, и что? С моими- то знаниями я и без медальки поступлю куда захочу. И тем более еще год учебы впереди. Пробьемся!

29 марта.

Каникулы кончились. Скучно они прошли. Не того я ожидала от них. Первые два дня каникул стирала, потом гладила, сфотографировалась на паспорт, да позавчера сходилa с мамой в театр—вот и все мои мероприятия. Папу соблазнить в театр не удалось. Даже в кино ни разу за каникулы я не была. Никто не приглашал, одной же в этот «Прогресс» идти скучно. На улице сейчас неприятно, холодно, мрачно, потому что темные тучи закрыли все небо. Наверное, поэтому и настроение у меня такое скверное, тягостное, даже писать в дневнике ничего не хочется.

Как я и предполагала, с летним костюмом у нас с мамой ничего не получилось. Мама не сумела выкроить денежку, чтобы приобрести материал. Но она меня утешает: к лету сошьем обязательно.

5 апреля.

Воскресенье. 31 марта я родилась шестнадцать лет назад. По этому случаю, мама организовала хороший стол, все у нее получилось так вкусно! Были девчонки. Они привели с собой Косулина с Федоровым. После застолья и поздравлений мы организовали танцульки. Косулин и Федоров между нас нарасхват, а Валька Старкова с Валеркой обнимаются.

И знаете чего: папа подарил мне золотые сережки! С крошечными изумрудами, они такие красивые! Все девчонки страшно завидовали! Я давала им примерять. Восхищение беспредельное! А папа-то, оказывается, мне сережки эти еще год назад приобрел, тайком от мамы. Вот, хитрюга! Она весь март его теребила: давай, колись на подарок любимой дочери, а он хмурится и говорит, что подарок хороший просто так не дарится, его заслужить еще надо. Мама обругала его и в авральном порядке позавчера слетала в «розовый» магазин и приобрела мне в подарок танкетки красные, легонькие и такие удобные! Совсем как те туфельки! Теперь я полностью на лето обеспечена обувью! Мама, косясь на папу, вручила мне танкетки от семьи как бы. Разочарованные девчонки, про себя усмехаясь, в ладошки официально - старательно хлопают, а я под стол с кислой миной нагнулась, на ноги подарок натягиваю. Немного обиделась: мама всегда дарит то, что нужно мне в данный момент и что можно предсказать безошибочно. Поэтому и неинтересно получается. В прошлом году, например, два комплекта нижнего белья подарила, а вот сегодня—танкетки...

Когда же я, выкарабкавшись из-под стола, улыбнулась маме, то папа, соответствуя случаю, торжественно извлек из кармана коробочку с сережками. И открыл ее всем на обозрение, а потом подозвал свою доченьку, чтобы за единственный поцелуйчик одарить ее таким счастьем, счастьем, счастьем, счастьем!..

Нет, вы бы посмотрели на моих девчонок и маму, как у них лица вытянулись! Ведь никто же не ожидал от папы такого! Как я его люблю! И я его, похоже, совершенно не знаю. И маму тоже: она радовалась моему подарку, наверное, больше, чем я. Ее изумлению прямо таки не было границ! От поцелуев и восклицаний мамы папа выскочил из-за стола и убежал на крылечко. Девчонки и мальчишки тоже кое-чего по мелочи подарили мне. А вот брат, скотинка, всучил мне бутылочку «тройного одеколона» двухсотграммового разлива. Это, чтобы опохмелилась, говорит, утречком после праздничка. Иначе головка болеть долго будет. Заботливый, прямо до ужаса!

13 апреля.

Понедельник. Началась последняя неделя нашего пребывания в школе. На практику идем с пятницы. Маме обещали продать полусапожки, но как всегда - неудача. Передумала хозяйка сапожек - другого покупателя им нашла. Пальто мое белое распорото, лежит на столе, а мама и в ус не дует дошить его. Старкова дала мне очень интересную книжку о взаимоотношениях мужчины и женщины. Вместе пролистали ее, она картинки прокомментировала, похихикали. А вчера мы с нею ходили в кинотеатр «Москва» на фильм » Бухта Елены». Понравилось...

...Да, последний раз я заглядывала в дневник 13 апреля. Вот уже почти два месяца, как я не брала его в руки. Много событий произошло у меня с тех пор, много воды утекло в нашей Искитимке.

Сегодня 10 июня.

Скоро закончится наша практика. 21 июня — последний день. Нам за труды заплатят, ученические. По полторы сотни обещали. Считай, что два месяца трудились на стройке. Но все равно это будут большие для нас деньги. Уж точно, на них я приобрету себе на зиму сапожки. А маме пудры и папе, бритвенный прибор. А то он всегда ворчит, когда бреется, что вот и этот, последний, недели не прослужил, как сломал-

ся... Я ему куплю станок металлический. За сто лет не ломает! И лезвий запасец, месяца на два. Вот рад то будет! Ведь я же ему никогда еще ничего не покупала.

Вообще-то строитель — хорошая профессия. И штукатурить даже очень интересно. Правда, поначалу мы себя только штукатурили, на стены раствора мало попадало, но сейчас уже что-то получается. Я с большим удовольствием оглядываю по окончании смены оштукатуренное мною пространство. У меня конечно намного меньше получается это пространство, чем у кадровых штукатуров, но ведь и у меня красиво, и у меня ровненько! Любуюсь делом рук своих и радуюсь - и я уже что-то умею. Таким умением не грех и похвастаться маме. Уговорю ее, чтобы на обед к нам приехала. Ведь стройка же от места маминой работы не так и далеко находится.

Много летом девочек поступило на работу или уехали куда-нибудь. Уехала Таня Карташева. Соболева и Бадрак поступили на учеников продавцов. Учиться уже в школе не будут. Нилова тоже куда-то поступила.

Мой почерк заметно ухудшился. Сказывается большой промежуток между писаниями. Ну да ладно, за год исправим.

Валя Старкова — моя сноха.30 мая — был день их свадьбы. Счастливы оба. Живут у нас.

Вот уже и 30 июня.

Практика кончилась. Получила 130 рублей. За покупками, что наметила, пойду с мамой. Сапожки может на базаре приобретем с рук, а может, подешевле чего, в магазинах присмотрим.

В прошедшее воскресенье крупно поссорилась со своим братом. Опять, то же самое: его нетрезвое состояние, наглая ложь, его пощечина и слезы на глазах. И просьба простить. За меня вступилась мама, Валька молчала. А ведь из-за нее все началось: ее защищая, я на брата накинулась. После этого скандала он получил деньги на работе и несколько дней не отдавал их маме. Мы уж подумали с мамой, что молодожены решили отделиться от общего стола. Я, откровенно говоря, даже рада была бы такому событию. Много меньше пришлось бы терпеть его общество. Однако опять все приутихло, он с мамой поми-

рился. Я с ним не разговариваю. Если еще раз, или два повторится такая комедия, то он мне станет противным на всю жизнь. Даже если не на всю, то, по крайней мере, на долгое время. У нас с ним нет ничего такого, что сближало бы нас, кроме родственных связей. Он не терпит тех, кто ему не льстит и не соглашается с его мнением. Пуп земли! Я таких, как он, не уважаю! Между прочим, у меня хватит гордости не приехать к нему в гости, даже если он будет умолять меня сделать это, стоя передо мной на коленях. Он подлец, каких я еще не видала!

В этом году наверно никуда не получится съездить. Сестра Неля приглашала к себе, но ведь чтобы ехать туда, нужно не менее 100 рублей. На такие деньги можно купить себе хорошее зимнее пальто. И помимо пальто мне много чего еще необходимо приобрести к зиме. Того же, что на стройке заработала, едва на сапоги хватит. Вальке тоже надо делать зимнее пальто. А они собирались проводить свой медовый месяц в Киргизии, у ее родственников. Теперь об этом помалкивают.

Семейные дела, много их стало у нас. Если обо всем писать, бумаги не хватит. Косулин в начале июня сломал ногу и руку: с крыши упал, голубятник. Лежал в больнице. Сейчас он дома. Видела как-то сидящим на скамейке с костылями подмышкой. Ухажер.

8 июля.

Среда. Целый день сижу дома и шью Вальке платье. И никуда не тянет, и делать больше ничего не хочется. Совсем как старуха семидесятилетняя. Смешно. Вот дошью платье и займусь чем-либо стоящим. Правда я еще не придумала чем. Хотя развлечений, если разобраться, множество — выбирай любое, что к сердцу ближе! Читать книжки и смотреть телевизор надоело. Чего бы нибудь новенького изведать. Но чего?

Девятый «а» класс ходил в поход на 10 дней в Горную Шорию с Гэшниками. И как могут два разных класса дружить друг с другом? В нашем классе все мальчишки и девчонки, как собаки грызутся, на несколько лагерей разбились и не признают друг друга. Ведь мог бы и наш класс в поход летом сходить. Я бы лично на такое мероприятие согласилась. А то ведь как практика кончилась я и сижу дома безвылазно. Разобраться если, нет у меня подруги, из-за этого и сижу. Одна куда пойдешь? Ни в горсад, ни на пляж, ни в кино одной ходить не хочется. Потому и слыву в глазах окружающих ужасной домоседкой.

Даже обидно становится: ну какая я домоседка? Я хочу, хочу быть обыкновенной девочкой! Господи, хоть бы кто-нибудь помог выбраться из этого положения! Пока лето не кончилось.

16 сентября.

Как быстро летит время! Золотая осень. Дни стоят теплые. 15 сентября выкопали картошку на папином участке. Намучились. Автобус от предприятия сломался. Ждать не стали другого — добирались попутками. Поодиночке. Валя на машине вместе с картошкой уехала. Счастливая! Когда мы попали домой, она уже нам всем картошки на сале нажарила. Папа, как полагается, к картошечке молодой бутылку водки в магазине приобрел и хвост селедки — отметили урожай с его участка.

С маминого же участка картошку мы выкопали только 20 сентября. Чтобы не было лишних хлопот, наняли за 5 рублей свободную машину: вместе с картошкой всей семьей и приехали домой. На зиму картошкой запаслись основательно, полный погреб! В прошлом году на семена у соседей четыре ведра позаимствовали, а теперь и нам хватит, и свиньям. В виду возросшего населения папа с мамой решили откармливать на мясо этой зимой сразу двух поросят. У нас они уже хрюкают в стайке, такие миленькие!

22 сентября.

Вторник. Мы получили письмо от Нели. В конверте шесть фотографий. Снимались с Леной, когда были там. Снимки в основном, на пляже. Леночка, егоза, во всех ракурсах смотрится прекрасно. Да что там говорить: маленькие — они всегда прелестны и восхитительны.

Вечером вывезли мусор из подпола и со двора. Теперь у нас во дворе чистенько и опрятно. И на скамеечке можно посидеть, и с Шариком побеседовать. Он у нас большой балбес, но ласковый до безобразия и все время под ногами пугается.

Нагрела воды в бане и постиралась. Только свое белье. Хотела и Валентины белье постирать, но раздумала: ей самой делать нечего — постирает. Да и чего молодых ублажать: мама для них готовит, а я стирать собираюсь и вот, когда в доме прибиралась, то и их комнату прихватила по привычке. Оно мне надо? И так в ближайшее десятиле-

тие съезжать от мамы и не думают. А прислуживать если им, то до пенсии своей у нас и будут жить на всем готовеньком. Губа не дура у обоих. Жалко мне маму с папой: зачем им лишнее бремя, семья эта новая? Вот я, когда замуж выходить буду, то обязательным условием поставлю проживание отдельно от родителей. Молодая семья с первых шагов должна приучаться к самостоятельности. Я Валерке об этом не раз говорила. И птенцом желторотым обзывала: за юбку мамину держишься, если, то ты, говорю, не созрел еще до создателя собственной семьи. Продолжал бы играть в любовь с моими подружками, пока не подрос окончательно. А он мне и врезал однажды в ответ побратски. Больно умная, говорит. Два дня опухшую щеку холодной водицей примачивала. Фашист! Я ему за это кружкой железной большой шишак на затылке поставила. Будет знать, как обижать девушку. Правда мало кому нравится, но зачем распускать руки?

У нас дом большой, кирпичный. В нем зал, две спальни и кухня. Одна спальня для взрослых, другая для нас. Мы, когда маленькие были, вполне в ней комфортно размещались. Когда же я подросла, то мама выгнала Валерку в зал и комната оказалась в моем безраздельном владении. Пока Валерка не женился. Теперь мама молодоженов поселила в моей спальне, а меня приютила в зале. Думаете приятно, когда вокруг тебя все время толкуются люди и ни почитать, ни сконцентрироваться на чем-нибудь серьезном совершенно невозможно? Именно это в первую очередь настраивает меня против присутствия брата в доме. Брат не глупый, понимает и тоже злится на меня.

21 октября.

Среда. Слишком редко заглядываю в дневник. Получила письмо от К. С.. Второе по счету. Первое он осмелился написать мне, когда кузнециком прыгал по газонам у дома своего на костылях. В открытую не написал, что влюблен в меня по уши. Да я бы и не поверила в это. Разве можно меня сравнить с той же Большаниной, или Валькой, хотя бы? Просто он раскумекал, поди, что я вроде его уровня девушка и, значит, вполне могу откликнуться на позывы его чувствительной натуры. Подтолкнуло же его на попытку завязать со мною серьезные отношения то, что он сам одинок, во-первых, и то, что он в этом году побывал на моем дне рождения, видел мои золотые сережки, близко сошелся с моим братом, со мной пообщался накоротке, во-вторых. Только это и ничто другое притянуло его, «словно магнитом», ко мне. А не какие-то там зовы сердца. А я, разве могла я устоять и не отве-

тить на послание парня, оказывающего мне письменные знаки внимания? Первые в истории моей жизни! Конечно же, я порассуждала немало в ответном письме о превратностях жизни, ограниченной по бокам костылями, рассказала о толстой кошке, сожравшей приютившегося у нас на чердаке голубя, похвасталась богатым урожаем картошки и нашими хрюшками. А о чем еще ему писать, скажите, пожалуйста?

Молодожены разругались с мамой. Сейчас они питаются отдельно и с нами почти не разговаривают. Валерий, который день ремонтирует окно, разбитое им, как он говорит, по неосторожности. Хотя, какая тут может быть неосторожность? - опять запулил, поди, по пьяни в свою, не в меру распускающую язык благоверную, чем-нибудь тяжелым, да промахнулся и вышиб окошко. Я маме высказала это предположение, и она с ним вполне согласилась, так как не однажды уже замечала за сыном подобные выходки. И я замечала и на себе ощущала. Чего уж тут врать то? Папа из принципа не желал стеклить разбитое окошко. Было холодно, и мама ворчала. Сегодня наконец-то сын заменил расколотое стекло собственноручно. За такую его доблесть я пообещала братцу ходатайствовать перед военкомом о награждении Дочкина Валерия Николаевича стеклянным орденом Славы.

Ко дню 7 ноября как раз и успеют выдать. Покрасуется перед мамой и Светой на праздники. И обмыть его тоже успеет. Совместно со всеми, а не в одиночку.

Папа вставил вторые рамы, и мы с мамой заклеили окна. В доме стало тепло и уютно.

Через две недели закончится первая четверть. В прошлом году меня выбрали комсоргом, а я не очень-то общительная и инициативная. Ходила на заседания комитета и все. Нет, не все, собирала еще членские взносы. Что-то организовать и осуществить у меня не хватало силенок и воли. Обращаться к кому-либо за помощью я не люблю. И кому нужен такой комсорг? Наверное, на следующем собрании меня перевыберут. Ну и пусть. Надоело. Не очень и хочется отвечать за кого-то. Тут с собой-то не знаешь порой, как поступить.

В классе девчонок осталось совсем мало. Всего 20 человек. В праздник, 7 ноября, у Кати Сомовой свадьба. Она в школу пошла с восьми

лет. Сейчас ей уже без четырёх месяцев восемнадцать. Она пригласила на свадьбу весь класс. Катя уже расписалась с женихом в ЗАГСе и имеет полное право носить в школе обручальное колечко. Мне такие привилегии и даром не нужны. Насмотрелась на жизнь своего братца. Выйдешь замуж за любимого барбоса и будешь через день с новым синяком по школе светиться. Чем не украшение для милой девушки? А может у этих по-другому все сложится? Жених старше невесты на пять лет. На работе обещают обеспечить его жильем в течение года. Правда, жить придется в Латышах. Пока же родители на период учебы Кати сняли для своих детишек отдельный угол в Кемерово. Муж её работает на железной дороге. Катя согласная жить в Латышах после школы.

Райские условия создали родители для молодой пары и если жених не вольтанутый, то у Кати получится отличная семья, такая, о какой любой девушке мечтать только можно. Моему брату жилье на работе не светит. Чтобы он тратился на свою семью поменьше, мать и приютила его на первое время у себя. А там—куда вывезет. Кстати, от военкомата Вале тоже обещают что-то впоследствии. Знать бы только - когда?

На праздник хочу сшить костюм—юбка прямая и кофточка без рукавов. И впереди вырез сердечком. Материал с мамой мы уже раздобыли. Воплощение моей задумки стопорится только из-за отсутствия тети Моти. Она обещала посетить нас в ближайшее воскресенье.

Плохая новость – Закирова посадили. За что—не знаю. Хотя чего тут знать? Начистил, поди, кому рожу. Вот и посадили. Взрослому начистил, с положением который, тот и не простил его. Мальчишек со школы он в этом году уже никого не зацеплял, боялись все с ним в драке отношения выяснять. Резкий парень. Первый разряд по боксу имеет. В теннис играет, в футбол, на лыжных гонках за школу выступал. Кстати, он не только физически развит — и по учебе в отстающих не числился. Жалко его: с такими задатками он далеко пойти мог, тюрьма же искалечит, испортит парня. За бывшего зека и замуж не всякая порядочная девушка выйти решится.

А вот новость получше: Виктор Акулов стал заниматься в драмкружке. С его безукоризненно внешностью и манерностью, драмкружок для него самое подходящее поле общественной деятельности в школе. А может даже у него в этой области таланты вдруг прорежутся и он в

артисты народные выбьется. Я, да и не только я, раньше его ни рыбой, ни мясом не считала. Неинтересный был парень. Сейчас расцвел и очень отличается от других мальчишек своей благородной осанкой и чертами лица. Прямо царедворец какой-то. Раньше Надька Хомякова, одна из первых красавиц нашего класса, на дух его выносить не могла, теперь же им интересуется, променады на переменах вокруг него совершает. На уроках записочки кидает с просьбой о чем-нибудь. А он корректно ответит безо всякой улыбочки и отвернется. На что это похоже, мальчики! Ни во что красоту девическую не ставить — да за это расстреливать надо без оправдания!

Светка Воронько почти разочаровалась в А.С.. Она дружит сейчас с Лёней. Потому» почти», что А.С. для нее еще что-то значит, и она с ним изредка тоже встречается. Еще та мастерица пудрить мозги обоим и сразу. Ну, чем вот она берет? Она метиска: папка украинец, а мама — русская. В маму лицом, в папу характером вышла. Хохотушка, с любым мальчишкой заговорить ей — раз плюнуть. Она стройная, красивая, миниатюрная девочка. У нее большие голубые глаза и пухленькие губки. А какие она гримаски корчит — обхохочешься. И она не стышка: очень много читает. Учится, хорошо усваивая материал. С ней разговаривать можно бесконечно на любые темы и, мне нравится в ней именно то, что она ничегошеньки не скрывает от меня. Запросто в один присест может выложить тебе любую свою сокровенную тайну. Я вот так не могу. Чего-нибудь от нее, да и утаиваю. Особенно я не люблю плакаться ей в жилетку по поводу мальчишек, почему-то обделяющих меня своим вниманием.

Вот и сейчас: у нее двое мальчишек на привязи, а у меня никого нет. Хотя разобраться если, то К.С. хочет дружить со мной, а я нет. Не буду, наверное, ему отвечать на второе письмо. Не нравится он мне — хлипкий. Ростом удался, но.... И то, что рыженький он, и весь усыпан конопушками—это не в счет! Я, вон, тоже конопатая бываю по весне. Мне бы хотелось, чтобы мальчишка мой выглядел покрепче. Этот же совсем как мальчик, и возмужает лет через пять, если, то все равно так же выглядеть будет. Конфигурация от природы у него такая. А я, как и все русские женщины, выбирая для себя будущего спутника жизни, в первую очередь хотела бы видеть его физически развитым. Чтобы можно было всегда и во всем на него положиться. Где надежда на то, что в трудную минуту я обопрусь на него, и он меня выдержит, не сломается? К тому же он такой культурный и весь из себя, а я грубая,

неотесанная и неинтересная. Молчу всегда, как рыба в проруби. Я сама такого о себе мнения и права, по всей видимости.

К празднику обещали подъехать Женя и Неля с Леночкой. Когда будут уезжать, Леночку здесь оставят, а то ведь Женя перевелся во Фрунзе и им дадут квартиру только в конце 1965 года. Вот и будет у меня подружка. Ей теперь четыре годика. Хоть куда вдвоем можно будет пойти. Буду гулять с ней по универмагу, магазинам Советского проспекта, ходить на представления кукольного театра, просматривать сказки про Синдбада-морехода, трех богатырей, Али-бабу... Скучно нам тогда с нею не будет.

Сейчас же настроение не паршивое, но улыбаться почему-то не хочется. Собственно, это самое нормальное настроение для такого типа людей, как я. Ходила в библиотеку. По намеченной недавно программе стала выбирать серьезное чтиво. Надо повышать свой культурный уровень, быть более развитой. Алла Борисовна говорит, что много интереснее общаться с людьми много знающими, начитанными и любопытными по части литературы. Буду и я развивать себя умными книжками. Всякие там приключения и сказки, книги о войне и любви не для меня теперь. Начиталась, хватит. Пусть эти книжки отдыхают теперь на библиотечных полках в ожидании других читателей.

13 ноября.

Ноябрьские праздники гуляли у Кати на свадьбе. Муж ее ничего. Правда, особенного тоже ничего нет. Но это навскидку. Ей же он нравится и она с ним перед тем, как расписаться, целый год общалась, успела разглядеть его достоинства. И оценить успела. Катя девушка умная. Она всегда по косточкам разбирает то, за что надумала братья-ся. Ее на мякине не проведешь.

6 и 7 ноября до обеда отмечали свадьбу и революцию 1917 года в Кемерово, а потом поехали всем кагалом в Латыши. Расположена от железной дороги эта деревня далековато. Пока дошли, да в снегу навалились, его, вон, сколько по оврагам намело, так весь хмель из нас и выветрился. Как пришли - хозяева сразу же дорогих гостей и невестушку за столы усадили здоровье «поправлять». До утра мы «лечились», танцевали, баловались. И деревня с нами всю ночь не спала, участвуя вместе с хозяевами в нашем излечении. От свадьбы Сомовой впечатление у меня наилучшее.

Из той деревни тогда с нами приехал в Кемерово Толик, родственник мужа Кати. Молоденький, симпатичный, интересный парнишка. Он хотел устроиться на работу в автобазу, чтобы потом учиться на шофера. Мой папа отговорил его: до 18 лет тому еще жить да жить. И этот период безопаснее при родителях находиться. Он был у нас до 9 ноября. Все вместе ходили восьмого ноября в кинотеатр «Москва» смотреть фильм «Мандат».

Мы с мамой заказали мне зимнее пальто. Рукав—реглан. Воротник от маминого пальтоотрежем. Ей он не нравится, а мне—в самый раз. Завтра надо уже идти на первую примерку. Волнуюсь: не подпортила бы **закройщица**, что она там накроила, как пальто подчеркнет мою фигуру, все мои воображаемые достопримечательности тела? Хотя оно не на века шьётся, но не только в школу, и в институт ходить в нём придётся.

Хотела ещё сдать белый материал на юбку плиссированную и кофточку. Портниха развернула кусок, помяла его, повосхищалась качеством и сказала, что на такой заказ материала не хватит. А жалко: я так давно мечтала о летнем костюмчике! Что ж тут поделаешь? Промахнулись мы с мамой в своих расчетах. Обойдусь платьем. Фасон ещё в моём сознании не утвердился. Материал лежит дома.

Девочки в классе поделились со мною сегодня утром ошеломляющей новостью. Суть ее такова: Х.Н. разонравилась А.С. Правда, эта новость не для меня, а для Светы Воронько. А.С. вообще сильно изменился в последнее время, стал более раскован при общении с девушками, развязнее. Вроде как повзрослел и пресытился жизнью настолько, что ничего святого уже не видит в отношениях мужчины и женщины. И всем своим поведением откровенно подчеркивает это. Света говорит, что это ее мало радует, так как и с ней он может таким же быть. Н. Х. записалась в туристический кружок, чтобы чаще его видеть. А.С., заядлый турист. Все время вылазки на природу для школы организует. Так вот, как только Надька записалась в кружок, он тотчас же прекратил посещать его. Разве не ясно почему? Эту трагедию рассказала Светке Людя Сивцова, которая тоже была не равнодушна к А.С. . Мне смешно стало. Говорю Светке: что за парень этот А.С., что в нём хорошего вы видите? Весь 10» А» по нему сохнет, включая меня. И Левина, и Сидорова тоже около него крутятся, изо

всех сил одаривают его своим расположением, а он хоть бы что. Не кажется ли вам, что слишком балуете вы его девочки?

К.Т. предложил дружбу А.Л..К.Т. согласилась, потому что А.Л. ей давно уже нравится. Теперь они не таясь от класса перешептываются друг с другом, сладко улыбаясь при этом. Он теперь по воскресеньям ходит с нею в кино и провожает после занятий до калитки ее дома. Портфель ее носит. А со мной непонятно что происходит. К. когда-то мне нравился, сейчас не нравится. Прилепить себя к кому-то другому не умею. И никто ко мне сам не клеится. Я смотрю на себя со стороны как бы и думаю: что же это такое я представляю? Ну и хорошенькое должно быть зрелище! Говоря языком мужским, можно бы, наверное, отнести меня к четвертой группе молодых девушек: посмотришь и отвернешься. Как ни обидно, но это факт. А тут еще с литературой не ладится. За полугодие будет, похоже, четверка. Ну и пусть! А у Светки Воронько будет 5. Что ж, она преуспевает по литературе, а у меня по тригонометрии немного лучше выходит, чем у нее. С Лёней своим она раздружилась. Поэтому ее и волнует суета девочек вокруг А.С.

В городе недавно увидела Верещагина. В военной форме вышагивает, нос выше головы. И Терентьев с ним тоже идет. Нет, не идет, а тоже вышагивает. Меня не замечают. А ведь когда-то с Валеркой по мичуринским садам они шастали. Забыли это давно. Еще бы! Теперь они курсанты училища связи. Ну и бес с ними! Меня никто и ничто не интересует. Может быть, и привираю немного, что никто, но все-таки наверно никто.

Верещагин в их кампании был заводилой. Он красивый, умный, высокий мальчишка ни перед кем никогда не драл носа. Был сильным, но никогда не задибался и не лез в драку первым - прямая противоположность Валерке. Был справедлив и не врал. А когда учитель по рисованию задал мне на дом выполнить сюжет на одну из русских народных сказок, и я, запутавшись в богатырях и царевнах, прямо чуть не плакала над листком бумаги, а Валерка, проходя, обозвал меня мазилой несчастной, то Коля Верещагин, он тогда был у нас в гостях, подошёл ко мне, выяснил над чем я мучаюсь, взял в руки мой карандаш и уверенно нарисовал избушку, на очень похожих на курячи, ногах, саму бабу-Ягу с ее остро загнутым носом и прекрасного царевича перед нею. Прямо диву даться можно, как у него быстро и краси-

во образовалась картинка. Потом он посоветовал мне какими цветами раскрасить им изображённое, чтобы выглядело натуральнее и, вместе со мною полюбовался результатом. Картинка вышла удачная. За нее я отхватила пятерочку. Вот и все, что меня связывает с Верещагиным. Я была к нему тогда равнодушна, наверное. Но ведь я тогда была маленькая. И все же мог бы заметить и поздороваться. Похоже, ему помешало заметить меня какое-то очень серьёзное обстоятельство. А Терентьев и раньше старался не замечать меня и я его тоже взаимно не замечала.

10 декабря.

Скоро наступит 1965 год. Думаю, где мне его встретить и прихожу к выводу, что встречу его вероятнее всего дома. Правда, будет жалко такое событие, как Новый год, и встречать дома. Да что поделаешь, И папа с мамой его тоже дома встречают.

Тетя Галя написала мне письмо, в котором просит, чтобы я в целях сближения родственников, чиркнула ее сыну Николаю письмецо. Чего, пишет, вам, молодым, чураться друг друга. Познакомишься с ним, а понадобится, то и за помощью обратишься. Родня ведь. Поможет. Откровенно говоря, я боюсь приступить к этому письму, потому что не знаю, что ему написать и как. К тому же он из семьи интеллигентной: папа у него директор завода, а мама – заведующая городской больницей. Да еще сам он в институте учится. Уж что и говорить, что язык у него не так, как у меня повернут — изысканно выражается, видать, парень. Будет еще он слушать какую-то там Марусю из Плешков! Да еще смущает меня то, что если он приедет этим летом в Кемерово, неудобно получится при встрече с ним. Как я ему покажусь? Уж больно недовольна собою я. Но все равно писать надо. Для меня это будет как сочинение на заданную тему. Буду писать целую неделю. Постараюсь, чтобы интересно вышло. Надо написать. Обязательно надо. А то еще навеки останешься в среде, им противоположной.

Неделю назад похоронили Бурмакина Юрия из 11«А» класса. Взорвался котел в школе №68. Его убило и женщину-кочегара. Хоронила вся школа. Музыка. Траур. Почести. Зачем все это нужно усопшим? Они их не видят, а мне страшно даже глядеть на гробы красные.

На похоронах я не плакала, но вот уже неделя прошла, а у меня такое гнетущее состояние. Даже не понимаю, как все могут смеяться и веселиться, когда потерял один очень хороший человек, который никогда больше не появится среди нас.

Левашова, она с ним дружила, сильно плакала у гроба. А я ну не знаю, прямо, что бы с собою сделала, приключись со мною такое несчастье. Правда у меня на этот счет сейчас не о ком и не о чем реветь. Да и к лучшему, что не о чем. Пока. В будущем наверняка наревусь еще от своего горя.

11 декабря.

В школе была конференция. На ней директор огласила, скрупулезно подсчитанные учителями, успехи и достижения учащихся за первое полугодие. Наш класс получил три выпела. Мальчишки заважничали, ведь выпелы в основном заработаны ими на спортивных соревнованиях. С этими выпелами гордыми индюками они разгуливали по школе на последних переменах.

Наконец-то одолела письмо Николаю. Оно едва уместилось на четырех листах. И откуда во мне набралось столько для него интересного? Хотя... Вероятно, для него это будет одной чепухой и он даже не соизволит прочесть хотя бы листочек из написанного мною. И еще пальцем не преминет покрутить у виска: никак совсем сбужеволила девка. Но я же старалась. А потом раззуделась рука и я в один присест настрочила письмо и К С.. А ведь не хотела отвечать на его второе письмо. Да вспомнила: Надька Х хвасталась как-то, что никогда никого из своих поклонников не отшивает. В открытую. Может когда, и пригодятся еще. И этот тоже, мало ли.... Отослала обоим.

17 января.

Больше месяца не заглядывала в свой дневник. Вот уже и 1965 год. 30 декабря был вечер в школе. Я, как обычно, в виде скучающего запасного игрока простояла у стенки весь вечер. Очень обидно, но что поделаешь? Всему свой удел. Жил бы сейчас в Кемерово К.С., то, наверное, не скучала бы. У него отец маркшейдер. Переехали в Белово на шахту Распадскую.

Горбунова танцевала с П.. Или ему кто-нибудь сказал, что он ей нравится, или же просто у него губа не дура». Но выбрал он именно ее, и весь вечер увивался около. Новый год, то есть 31 декабря я провела у Горбуновой. Собирались опять одни девчонки. Своего ухажера она почему-то не пригласила. Нормально отпраздновали великое событие, но скучновато. С мальчишками оно как-то не так все происходит. Веселее и занятнее.

Первого января проспали до часу дня, а потом к нам заявились всей ватагой Сомовы. Новые участники - это хорошо, но мне надоело уже пьянствовать, и я убежала домой.

Каникулы провела так себе. Никуда буквально не ходила, кроме как в больницу к однокласснице Зориной Ольге. Ну, той, с которой мы шефствовали над пятиклашками. У нее дифтерия, говорят. А помоему - отравилась на праздниках. Любительница острых маринадов и солений. Грибочков сверх меры откушала. Как простыня теперь вся бледная и несчастная. Еще бы! В этой больнице кроме как по коридорам никуда и нельзя прогуляться. Мальчишек в больнице, с родственным ее болезни недугом, не было ни одного. Не с кем и пообщаться. Одни книжки и так – все каникулы. Будешь тут несчастной!

Неделю, как учимся в третьей четверти. Сегодня должна проводиться городская математическая олимпиада. Я на нее не поехала. Причина серьезная: неохота было в воскресенье рано вставать. Да и сама знаю, что ничего бы там не решила правильно: домашнее задание, что мне давала наша математичка я не сделала. Поленилась. Завтра, наверное, мне попадет от учительницы. Она ведь на меня надеялась. На физическую олимпиаду я тоже не ездила. Мною овладела полнейшая апатия. Сижу, дома и жирею.

Мама к обеду довязала мою шапку. Я думала, что она станет лучше, но с моей головой и лицом мне хоть ведро оцинкованное нахлобучь на голову. Все равно я красивее и с ведром на голове не стану. Поблагодарила маму. Буду носить ее шапку. А чего делать то? С ведром неприлично же. Да и папа еще заругает.

Настроение у меня с утра противное, прямо ужасное. И что я за уродина? Сколько я уже раз кляла плохие черты своего характера! А они не меняются. Вот избавиться бы от них. Хочется походить на Л.Р..

Интересная она в общении девушка и красивая. А я? И зачем только такие, как я, люди, рождаются на белый свет? Действительно, зачем? Живешь, живешь-- коптишь потихонечку небо и умираешь тоже незаметно, потихонечку. Никто и не заметит даже, что ты исчезла. Вроде, как, и не существовала ты никогда. Е.С. во многом схожа с Л.Р.. И ей гораздо легче жить, чем мне. Она не знается со школой. Она дружит с теми, кто живет на Цветочной улице. Я с 12 линии, выгляжу чужой в ее компании, но она всегда приветлива со мною, потому что давно убедилась—я девушка просто так, не конкурентка ей, а лишь умное приложение, фон, на котором Е.С. смотрится еще привлекательнее. Ужасно понимать это унижительное положение и продолжать дружить с такой девушкой, не правда ли?

21 января 1965 года.

Настал день расплаты. Я немного ждала его, только не думала, что он наступит так скоро. Сивцова и Левина решили провести открытое комсомольское собрание. Первой повесткой были двойки одноклассников. Я умно высказалась по поводу возникновения отрицательных оценок и искоренения их. Левина часто переглядываясь с Сивцовой, слушала меня внимательнее всех. Будто мои указания, ей круглой отличнице, могли пригодиться в дальнейшем. И тут я поняла, в чем дело. После оценок меня попросили сделать доклад на тему «Что я сделала для класса, в должности его комсорга». Я, как обычно, не смогла связать воедино двух слов. Доклад у меня получился очень короткий и путанный. В его конце, я чистосердечно призналась в том, что ничего не делала. Зачем, сказала я, мне вмешиваться в то, в чем я не разбираюсь, ведь жизнь класса и без моего участия не заглохла. И три выпела, что мы получили за первое полугодие, указывают на то, что я поступала мудро. Сивцова в ответ произнесла свою обвинительную речь, будто когда она была комсоргом, у нее все получалось. Если она так хорошо все знает об обязанностях комсорга, подумала я тогда, то почему, мы сместили её в прошлом году? После очень убедительного выступления Сивцовой, меня комсомольцы решили переизбрать. Не смогла я оправдать их доверие. Смещению с должности вожака я обрадовалась, и решила, что буду теперь все свои силы отдавать учебе. Правда, не особенно приятно было ощущать себя в чем-то ущербной и не способной соответствовать избранной должности. Хотя, чего уж там – какой из меня комсорг? Ведь я даже не помнила времени проведения предвыборного собрания, а ведь сама же его и назначила в прошлом году.

Новым комсоргом выбрали Сажину Таню. Она девушка требовательная, энергичная, учится прекрасно. Лично я против нее ничего не имею. Вот только удивилась тому, что у нас опять прокатила в комсорги девушка. Мальчишки же скромно отсиживаются. Боятся что ли? Прячутся за нашими спинами? А ведь им придется руководить массами в будущем! Именно сейчас и необходимо пробовать – способен ли ты к такому виду деятельности. Или нет.

После собрания разговаривать ни с кем не хотелось. Чтобы скрыть свое состояние, поехала в город. В автобусе со мною ехала Сажина и её подружки. Сажина разговаривала с ними, уже демонстративно отвернув от меня голову. Нечего чикаться с отставным фаворитом. Обо мне говорили, наверное.

Что ж, так и должно было случиться. Теперь я стану поменьше вникать в общественную жизнь и буду учиться прилежнее. Достигну в учебе небывалых высот, и меня вновь зауважают. И может ХА - ХА – перевыберут.

22 января.

Как решила, так и поступила: начала самообразовываться. Сегодня ходила в ДК на занятия Испанского языка. Удивилась. В их группе своеобразный подход к изучению иностранного языка: каждому необходимо знать множество песен. Быть веселым и интересным. Это как раз то, в чем я нуждаюсь. Буду учиться испанскому- Мо пассаран!

17 февраля.

Целую неделю не учимся. Карантин. Что не учимся – прекрасно, но поговаривают некоторые, что этот карантин пойдет в счет весенних каникул. То есть весенние каникулы нам отдыхать не позволят. Целую неделю, просидела дома. Не бесполезно, прочитала «Войну и мир» Толстого. Грандиозно! Захотелось очутиться в том времени! Испытать чувств Наташи Ростовской, её тревоги, волнения! Они настоящие и такие огромные! То, что окружает меня сейчас, так мелко и мерзко! Под впечатлением от прочитанного, я накатала сочинение, заданное Аллушкой на дом. По-моему превосходное! Пятак обеспечен!

Молодые отдали маме за еду 30 рублей. Мама взяла. И зачем она это сделала? Ведь говорила же, что больше с ними не будет связываться! Гораздо лучше было бы, если бы они питались отдельно!

В ДК больше не хожу. Далековато от нашего дома, и если уж там появляться, то гораздо практичнее будет оставаться на весь день. Заниматься в различных кружках. В общем, не по мне это. Я и бросила. Девчонки ходят. Они ездили даже выступать в Ленинск - Кузнецкий и в Белово, и им понравилось. А Зинка уезжает в Канск. Поступает в училище на ткачиху. Прислали вызов. 25 февраля уезжает.

6 марта.

Сегодня вечер в школе. Тема: «русские песни». Вечера, посвященного 8 марта, по всей видимости, не будет. Наш класс готовит вечер родительницам. Он будет проходить 9 марта. На вечере выступят девочки с песнями и стихами. Я нигде не участвую. Опять нигде. Сама отстранилась. Настроение такое, что хуже уж некуда. Казалось – дай волю, всех перебила бы из автомата. Часто приходят мысли о самоубийстве. Я серьезно начинаю размышлять: каким способом можно лишиться себя жизни, чтобы и быстро и безболезненно. Появление такой мысли беспричинно, если разобраться. Глупая все-таки я. Разве стоит лишать себя жизни из-за того лишь, что на тебя не обращают внимания мальчишки, а с твоих подруг наоборот не сводят глаз? Знаю, что глупо. Но я лютой ненавистью изливаюсь на девчонок, которых на переменах развлекают разговорами мальчишки. Ведь ко мне никто не подходит. Я для себя что-то значу, но для мальчишек - я никто. Потому- то мне все и противны. Не знаю, для чего живу. Ни для себя, ни для других пользы от меня никакой. Похоже, я буду вечно блистать своей невинностью. Короче меня и похоронят старой девой. Ничего, от сознания этого, меня теперь не интересует. Ничем не хочу заниматься. Я не знаю, куда подевать себя. Ни в чем, буквально ни в чем, нет мне счастья. Ну что я за человек? Когда бог раздавал красоту, я была, наверное, за дверью. Общительность я тоже прозевала. В общем, ничего мне не досталось при рождении...

Клокочущие во мне ярость на себя и злоба на девушек, которые очень нравятся всем парням, настолько ослепили мое сознание, что я не в состоянии найти правильный выход из положения, в котором пребывать не хочется и опасно. А он есть, он должен быть, я уверена в этом! Вглядишься в окружающих тебя женщин — разве все они очарователь-

ны, и привлекают взоры мужчин? Нет, не все. Но они все живут и, похоже, нашли ответ для себя положительный на так мучающий тебя вопрос, и выглядят, или стараются выглядеть в глазах окружающих, вполне довольными своей жизнью. Даже счастливыми!

Так постарайся и ты найти этот ответ для себя одной! Вооружайся им и живи так, как считаешь нужным, ни на кого не оглядываясь, и не комплексуя по поводу своей предполагаемой невзрачности. Скажем так – ты не красавица, но ведь и не уродина. У тебя все такое же, как и у других девушек. Единственная жалость – неброская внешность. Из-за нее ты и получаешься для всех мальчишек девушкой без изюминки. А чтобы подчеркнуть свою индивидуальность, надо ежедневно толкаться между людей, задевать их чем-то, какой-то из своих, желательно хороших, особенностей, чтобы люди замечали тебя, обращали на тебя внимание, чтобы у них создавалось о тебе впечатление, как о личности неординарной, интересной. Тогда к тебе и потянутся. Но ведь я же ни с кем не разговариваю! Побори себя! Ведь ты можешь воспроизвести на гитаре любую мелодию на слух. Голос у тебя не то, чтобы, но ведь в твоём исполнении романс звучит и маме нравится. Она же такие песенки выводить может – сердце слезами умиления обливается! Учись у нее, достигай, вдруг и у тебя будет так же получаться, ведь слух у тебя, по словам учительницы пения, идеальный. Ты мечтаешь стать настоящим врачом, но кто же тебе препятствует в этом? Поступай в медицинститут и учись на врача, приобретай умение лечить людей от всяких болезней. Хочешь бродяжить с рюкзаком за плечами по необъятным просторам нашей Родины? Записывайся в туристический кружок и – вперед! А если не боишься высоты, то можешь стать альпинисткой. И покоришь Эльбрус или Килиманджаро. Умение приготовить пищу так, чтобы люди с удовольствием вкушали ее и восхищались твоим мастерством, разве это не счастье?

Сегодня прихожу из школы домой, настроение еще там подпортили милые девушки, устроив разборку с дежурством в классе и мытьем полов. Хмурая в общем прихожу, злая на весь белый свет. Наверное, чтобы спустить пар и не взорваться, пнула кинувшегося под ноги Шарика. Он обиженно взвизгнул и, гремя цепью, спрятался в своей объемистой деревянной будке. Открыла по привычке почтовый ящик и к моим ногам спланировал листочек бумаги — извещение о бандероли от Нели! Я так ждала его! Я так обрадовалась! Стала думать: что же

такое интересное могла она прислать мне в ответ на сооруженную и отправленную мною посылочку им к женскому дню.

Взяла паспорт и побежала на почту, приплясывая от нетерпения. Получила толстый пакет с печатями, разорвала бумагу.— И что же там оказалось? Старый сарафан Нели, книга о вязке четырьмя спицами и маме духи.

Сказать, что я сожалела на обратном пути домой о потерянном на хождение времени, это значит скромно промолчать. Я так обиделась! Я плакала всю дорогу! ...»и внучка выбирала бабушке цветы»... Я ведь люблю их, я ведь бегала в магазин за конфетами Леночке, купила для них три самых красочных открытки, упаковала аккуратно посылочку, нарисовала на материи для Леночки веселый кораблик с парусами и отправила им все это на свои деньги. А тогда я собирала к празднику денежку, по-варварски ущемляя себя в школьном питании. И для чего старалась? Открытки даже не нашла для себя. В письме, приложенном к бандероли, меня персонально поздравили. И все. Грубо-необъяснимая жизнь. И зачем, еще до моего вступления в эту жизнь, люди так усложнили её? Может она и раньше была такой, а я — слишком примитивный индивид. Придаток к чему-то. Чем не разгадка? Я — пассивный романтик. Как только мои мечты соприкасаются с действительностью, то они гибнут. И я не пытаюсь их отстаивать в жизни. А как их отстаивать хотя бы в этом последнем конкретном случае? Люди добрые, подскажите!

15 марта.

Вчера были выборы в местные Советы. И, как назло, в ознаменование такого события, на улице установилась препротивная погода. В ночь на воскресенье шел дождь. Наутро все замерзло и получилось «ледовое побоище». Кое-как дошли с мамой до агитпункта. Я ведь обожгла ногу вареной картошкой четыре дня назад. Снимала с печки неосторожно свинячье варево и плеснула на себя. Было так больно. Целый час снегом остужала ожог. Волдыри вздулись на голени. Мама мне потом барсучьего сала приложила. Притихла боль, но когда еще заживет ранка. Ходить больновато, а тут еще этот каток. Я падала три раза, мама - два. Проголосовали за себя, наших ленивых мужчин и Валу. Встретила там знакомых девчонок. Поболтали. Мама в это время приобретала дефицитные продукты и тоже разговаривала со знакомыми.

В школе №68 была один раз, на похоронах. И то в основном на улице. Теперь осмотрелась. Так она ничего, но коридоры какие-то темные. И двери неуклюжие. Не дождалась обещанного концерта, и пошла домой. И только вошли, сгрузили на кухонный стол продукты, как вбегает Валя и молча, спешит в зал. За ней, выкрикивая матершинные словечки, выскакивает, пошатываясь, из своей комнаты Валерка, хватает табуретку и запускает ее в скрывающуюся жену. С комода грохается на пол цветок. Шум, гам, та-ра-рам!

Начинается первое действие домашнего концерта.

Молодожены, подстрекаемые им известными причинами, в усиленном режиме бегают посередине зала вокруг круглого стола. Валя театрально визжит, Валера гневно ругается. Мне смешно. Импровизация бесплатного концерта. Зрелище, которым в агитпункте нам не удалось насладиться, сейчас на домашних подмостках, выглядело для меня восхитительно. Одно неудобство: надо вовремя отмахиваться от молотящих воздух кулаков братца и уклоняться от убийственно сметающих все на пути предметов домашнего обихода, им запускаемых в Валю.

В зал устремляются ошеломленные происходящим родители, хватают сына за руки, не давая ломать мебель и пресекая попытки ударить жену.

В следующей сцене, из участниц которой надо исключить меня, толпящийся в зале народ уговаривает и даже категорически не пускает разбушевавшегося мужчину к двери. Тот желает уйти сейчас же, босиком, из этого дома навсегда, в связи с нанесенными ему (в виде уговоров) оскорблениями. Усиливающаяся напряженность дорастает до кульминации: после длительной беседы с матерью, сын, наконец, объявляет, что не хочет уходить из дома. И наоборот начинает утверждать, что как бы мы ни хотели, он будет продолжать жить в родном доме и непосредственно в той комнате, которую сейчас занимает, назло некоторым еще 100 лет. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Проговорился братец окончательно. Как-нибудь прокантуюсь и в зале до поступления в институт. Потом перейду в общежитие, чтобы не видеть перед собой эту пьяную рожу.

Кое-как под незатихающий аккомпанемент мировой беседы отца с сыном за столом на кухне, я, приютившись в зале, сделала уроки на завтра. Перебинтовала ногу. Не хочет она заживать, возмущается. Ей нужен покой и никакой ходьбы. А я ежедневно десятикилометровые дистанции накручиваю, не меньше. И еще вот, падала сегодня.

В четверг пальто будет готово. Ходила в субботу на примерку. Так оно нормально на мне выглядит, но чего-либо подчеркнутого-особенного в нем нет. Ширпотреб индивидуального пошива.

3 апреля.

О дне рождения ни с кем из знакомых не разговаривала. Я вообще последнее время ни с кем не разговариваю! Вследствие этого никого у нас 31 марта не было. Никто меня, кроме семьи, не поздравил. Первый раз прошел мой день рождения тихо. Молодые тоже не поздравили, но я им вечером поднесла по стопке, чтобы выпили за мое здоровье. Родные, как-никак, не со стороны люди. Мама с папой почему-то подарили мне золотое обручальное кольцо. И вот сегодня я плакала из-за этого кольца.

Случилось это вот почему: в первый же день я пришла в школу с кольцом. Оно так прекрасно гармонирует с моими пальцами! Антонина видела его у меня, правда, ничего не сказала. Да и девочки, наверное, тоже заметили на моей руке это украшение. На следующий день Антонина попросила показать ей кольцо. А я его как раз дома оставила. Так сегодня Аллушка на литературе подъела: «Удивляюсь, как вы все за лето не вышли замуж. На удивление повзрослели — уже носите поголовно золотые сережки, перстни и даже обручальные кольца». И так ехидно улыбнулась. Все конечно обернулись на меня. Это явно Антонина ей нажужжала на ухо. Ведь в первый день литературы не было, и та не могла видеть кольца. Ух, как я ненавижу Антонину и Аллушку!

Правда, если поразмыслить, зачем мне это обручальное кольцо? Уж если дарила мама кольцо, то почему не удосужилась выбрать с камушком, тем же изумрудом. Вот и был бы у меня тогда комплект с сережками. А так и носить его позорно будет, пока не выйдешь за кого замуж. Может срочно заняться этой проблемой, а то еще кольцо обручальное покроется ржавчиной? Смешно. И плакать хочется. Тоже мне мама, сморозила шуточку. Взрослая ведь, а такая непонятливая!

Уж лучше бы платье или туфли мне подарила обычные. Весна пришла. Скоро в город выйти не в чем будет. А тут кольцо. Зубы хоть вставляй золотые. Плаща нет, туфель нет, зато во рту блестит золото!

Как-то не так все у меня получается.

6 апреля.

Вторник. Вчера литературы не было. Алла Петровна уехала с драмкружком выступать в Доме Пионеров на городском конкурсе. Вчера получили письмо от Нели. Ей сделали операцию, прошла успешно: вырезали даже не одну, а две гланды. Теперь ей хорошо: никогда, наверное, теперь горлом маяться по весне не будет. Мне что ли их тоже вырезать. От ангины и весной и осенью постоянно загигаюсь.

Сегодня ходила с мамой на шестой участок. Заглянули в промтоварный магазин. Я все туфли, что в магазине были, перемерила и обнаружила подходящие для школы. Несем их к кассе рассчитываться и мама, порывшись в кошельке, объявляет: доченька, растратились мы с тобой на продукты. Не хватает на туфельки твои.

Расстроилась я. Не хотелось туфли обратно на полку ставить. Продащица, она маму знает, обещала до завтра их придержать. Даст маме денежку, прибегу сюда завтра, выкуплю их.

Вчера приезжал Красин Володя. Родители не захотели оглашать свои отношения с молодыми. Ужинали вместе. Валерка натянуто вел себя, но не сорвался. Даже шутить» изволили».

15 апреля.

Четверг. Валя забеременела. Встала на учет по беременности. Валерка теперь ходит с нею в больницу под ручку и она повелевает им, как королева. А мне и радостно и смешно: ведь совсем недавно они бегали друг за другом вокруг стола в зале. Мама и я начали шить для Валиного первенца распашонки и пеленочки. Вчера вечером Валя принесла мне два билета на 8 часов вечера в кинотеатр «Прогресс». Это опять, наверно, «выдрики «К.С.. Но я не пошла в кино и билеты пропали. Нечего поважать их. Даже прийти ему некогда, видите ли. Ну а мне некогда ходить на всякие пустяки. К тому же я видела этот фильм в «Москве».

Несколько дней назад девчонки спросили: дружу ли я с кем? Я ответила, что не дружу. Они очень удивились и с сожалением на меня посмотрели. Я конечно обрадовалась и огорчилась. Ну да ладно. Сейчас я с кем угодно дружить буду, но только не с ним. Лариска С. говорит, что они с Н. встречаются через день, и то надоедает. Мама с папой, говорит, постоянно ругаются. Живут вместе 20 лет. Тоже надоели друг другу, а куда денешься? Интересные наши девчонки. Им хочется заглянуть во взрослую жизнь, но через дверную щелочку если подглядывать за ней, ни у кого не получится. А у меня получится? Чего загадывать? Появится кто если – тогда и увидим.

Сегодня был конкурс на свое любимое произведение о Ленине. Написала. Может, признают мое сочинение лучшим. А почему бы и нет? Старалась. Ленина я воспринимаю, как живого человека, с детства. Он, на всех портретах в детских книжках, выглядит добрым, как бабушка Варя. Чтобы понять, что такое была для меня бабушка, я сообщу лишь один факт: я доверяла ей все свои сердечные детские тайны. О своем юном восприятии Ленина и написала я. Должно растрогать Аллушку. Она любит подобное.

В домах хозяйки вовсю уже белят. Мы с мамой в ближайшее воскресенье тоже начнем белить. Сегодня после школы мне надо перестирать занавески со всех окон. Поэтому убегаю со школы пораньше...

Светка Воронько, когда оставалась вчера мыть полы в классе за меня, нашла в парте, на которой сидит Сажина, тетрадь. Пролистав, поняла, что это личные записи комсорга. Дала мне познакомиться. Я, как и все девчонки, тоже люблю совать нос в чужие тайны. Взяла тетрадь домой. Прочитаю и мы со Светкой подбросим ее в парту Сажиной. Вечером сегодня ознакомилась. Записи в тетради озаглавлены: «Мои мысли». Но это мысли в основном о ее взаимоотношениях со своим парнем.

У Сажиной родители уезжают в Нальчик, а она остается здесь, у бабушки. Коля ей изменяет с какой-то Лилькой из-за того, что родители Сажиной против частых отлучек из дома своей дочери. Теперь ей никто не будет мешать встречаться с Колей постоянно. И Лилька эта от Коли отвяжется. По дневнику видно, что Сажина очень страдает от измен Коли. Наблюдательным девочкам в ответ, как она относится к изменам своего дружка, она говорит, что совсем даже их не замечает. Ведь при ней он ни с кем не ведет себя подозрительно. Да и вообще—

ссориться из-за этого она с Колей не намерена. Как это можно воспринять? Или она страдает внутри себя, или же только на бумаге, будучи мастером образного слова и упиваясь своим мастерством. То пишет прозу, то стихи. У нее получается. Я пробовала тоже сочинять стихи, но у меня, что попало выходит.

11 мая.

Месяц, как не брала в руки дневник. 1 мая справила плохо. Потому, что никуда не ходила. Просто сидела дома у телевизора. Жаловаться на судьбу не буду. Это мне уже надоело. 9 мая тоже никуда не ходила. В этом году широко отмечали 20-летие Победы над Германией. Получила в школе открытку, вернее фото. Нас фотографировали перед праздником. Вышли все не особенно хорошо, но ряд, где я со Светкой В., получился лучше всех. Полюбовавшись мною, мама искренне назвала меня красавицей.

В субботу учимся последний день. Потом будет практика. Говорят, что будем ремонтировать родненькую школу. Наша директор молодец, что в прошлом году заставила нас научиться владеть мастерком и кистями. Все рассчитала, как надо. За практику будут платить, так что никто из нас не попробует бездельничать. Уж свою-то школу для себя и будущих первоклашек мы отремонтируем на «отлично»!

Скоро у 11-классников выпускные экзамены. Сдадут их и уйдут из школы навсегда. И мы останемся в ней самыми старшими. Смешно: совсем недавно, кажется, меня шпынял по школе любой, кому не лень, а теперь я - старшая.

Сегодня ходила на шестой участок в магазин. Там были на меня кофты крупной вязки по 38 рублей. Мне бы очень даже такая тёплая вещица на зиму пригодилась. Сказала о кофте маме, а она и ухом не повела. Говорит, что вначале ей туфли надо купить. Если разобраться — и мне тоже туфли нужны. Те, что покупали за шесть рублей, разорвались, пальчики уже выглядывают.

Уроки в эти дни не учу. Не знаю, что я думаю. Надо оценки исправлять. Год учебный кончается.

2 июня.

Прошел третий день практики. Работаем в школе. Производим настоящий ремонт. Подчищаем и замазываем какие бы то ни было щели и сколы на стенах, белим, красим, штукатурим. Надзирателем поставлен над нами какой-то дяденька из строительной организации. Работаем вчетвером, во вторую смену.

Сегодня нам принесли печальное известие: умер дядя Боря. 4 июня его будут хоронить. Почему-то не хочу, но надо ехать. Он наш родственник.

Не знаю почему, но в дневнике я не делюсь своими самыми сокровенными мыслями. Не пишу о них. В моем мозгу как бы устроился помимо моего желания строгий цензор и разрешает писать лишь то, что, по его мнению, пристойно. А зачем мне чье-то разрешение испрашивать и здесь. Разве не вправе я что угодно и как мне нравится обсуждать в своем дневнике? Ведь для того я и завела дневник, чтобы делиться с ним мыслями, которыми делиться с людьми стесняюсь. Как бы двойной цензор, получается, руководит мною. Почему я, невольно даже для самой себя, мысленно выбираю из всего происходящего в душе только то, что доступно окружающим, а остальное, чисто личное, выбрасывается. Но, как ни странно, именно это выброшенное, не упомянутое мною в дневнике, надолго остается в памяти. Чем можно объяснить такое?

У Сажиной напротив начисто отсутствует сдерживающий фактор. Она, не обращая внимания ни на что, может отдавать на суд людей те мысли и чувства, которые возникали у нее во время различных душевных подъемов и спадов. Может, пишет она, не стыдась, потому, что считает, что пишет потомкам, а те далеко и с ней не знакомы? Вот только удивляюсь тогда, почему у нее эти подъемы и спады связаны только с Колей. Если пришел он, значит тогда у нее все в голубых тонах, а если видели его с Лилией, то наоборот — все окрашивается в цвета черные? Неужели только дружба с мальчиком составляет ее, пусть даже творческое, вдохновение? Однако, как трудно бывает обходиться без этого слова «вдохновение». Но если бы не было его, то, как, же тогда и чем объяснить можно было свое внутреннее состояние, почему оно в нас возникает?

Насколько я знаю, Светка В. не грустит и не бывает в упадке в зависимости от отношений со своим Кобзарем. И все-таки, по моему мнению, интерес в жизни у девочек сводится к одному предмету—мальчишке. И какими же глупыми кажутся мои бестолковые удары головой о стенку в поисках выхода из этого беспредметного положения.

11 июня.

Приходил К.С.. Он купил два билета в кино и пригласил меня в кино-театр «Прогресс». Сначала я отказывалась. Сказала, что стираться надо и вообще... А потом думаю, почему бы и не сходить. Но главное, что меня поразило при этом, он взял билеты на 7 часов вечера и говорит, что в 9 часов я уже буду дома. Как смешно! Или уж он думает, что я боюсь темноты, или совсем не представляю, для чего ходят мальчишки с девочками? Из принципа с ним не стала гулять по шестому участку после киносеанса. Сказала, что тороплюсь и к 9 часам точно пришла домой. Ни о звездах. Ни о луне мы, конечно же, не фантазировали. Шли, хотя и рядышком, но молча, словно только что поссорившиеся супруги. Он инициативы в развязывании диалога не проявлял, я же вообще натура молчаливая и пассивная.

А потом он пригласил меня прошвырнуться в горсад. На качелях, говорит, покачаемся. Согласилась, пошла. Он всю дорогу туда, пока шел, вел себя как-то странно: оглядывался, вертел головой по сторонам, словно боялся, что его мама выследить может. И молчал. И оттуда шел тоже молча. Вот радость то. Предположила, что он болен и страдает физически. Если так, то незачем было и ходить в горсад. А он мне говорит, что Валентина, мол, жалуется, что ты все толстеешь. Ну, знаете ли, я, конечно, промолчала и в шутку его высказывание превратила. А на душе кошки заскребли: никак Валентина свести меня с ним хочет из жалости, чтоб на поводке меня поводил, чтоб совсем уж я страдалницей в одиночестве своем не выглядела. И, наверное, трешку еще на качели ему всунула, чтоб согласился поразвлекать меня.

Послала про себя я его к черту и даже без сожаления сказала ему у калитки, чтобы не приходил больше. Не нуждаюсь я в рыженьких. Не знаю, как вела бы я себя с другим мальчишкой, но с ним мне стыдно. Чего стыжусь парня— не понимаю, но скуоежусь и шагаю рядышком

в такт своему и его дыханию. Тоже мне гуляние вдвоем под луною. Как легко и непринужденно вела я себя с мальчишками на свадьбе у Сомовых! А тут...

Нет, такие воздыхатели мне не нужны.

В практику школа оказалась пустой. Только в нескольких кабинетах сдают экзамены выпускники. Я заметила одного. Кстати, он мой сосед. Ну, не совсем, чтобы через ограду, но рядом, по одной со мною улице, поближе к школе, живет, и я знаю, что родители его в этом году уже уехали жить в Киргизию. Как зовут его, не знаю, а фамилия—Клюев. Скромный он парень, хороший, стройный и крепкий. Раньше был неприметен, и я не обращала на него внимания, а вот на последнем году он как-то преобразился, возмужал и еще стал одеваться прилично, потому я себе на беду его и заметила. Потому на беду, что он мне нравится, а я стесняюсь подойти к нему и познакомиться. Да и не замечает он сейчас никого. Если у окна в коридоре стоит, то уткнется носом в учебник и штудирует его в который раз за день. Экзамены ведь.

Я знаю, что одна девчонка из 11«в» за ним увивается. Он танцевал с ней как-то на вечере. Потом они в уголке уединились и мило беседовали. Я же, стоя у стены бессменным часовым, бросала в их сторону завистливые взгляды и костерила себя почему зря. Действительно, почему я тогда еще, когда он был неприметен, не разглядела его сущности и проворонила парня. Можно ведь было предпринять что-то. Сколько хотя бы случаев было познакомиться с ним, когда он из школы шел в ту же сторону, что и я. Запросто можно было догнать неспешно идущего впереди пацана и предложить ему понести мою сумку. Ведь все равно ж по пути. Смеюсь, конечно. Я б никогда такого сотворить не посмела. Да и был он не в моем вкусе раньше. Тогда я была отличница и держалась о себе высокого мнения, согласно которому полагалось иметь около себя только лиц соответствующих. А он ходил в жалкой, потрепанной одежонке, знаниями не блистал, мальчишки, я видела, дважды катали его на школьном дворе в сутробах. Это одно, второе - не были парни у меня тогда навязчивой идеей, без которой невозможно прожить и денечка. Я и теперь претендующая на медаль ученица, а он - уже ученик, заканчивающий школу. А для меня не достигаем. Где найти совета, кто бы помог и подсказал мне, как подойти к нему и познакомиться. У них экзамены скоро кончаются. После сдачи он уедет к родителям. А вдруг, да и нет? В Кемерово

множество учебных заведений, в которых можно приобрести прекрасную специальность. Да и областной центр это все же, а не какой-то поселок, на который из-за квартиры позарились его родители. Надо срочно познакомиться с ним и вывести планы на будущее. На выпускной вечер чужих приглашать не будут, говорили нам девчонки, заканчивающие школу. Но мы же во-первых, не чужие, а свои в доску, можно сказать, во-вторых, люди не гордые, можем и без приглашения заявиться, а в третьих, у меня же подружки с Цветочной улицы есть, одна из которых, Галя Б., сдает в этой школе свои последние экзамены. Посвящу ее в свои намерения – она должна согласиться помочь мне проникнуть на этот вечер и представить, вот было бы здорово! – меня соседу.

Наверно всегда, когда душа чем-либо переполняется, хочется рассказать кому-то, о том, что ты чувствуешь. Нет, не кому-то. А самому близкому хорошему знакомому, который хотя бы просто выслушал, узнал о твоих страхах, надеждах и мечтаниях. В такие моменты меня особенно тянет взяться за дневник, ведь он мне заменяет этого хорошего знакомого. Вот и сегодня, хотя ничего экстраординарного не произошло, мне очень хотелось, чтобы все скорее легли спать и я могла взяться за дневник. Единственное место, где мне бы не мешали писать днем — это веранда, но здесь нет, как на грех, стола.

Еще раз убеждаюсь на собственном опыте в том, что чем маловероятнее становится исполнение какого-то желания, тем сильнее оно разгорается. Мне еще больше нравится «он». Узнала, как его зовут. Имя приятное и не совсем простое - Слава. В своих мечтаниях о нем я дошла до того, что решилась, было, передать через малышей, играющих возле его дома, записку о встрече. Представляла уже, как мы будем ходить по городу, разговаривать, любоваться звездами, стоять на мосту и смотреть на завораживающее движение сплошного потока сплавляемых по Томи бревен. Размечталась до потери пульса, но вовремя одернула себя: разве так можно? - и не написала. А сегодня увидела Ключева в коридоре школы. Он беззаботно качался на стуле и совсем не обратил никакого внимания на ту, чьим предметом воздыхания он является. У него при этом даже не было в руках учебника! Он просто сидел и качался. И мне стало жалко себя. Я поняла, что неинтересна ему. А если такие дела, то зачем и разводить всю канитель?

Еще одна неразделенная любовь на белом свете зачахла в самом зародыше. Не чья-то любовь, моя любовь к вполне определенному человеку. Скорее бы он сдавал экзамены и уезжал к своим родителям. С глаз долой—из сердца вон, забудем и пеплом присыплем. Решительно написала, как топором отсекла, но все равно о нем думаю. Сейчас Слава сдружился с Егоровым. Замечала, если ходит по школе или разговаривает, то только с ним. Смешно вспоминать, но и к последнему я была равнодушна. Многолюбка я, но только не по-настоящему. А в своих мечтах, которые всегда рушатся, как карточные домики. Вся в маму я в этом отношении. Она говорила мне, что многих парней перебрала, прежде чем остановилась на папе. Да и как не остановишься, если он уже на третий день, как телочку на веревочке, повел ее в ЗАГС подавать заявление. А после подачи заявления, куда отступать то? Так и пришлось ей поневоле выходить замуж за отца нашего. И нас поневоле рожала, спрашиваю. Почему же, Валерку с радостью ожидала. А меня не с радостью? И тебя тоже, но Валерка ведь первенец. К нему и отношение особенное. Значит, его ты больше любишь? Одинаково с тобой, не расстраивайся. Врет мамаша, что я не вижу? Впрочем, не буду отвлекаться, о другом разговор идет.

Страшно подумать, что нынешних выпускников на следующий учебный год в школе уже на уроках не будет, что на вечера, если кто из них и придет, то только гостем. В школе верховодить вместо них теперь будем мы. С их уходом в жизнь у меня что-то оборвалось, словно я лишилась чего-то. Нет, это не только связано со Славой, вообще говорю. Для меня непривычно, то положение, в которое поставило нас время. Хотя я не так уж и глупа и все отлично понимаю. Так будет всегда: молодые приходят, старые уходят. Смена поколений. На будущий год и мы упорхнем из школы, окунемся с головой в пучину суровой жизни, и хорошо будет, если кто-то сразу же найдет в ней ему лишь отведенное место.

17 июня.

Странное дело! Теперь я могу писать хоть каждый день в дневнике и, наверное, всегда найду о чем писать. В большинстве своем это будут строки о нем. Вдохновение у меня, так уж устроена женщина, приходит ко мне даже по пустяшным признакам, лишь бы они были радостны. Никогда бы не подумала, что со дня последней записи прошло совсем мало времени и ничего существенного не произошло в отношении с ним, но я готова писать о нем сколько угодно. Почему то все-

гда, о чем бы я ни мечтала, или думала о желаемом, всегда не сбывается. Я уже пробовала загадывать «наоборот», в смысле загадаешь для себя нежеланное и чтобы в ответ получилось то, чего ты бы хотела. Себя дурила, то есть, но что странное выходит: где бы я ни гадала, вернее - на чем бы - везде падает хорошо. Я уже готова была написать ему снова о встрече или сообщить через подружку хотя бы о своем к нему отношении, но удержала в себе этот, может быть, недалекий порыв, потому что не знаю, как он среагирует. Да и можно ли верить постоянству результатов в тех же картах при загадке желания? Завтра у них экзамен. Увижу его и подойду! Будь что будет! Не дай бог, если он уедет. Скорее всего, так оно и будет. О ком я тогда буду писать, мечтать и вообще, не дай бог! Я даже не узнала ни от кого, как он сдает экзамены. Вот, клуша! А впрочем, папа получил деньги, надо маме купить карты и заставить ее научить меня самой гадать на них. Спокойной ночи и приятных снов тебе, Танечка. Силы небесные, сделайте так, чтобы завтра и меня настигло счастье!

24 июня.

Правду говорят, что если кому-нибудь выложишь наболевшее, становится легче. Мой собеседник—дневник. В предыдущих записях я вся ему вывернулась наизнанку и почувствовала себя много бодрее. А теперь вот опять вошла в апатию. Писать не хочется. И не буду. Зачем тратить чернила на тех, кто тебя не воспринимает и не приветствует? Мечтать не вредно. Я злюсь на себя: набралась смелости, подошла к Славе и спросила о его планах на будущее. Он нисколько не смутился. По-приятельски ответил мне, что они уже подали заявление в ЗАГС. С той девушкой, из 11»в». Шустрый парень. Жить будут в Кемерово. Жильем их обеспечат ее родители. Главное для них сейчас - прилично сдать выпускные экзамены и поступить в политехнический институт. Оба - на гражданское строительство. Расширяющийся город нуждается в квалифицированных специалистах. Их будущее расписано тестем. Он и возьмет молодых специалистов к себе в СМУ-6 по окончании института.

Я поражена. Небесные силы приняли участие в устройстве его судьбы, не иначе. И, что еще более удивляет, он твердо уверен в достижении намеченной цели. Почему у меня все не так, почему я во всем сомневаюсь? Самодовольный, практичный и трезво мыслящий Клюев, скрывавшийся до того под личиной серого и неприметного существа,

в пять минут разбил в пух и прах мои робкие намерения и, в заключение, пожелал мне житейского счастья. И, главное, для счастливого твоего будущего, говорит, тебе надо закончить школу с золотой медалью. Тогда, практически можно поступить без напряжения в любой институт.

Я и без него это знаю. Удаляясь от объекта своих терзаний, я была разочарована. Еще бы: прошла любовь, повяли помидоры. И надо же - в кого мы можем втрескаться, кого мы обожаем! В те минуты я пыталась унижить его, чтобы как-то скрыть свою боль, но мне это не удавалось. Ведь я понимала, что он очень хороший парень. Именно за таким девушка может чувствовать себя защищенной от всех внешних неприятностей. И этот парень уже нашел свою девушку. И вполне этой девушкой могла быть я. Ведь он же знал обо мне все! Ну почему судьба заставила меня не замечать его?

11 июля.

Воскресенье. Делать нечего. В огороде порядок, из белья все перестирано. Мама гонит из дома— сходи на улицу, развейся. Съезди в город, по набережной прогуляйся, в кино сходи или еще куда. Но только не скучай, больно смотреть на тебя, такую печальную. Зачем же изводишь себя понапрасну? И три рубля предлагала на карманные расходы. А я не хочу. Если были бы интересные книги, то уйму прочитала бы их. Мне надо готовиться к встрече с НИМ. ОН обязательно должен быть симпатичным. Чтобы его привлечь к себе, надо стремиться к идеалу. С завтрашнего дня, кроме бутылки кефира с булочкой, ничего есть не буду. Надо наконец-то покончить с этим жиртрестом. Ведь с нормальным состоянием тела, читала где-то, иногда меняются черты лица. И мне бы хотелось их изменить. В лучшую сторону, конечно. Несколько раз уже знакомые обращали внимание на мои конопушки. Их даже в сумерки заметно. Право не знаю, каким способом можно было бы их уничтожить. Советовалась с мамой. Не ее горе - смеется. Они тебя красят, говорит. Нашла красоту в этих засохших капельках грязной воды. Посоветовала огурцы прикладывать. И мазаться кремами поменьше. Надо быть более требовательной к себе, совершать побольше действий, не пугаться трудностей. Быть уверенной в себе. И быть приветливой. Улыбка красит человека. Девушку, тем более. И не надо бояться своего одиночества. Это нормальное состояние любого человека. Когда ты один - то никто не может помешать тебе делать все, что ты пожелаешь.

Как бы хотелось, чтобы все мною намеченное, исполнилось. Я сходилa в кино и убедилась, что нет ничего страшного в этом. Вдвоем, конечно, интереснее, но в моем положении и одной неплохо. Двое мальчишек пристали: а чего вы, девушка, одна? Я фыркнула, не ответила и метнулась к своему ряду. Глупо поступила. Надо было объяснить. Разве стыдно признаться в том, что у тебя нет настоящего друга? Вот только каждому встречному говорить об этом сами понимаете, неудобно. Но в следующий раз я найду выход и из этого положения. Фырканьем отвечать не буду.

14 июля.

Предыдущая запись оказалась пустой. Пустой потому что мама заволновалась и принудила меня скушать все, что она предложила. Развивающемуся организму кефира мало. От недоеданий заболеть можно серьезно. И мучиться потом всю жизнь. Ты же не хочешь этого? И никакой ты не жиртрест. Дурак тот, кто назвал тебя так. Подрастешь-оформишься, станешь, как все. Убедила. Действительно, зачем морить себя голодом?

Вчера ходила с ребяташками на каменный карьер. Пещерка, в которую мы когда-то забирались с братом, теперь стала обширнее. Какой-то строитель выломал из нее на фундамент для своего дома целую машину плоского камня. У входа лежала маленькая кучка не поместившегося. И родниковая вода, и смородина, малина и дикий лук в изобилии. Отдохнула прекрасно, с головой окунувшись в недавнее детство. Обратились дорогой мимо части ракетчиков. На горке, где возвышается железная мачта высоковольтной линии электропередач, набрели на кукурузное поле. Она еще не поспела, початки хотя и крупные, но зеленые и сладкие. Мальчишкам это в радость. Нагрызлись кукурузы до пуза. Я скушала два початка и не мешала им насыщаться, отдыхая в сторонке под старой березой.

Вроде бы ничем особенным не занята, но уже который день не могу выбраться в библиотеку. Надо читать библиографические книги, мемуары и подобные художественно оформленные исторические документы. Они легко усваиваются и много сообщают исторических фактов. Я совсем забросила самообразование. Следует подтянуться.

В магазине от девчонок узнала, что приезжает из Москвы Олег Н. Вызывал свою мать по телефону. Говорит, что без денег даже с такими, как у него отметками, ни в какой институт здесь не поступишь. Вот, и мне не надо далеко ехать. У него еще не все потеряно. Успеет поступить в институт в Кемерово или Новокузнецке. Шуляков окончил школу с серебряной медалью. Поступает с Томский политехнический.

К маме приходила Зинаида Давыдовна. Хотела, чтобы мы покроили ей платье. Но мы только посоветовали ей, как сшить. Когда Зинаида Давыдовна ушла, мама сказала мне, что очень уж хорош материал, вдруг испортит, или платье не понравится. Врага в лице такой женщины она иметь не хотела.

24 июля.

Суббота. Ходили с Галей Б. в мичуринский сад к её сестре Ире за малиной. Малины у них на участке много. Набрали ведро, щедро полакомились ягодой, и каждая себе по литровой баночке в дорогу набрала. Быстро управились. Уже в 4 часа дня на озере были. Оно глубокое уже у берегов. Там не искупаешься просто. Там плавать уметь надо. Хорошо, что я умею немножечко. Залезла в воду, поплескалась в ней, смыла солнечный жар и выбралась на деревянный мостик, с которого воду для полива грядки набирают и белье полощут женщины. А вот Ира с Галей плавают хорошо. Они устроили догонялки по всему озеру. Два раза его поперек переплывали. Наблюдала я за ними и завидовала. Вот, еще один пробел, думаю, ликвидировать нужно в срочном порядке: хорошо научиться плавать. На зиму обязательно в бассейн запишусь. Пловчихой может отменной и не стану, но держаться на воде меня тренеры научат. И может быть на глазах у своего жениха спасу когда-нибудь утопающего ребенка, чем несомненно заслужу его ещё большую любовь и восхищение. А вчера я встретилась случайно в магазине с Галей и мы ходили с нею на Томь. Покупались хорошо. Жаль, что было нас только двое. И еще жаль, что берега Томи покрыты не песком, а крупной галькой, на которой загорать неудобно. Вот я была с родителями на Припяти и Волге. Так там везде песочек. Красота! Расстелишь плед на песочке и загораешь весь день. У нас же бревном долго не лежишь. Бокам больно. Лежишь, потерпишь, повертишься на камушках сибирских и снова в воду.

Опять напала на меня хандра: бездельничая, я теряю отпущенное мне время. Скорей бы в школу! Особенно грустно и тоскливо в субботу и

воскресенье. На улицах никого нет, А куда-либо пойти не с кем. Врешь!- на улицах есть люди, да ты не выходишь и не находишь! Ждешь, когда к твоему окошку подъедут и ручкой поманят? Не дождешься, не надейся! Ну почему ты такая безинициативная?

Что-то тянет меня к этим девчонкам с улицы Цветочной и отталкивает одновременно. Притягивает потому, что больше никого у меня нет. Отталкивает то, что нет ничего у нас общего. Да и меня они всерьез не принимают. Пришла к ним, общаются. Не пришла, забыли о моем существовании. Жила бы рядом, так поневоле пришлось бы часто видеть их. Заурядный я человек, не то, что Галя Б., которая любую компанию заинтересует, к себе привяжет и обворочит. Вот бы овладеть секретом ее обаяния. И я бы тогда оказалась на ее уровне.

14 августа.

Середина месяца. Скоро школа. Приехала в гости из Новокузнецка Ленка Маркова, рослая, уверенная в своей неотразимости девушка. Ей пофигу окружающее пространство. Она согласна ютиться и в песочнице, лишь бы ее не трогали и что-то не заставляли бы делать. Ленка является нашей родственницей. Мамина племянница. Мне – двоюродная сестра. Она моя ровесница, но я ее не переносу почему-то.

29 августа.

Воскресенье. 21 августа уехала Ленка. Жила она в Кемерово около месяца. Из дома ей выслали 30 рублей. И дядя Вова дал ей 5 рублей. Так что жила она у нас хорошо. Купила себе туфли за 20 рублей и сумку, и всякие безделушки. Меня даже зло взяло: считается, что Марковы живут бедно, все им чем-нибудь стараются помогать, а они носят всегда такие вещи, которые и мы не носим. Дома у нас жила на всем готовеньком и на обратную дорогу в Новокузнецк ей мама 5 рублей дала.

Сейчас мы с мамой живем без денег. Папа на уборочной страде, возит зерно с полей Рубцовска. Валерий тоже там. Мама ворчит, что папа забыл о нашем существовании. Ее тяготит отсутствие папы. Чтобы иметь хоть какие-то средства, мы таскаем с огорода каждый день на базар помидоры. Но, похоже, нынешний год урожайный для помидоров. Ими завален весь город. Люди берут помидоры плохо. Не рас-

продав и половины, мы несем остальное домой. И на следующий день, даже если мы взяли с собою поменьше, все равно мы несем половину нереализованных помидоров домой. Меня это бесит! Я не хочу участвовать в бессмысленном предприятии, но мама просит, и мы собираемся и снова несем помидоры «нуждающимся» в них людям. Из продуктов неделю уже ничего кроме хлеба не покупаем. Живем на одних помидорах. Раньше мне нравился салат из помидоров со сметаной. Если купить сейчас литр сметаны, я откажусь от любимого блюда. Надоело все это до чертиков. Была бы возможность, снялась бы отсюда и улетела на ту же уборочную к папашке под крылышко. У них там поля бескрайние, комбайны стрекочут и сайгаки грациозными прыжками удаляются за дымчатый горизонт. В общем, благодать там, о которой мечтать здесь из-за этих помидоров и во сне не приходится.

Приехал Валерий на воскресенье. Мама до этого приезда все шепчет на ухо и шепчет про молодых, что как только после уборочной придет Валерий, она сразу же откажет им. А сама перед ними сейчас улыбается, расшаркивается, старается завязать разговор. Голову даю на отсечение, что не скажет им об отказе. Она им, слышу, все жалуется, что нет денег, думает что сын подбросит ей десяточку, другую. Смешно за ней наблюдать. Чего она своего сыночка не знает? В ответ на все ее старания он молчит и, как говорится: «А Васька слушает, да ест». У него, понимаете, денег нет. Мне же молодые так противны, что я на них не могу смотреть. Ну почему они не уходят? И ведь не уйдут. Еще бы! Куда бы они сейчас не переселились от нас, им везде нужно платить за квартиру, а тут все бесплатно. Даже дошли у них до того, что где бы, что не лежало—везде попробуют, короче говоря, «отполовинят». Я так понимаю: если мы питаемся отдельно, то им наши продукты нельзя трогать, а они трогают. Неличка, добрая душа, прислала своему будущему племяннику яблок. Так мы же их яблоки не берем. Эгоистка я или нет, да пусть этот братец хоть кем меня называет, но я не могу примириться с таким положением в доме. Меня все это гнетет. Выход нахожу в том, что ухожу от них на улицу или запираюсь в другую комнату и начинаю заниматься чем-нибудь. Сегодня, допустим, заперлась в бане, там есть столик, и пишу дневник. Гнетет меня положение работника, исполняющего только черную работу. Туда, где легче и интереснее, меня не зовут, там обходятся без меня. И долго так будет продолжаться?

Братец вечером уехал в свой колхоз. Добираться до него будет всю ночь. И что, спрашивается, из такой дали приезжал к нам?

Для того только, чтобы послушать живот Валькин и своими глазами отметить, что он уже разросся и поднялся до носа? Смешно до ужаса. Ей скоро рожать. Может, поэтому так беспокоится? Напрасно. Ее мать каждый день к дочурке навещается. Да и мы не чужие. Когда у нее начнутся схватки, то мы вызовем скорую помощь. Сумею спровести в больницу. С радостью. Тут же ловлю себя на мысли: до того, как она вышла за брата, мы были с нею подругами. И, собственно, именно я способствовала их сближению. Почему мы теперь постоянно ссоримся? Из-за того, что она отняла у меня собственный уголок в родном доме? Я вроде бы с этим смирилась давно. А может, завидую тому, что жизнь ее является сейчас очень насыщенной, настоящей, не такой, как у меня? Хотя они ругаются и дерутся едва ли не каждую неделю, да, я завидую ее способности привлечь моего брата, привязать к себе, создать собственную семью. Рождение ребенка еще более скрепит ее семью, они смирятся с недостатками друг друга, научатся сглаживать острые углы своих отношений, будут совместно выращивать своего ребенка и, в конце концов, обретут свое личное счастье. Она сумела все это сотворить из воздуха, а я не могу. А ведь она лишь чуточку симпатичнее меня, более общительна, чем я и старше меня всего на каких-то пятнадцать месяцев. То есть от меня она мало чем отличается. Но ведь она смогла же! А я не могу! Из-за этого я и злюсь на нее...

Если не замечать Валу, мы теперь с мамой дома одни. И я являюсь для нее единственным собеседником. Мне нравится выслушивать ее воспоминания о девичьих мечтаниях, проказах и неудачах, приключавшихся с нею до замужества. Где-то здесь я могу вставить свое слово и ненавязчиво испросить совета. То есть, искренне поучаствовать в разговоре. Но, когда она жалуется на свою судьбу, мужа и детей, тут я не выдерживаю и убегаю, либо грубо обрываю ее. Хотя я понимаю причину ее жалоб на мужа, бросившего ее с дочкой на произвол судьбы, из-за работы, правда, но сами подумайте, ее муж - это мой папа, горячо любимый, а дети - это я, Неля и Валерка. Про Валерку еще она может пропеть мне панегерик и я могу выслушать и поддержать ее. Но меня то зачем к сыну примазывать? И, разве можно говорить дочери о том, как ее мама, хорошая женщина, вынуждена мучиться век с нелюбимым мужем-обманщиком? С нелюбимым - привирает. Да по мне - это он с нею мучается. Ведь если он сделает чуть что не по ней, то она будет пилить его с утра до ночи. Мне в таких случаях жалко становится папу, и я его защищаю, как могу. Короче, в подобных раз-

говорах я ее откровенно не поддерживаю. В ответ оказываюсь не в почете. По ее словам Неля лучше, чем я, она сочувствовала состоянию мамы и всегда говорила папе, что он не прав. Я же все время помалкиваю.

Да не помалкиваю я! Я просто не знаю, что мне делать с вами, когда вы, словно дети, набрасываетесь друг на друга из-за любого ничтожного пустяка, на который не следовало бы так бурно реагировать, а проще было бы умолчать и совсем не заметить. Да, папа бывает порою не прав, но и у тебя, мама, тоже хвостик из под халата торчит, овечий. Иногда я говорю ей о ее ошибках, наедине говорю, чтоб папу не ярить. Мама вынуждена бывает тогда оправдываться, и я, поэтому, считаюсь у нее нехорошей. Сестренку же мама напрасно на божничку ставит. Я маленькая была, но помню, как мама и с нею ругалась. Такая уж наша мамочка, в каждой бочке затычкой видит себя, в любую щель свой нос засунет. А кому такой надзиратель понравится? Может с нами, детьми, и надо вести себя так, но ведь папа- то единица самостоятельная. И взрослая. И с ним надо обращаться как-то дипломатичнее, что ли.

16 сентября.

Читаю предыдущую запись и думаю, что только не может написать человек в отчаянии. Не дай бог прочитать все это маме! А может быть, она уже читала? И куда только можно пристроить дневник, чтобы на глаза он никому не попадался? Совсем недавно я заметила, что мое укромное местечко кем-то обнаружено. Теперь в другом, не очень надежном месте, прячу, потому и опасаюсь.

Валентина родила мальчика безо всяких осложнений. В роддом, он на шестом участке у нас, рядом с библиотекой, мы отвезли ее с мамой на трамвае до остановки Космическая. А оттуда пешочком по улице Тюленина она и прошагала до больницы под руку с нами. В приемном отделении нас врач похвалила за то, что добрались самостоятельно: на скорую помощь особо надеяться нечего, напряженка с транспортом у них. То, что потрудились роженица, доставив себя и ребеночка в больницу своими ножками, то на пользу ей: вот мы тебя сейчас в палату определим и рожай себе на здоровье.

Валерка прискакал домой на следующий день после рождения сына. Плакался на груди у мамы от счастья, меня самой лучшей сестрой

называл, пропьянствовал три дня дома с друзьями и уехал снова на целину. Вальку с дитем из больницы забирали мы. Имя сыну родители еще не придумали в такой суматохе. Около кровати дитятки две бабушки и мамочка его пчелками выются. Мне места там нет. Оно может и к лучшему: было б на что смотреть и чем восторгаться. Ляпну такое вслух—отлупят ведь.

От папы получили с работы 25 рублей и мешок лука. Скоро, обещались, он и сам вернется. Соскучилась по нему страшно как! При нем много веселее я себя дома чувствую. К нему всегда можно в порыве телячьего восторга броситься на шею, горячо обнять и признаться не стыдясь в самой, самой крепкой любви! И он поймет тебя, он улыбнется и ответит, что тоже очень сильно любит свою дочку. В его присутствии я ото всего зла мира защищенной себя ощущаю. И мама тоже повеселеет, и мама тоже будет считать себя с ним рядом самой счастливой женщиной мира. Я- то знаю ее. Она ворчит на отца по укоренившейся привычке доказывать постоянно ему, что она в семье самая главная. Папа и без того в её правоте давно убедился, но попробуй заставь замолчать её – себе же в убыток получится.

А я какая-то бегемотина получаюсь. Запала в этом году на сумки. Их у меня уже три. Зашли вчера с мамой в магазин, а там были сумки, похожие на папки с ручками - удобная штука и смотрится! Я маму уговорила, при наших - то 25 рублях, купить мне ее. Нравилось, когда покупали, и пришли домой – тоже нравилась. А на другой день проснулась, глянула на нее—и как бы отрезалось что-то во мне—не нуждаюсь в такой. Дрянь она, одним словом. Боюсь маме говорить, что разонравилась. Она ведь когда покупала, говорила, что эта сумка даже в институт пойдет, (правда, поступлю если). Модню я с нею в руках выглядеть буду. Потому и купила. Она хочет, чтобы ее дочка не хуже других была. Не знаю, что теперь делать. Хоть бы кто посоветовал.

30 сентября.

Четверг. Эту неделю готовимся к выступлению в деревне Пинегина. На участие в концерте художественной самодеятельности Юлия Семеновна, учитель по пению и одновременно руководитель художественной самодеятельностью учеников, пригласила трех парней. Они работают, но как любители, играют очень хорошо и поют тоже. Нель-

ка Вострикова очаровала их своим голосом и вообще они не отходят от нее даже на перекурах. Жаль, нет здесь ее ухажера З.В.. Вообще-то он парень агрессивный. И чуть что – сразу по мордасам, невзирая на личности. Люблю баталии со стороны смотреть. Но выдавать Нельку не буду, она хорошая, да и вдруг, кто ей из этих парней всерьез понравится – она и замуж тогда выскочит. З.В. же – ученик нашего класса. Ему еще в школе и институте учиться надо. В Томский политехнический институт собирается поступать парень. Да и такой, как он, всегда найдет себе девушку.

Сажина не едет с нами, боится оставить своего Колю без присмотра – опять к Лиле слиняет. Старшеклассница В.Л., секретарь комсомольской организации школы, модница и гордячка, в самодеятельности не участвует. Но ее очень заинтересовали приглашенные Юлией Семеновной молодые люди, и она вертелась около этих парней, давала ценные указания, строила им глазки, старалась привлечь их внимание к своей особе, до тех пор, пока не поняла, что они обращают внимание лишь на тех девчонок, которые умеют петь. Ей же, при красоте такой, медведь на ухо наступил. Она сама всем говорила. Вот и не улыбнулось ей счастье с этими парнями. Поэтому она откровенно сказала в конце первой же репетиции девчонкам, что парни ей не нравятся и как бы они не завалили их выступление. Она душевно болеет за подготовляемое нами культурное мероприятие и потому опасается.

Когда В.Л. от нас удалилась, мы с девчонками долго смеялись над ее опасениями. Собираем на поездку по два рубля. Нашу классную даму не хотим брать, а она не хочет нас одних отпускать. Боится, как бы парни, упаси боже, чего с нами не сделали. Вернее, она тоже хочет поехать, тряхнуть, так сказать, стариной и развеяться. Нам то что, пускай едет. У нее есть, чем потрясти перед мужчинами. Вспомнит молодость. Вот только мешать же будет. А может и не будет? Светка Кораблева с нами не едет. Тоже больно много воображает. Вроде бы и не совсем, чтобы раскрасавица, а туда же. Когда я была комсоргом, между нами установились было дружеские отношения. Я регулярно давала ей списывать домашние задачки по химии. И вот теперь она совсем от меня удаляется, все больше с Сажиной и ее подругами разговаривает. Ну и бог с ней. Я предателей не уважаю. Да и какие у них разговоры? Одна тема – мальчишки. Ох, как страшно жить в коллективе и ничего общего не иметь с ним. Все девчонки группируются, все держатся особняком. Только в минуты всеобщего возбуждения вместе спорят. Я на их фоне выгляжу вроде одинокой шхуны, сдыхающей от

тоски в безбрежном море. Ну что на самом-то деле? — идешь на репетицию и думаешь, что вот сейчас заявлюсь в школу и опять особняком торчать у стены буду, пока моя гитара им не понадобится. Ну почему я не стремлюсь участвовать в разговорах. Разве я не могу ничего сказать из поднимаемых парнями тем? Ну что же все-таки я за человек. За какие грехи бог наградил меня этим великодушным качеством — молчанием. Неужели до конца своей жизни я буду обладать в полной мере только им?

Так- то разобраться, от чего ты молчишь? — от того, что к тебе никто не обращается. Не обращаются же потому, что ты ведешь себя, как серая, неприметная мышка. С тобой, поэтому не интересно общаться. Нет. Надо уметь не только оригинально мыслить, но и подавать себя. У тебя таких способностей нет, поэтому ты и отмалчиваешься. Не так разве? Да и вспомни-ка, сколько планов самообразования ты принимала, а что выполнила? Тебе и в библиотеку ходить неохота. Зациклилась на учебе. « Пифагоровы штаны на все стороны равны». Они может быть равны, да только с одной алгеброй по жизни не ушагаешь. Разве ты этого не понимаешь? Психологию общения с окружающим миром- вот что тебе необходимо знать сейчас в первую очередь.

Странное дело - не люблю субботу и воскресенье. В эти дни я брожу по комнатам, не знаю, где примоститься. Нахожусь дома целыми днями. Поэтому я их страшно ненавижу.

14 октября.

Пятница. Прошедшая учебная неделя оказалась насыщенной до предела. По физике сдали все шесть лабораторных работ. В понедельник можно не ходить на электротехнику. Бабушка Федора прислала посылку. Там были яблоки, такие крупные, желтые и вкусно пахнущие! Обалдеть можно! Только раскрыли посылку - и вся комната наполнилась запахом яблок! Папа так и заворочал своим носом - умора! Яблок - десять килограммов и еще в посылке нашли немного грецкого ореха - вот вкуснятина, и живут же люди! У них все это в саду при доме растет. Вот бы и у нас так! Говорят, в Новокузнецке у некоторых в огородах и дыни с арбузами поспевают.

Валерий с Валею временно перешли жить к ее родителям. Пусть там поживут, осчастливят тещу, а то она всегда маме говорит, что с моло-

дыми надо жить в мире и дружбе. Посмотрим, как ее мир через недельку по швам затрещит. А может с тещей-то Валерка не так вести себя будет. Ведь теща не мама, которая все стерпеть от сыночка любимого может. Молодые теперь со своим чадом только иногда к нам приходят. Валерка разговоров о возвращении не заводит, значит, притерлись они с тещей. Ну и ладно, баба с возу, кобыле легче. Мы с папой вечерами гадаем теперь, чем же пленил свою тещу зятек, что она уже скоро вторую неделю держит их у себя, и не гонит со двора своего коромыслом. Кстати, мама, теперь, обыкновенно, у них вечерами гостует. Поменялась ролями с тещей. Сергунькой внучонка прозвали. Он сейчас побелел личиком и стал таким занятым. В руках дали мне его подержать, я прижала горячее тельце к груди и почувствовала себя мамой. Вгляделась в него: крохотный комочек живой плоти, уверенный в своей неотразимости, сопит себе спокойно на моих руках и морщит лобик - учителем истории станет, как вырастет. Тот ведь тоже у нас постоянно лоб морщит и таким же умным все время кажется. Неужели и я когда-нибудь сотворю для себя такое чудо?

Практики осталось всего полторы недели. Потом еще с недельку нам будут преподавать теорию о профессии штукатура-маляра, затем состоятся экзамены на разряды. Директор школы решила официально через училище 63, с помощью его преподавателей присвоить квалификацию своим выпускникам, с которой, возможно, они и начнут новую жизнь после окончания школы. Эта строительная профессия мне нравится. Да и девчонкам тоже понравилась. Кто-то из них после школы действительно пойдет работать на стройку по этой специальности. И корочки им в этом случае не помешают. Мне она тоже может пригодиться в жизни, но я ведь решила поступить в медицинский институт. После практики начну по-настоящему готовиться к экзаменам. А стройотряды? – вот для работы летом в стройотрядах и пригодится моя профессия штукатура-маляра.

5 декабря.

Давно не открывала дневник. Он, бедненький истерся весь, прячась от посторонних глаз в различных местах. Отвыкла видно от общения с ним. Промелькнули в моей жизни за это время и хорошие, и плохие эпизоды, отметить которые следовало в дневнике. Я же этого не делала, не доходили руки. Привыкаю, значит понемногу все происходящее со мною в себе, как в старом, заброшенном чулане, держать. Вроде, как все это моей памяти уже ненужное. И рада бы совсем вычеркнуть

из своей жизни, но если не могу, так пусть полежат, никого не затрагивая. Скоро конец первого полугодия последнего в моей жизни учебного года в нашей школе. Звучит торжественно и печально. Еще бы не печально – скоро и мы, как прошлогодние выпускники оторвемся от нашей школы, от всего так привычного и близкого нам, и пойдем туда, где нас не знают и не ждут. То есть не встретят с распростертыми объятиями и с одними только добрыми намерениями. Лично меня пугает эта будущность. Что для меня она там приготовила? Неясностью своей пугает, неопределенностью. И рядом нет поводыря, ухватив которого за руку, можно было бы бесстрашно ринуться вперед на покорение жизни, ее преград. Кате Сомовой повезло: она вышла замуж, только что забеременела. Школу закончить успеет и в институт ее примут безо всяких сомнений – животик-то будет виден невооруженным взглядом любому экзаменатору к этому времени. Квартиру в Латышах получают этим летом, в июле. Все верно рассчитал ее муж. Он для Кати и является тем поводырем, которого мне сейчас не хватает.

Бессмысленно завидовать ей, мне такой поводырь и не светит, да и ушло время, которое необходимо для повторения Катиного кульбита с предварительно рассчитанной беременностью. Но ее пример заразителен и девчонки из нашего класса попеременно пытаются Катю то ли шутя, а может, на полном серьезе, попросить мужа отыскать среди своих друзей охотников сделать им ребеночка к экзамену чтобы. Ведь и они тогда вольготно чувствовать себя будут перед экзаменаторами. Благоклоннее отнесутся к ним и при поступлении в институт на вечернее отделение. Катя расцветает в улыбке и великодушно воодушевляет девчонок обещанием посодействовать в выполнении их просьбы. Смех смехом, но получается, что не только меня пугает неопределенность наступающего нас времени.

А вообще-то я устроилась в этом времени неплохо. Сдала экзамены после практики. По знаниям и полученным навыкам я вполне соответствую штукатуру – маляру четвертого разряда. Такой же разряд присвоили Свете В., остальные получили третий. К выпускным экзаменам подготавливаюсь только в одном – делаю уроки. Сослаться на то, что катастрофически не хватает на учебу времени, я не могу, потому что ясно понимаю – вся причина не в этом. А в моей слабой сознательности, нежелании встряхнуть себя и серьезно засесть за учебники. С недели на неделю я откладываю настоящие занятия по предметам. И на что надеюсь, о чем думаю? Четыре дня назад написала первое в этом

году сочинение. Даже не хочется думать о нем – срам божий! Писала в спешку. Мысли скакали вдогонку друг за другом. Я не старалась оформлять их, просто вываливала на бумагу, надеясь в душе, что пишу грамотно и внятно любому, заинтересовавшемуся моей галиматьей. В общем, отделаться лишь бы писала. Разве я когда так делала? А по физике и обществоведению новые темы для меня, словно дремучий лес, в котором все непонятно и страшно: заблудиться можно, и серый волк, впридачу, там бегает. Ничего не соображаю. Идиотство! Что с головой моею случилось?

Каждый вечер, впрочем, сейчас не каждый, но систематически ровно по четвергам и субботам «дружу» с одним недоумком, не в умственном смысле. Просто не нашла еще подходящего для него слова. И, что интересно, мною почему-то овладело лишь одно женское желание увлечь его собою, заставить признать мое женское естество, как высшую для него награду. А как это сотворить, какими путями привести его к такому состоянию я осознаю лишь интуитивно, и потому после каждой встречи подолгу не сплю, перебирая свои слова и действия и придавая особое, значимое лишь для меня толкование каждому его слову и действию. Голова распухает от всяческих мыслей, и утром я просыпаюсь с тою же головой, но непотребной для учебы, и дальнейшего осмысления своей жизни. В первый день после такой «дружбы» все мои мысли были взбудоражены. Я не знала, куда себя деть. Я стгорала со стыда от его грубых поползновений. Неужели это все и есть, вернее, является одним из главнейших составляющих во взаимоотношениях мужчины и женщины? – мучила себя я таким сакраментальным вопросом. Сейчас уже не мучаю, во мне полыхает обдуман- ным пламенем лишь только моя неловкость, словно ее вытащили на свет оттуда, где она, прикрываясь отсутствием опыта, выдавала себя за неприступную крепость. На какой промежуток времени я отстала от своих подружек, вторгаясь в совершенно новый для меня уголок мира?

С этой недели дежури- м по школе. В классе у нас 35 человек. 5 мальчишек, остальные девчонки. Девчонки друг на друге и на мальчишках вовсю оттачивают методы обольщения, стараются показать себя с выгодной стороны, особенно усердствуя в этом, если сторона физическая у них привлекательна. Кокетничают направо и налево вплоть до откровенного неприличия. Улыбочки, дружеские поцелуи, прижимания к сердцу весенним ветерком порхают по классу. Мальчишки истуканы, деревянные чурки, очень слабо, если не совсем никак, реагируют

на их кривляния и ужимки. И правильно делают. Сидят себе спокойно, с опаской поглядывая на ритуальные танцы любви подрастающих обезьянок. Балуют мы их своим вниманием. Интересно бы знать, нравятся ли кто-то из нас кому-нибудь из мальчишек. Вслух они отрицают это. А если по-честному? У нас ведь столько красивых девушек, что прямо не знаешь на ком остановить взгляд.

Левина все расставляет сети для Х. А, впрочем, он и сам, вероятно, не против того, чтобы ухлестнуть за нею. Ведь она же красивая и большинство мальчишек откровенно вздыхают, разглядывая ее покрытый показной неприступностью образ. Но почему-то при этом Х.Л. соблюдает свой фасон, напуская на себя вид независимый, добавляя немножко рассеянности и пренебрежения в уголки глаз. Вероятно, боится окончательно потерять свою свободу. От чего свободу, да и нужна ли она ему при таких обстоятельствах? Вообще-то, я думаю, он очень скоро капитулирует: у его старшего братца есть мотоцикл и я видела самолично, как Хомяков Алеша дважды прокатился на нем позавчера вечером мимо дома Левиной. Та по всей видимости отсутствовала и встреча у них не состоялась. Но ведь у бога дней много и, если Алеша подсуется, Левина обязательно случайно покажется возле калитки в момент его очередного проезда и, вполне вероятно, она согласится зимою прокатиться немножко по морозцу на мотоцикле.

Бывают минуты у меня, когда мне не нравится весь белый свет. Ты винишь маму за то, что она не разбудила тебя вовремя и вот теперь ты опоздала. Ослабившегося в приветливой улыбке братца ты бы напрочь задвинула в стену. И вообще ты бы спряталась ото всех в укромном уголочке и тихо дышала. Но у тебя нет такого уголочка и ты вынуждена находиться там, где бы ты не желала пробыть и мгновения. Да! Я не хочу там быть не по своей воле! Не хочу! Не хочу! Не хочу! Мрачный, багровый закат! Темные пятна на всем, что меня окружает, к чему прикасаюсь я! Предметы и вещи, которыми я пользовалась когда-то долго и с удовольствием, теперь мое сердце отталкивает - они нежеланны. Чем провинились они предо мною, я не могу объяснить, но они уже отторгнуты мною и я в них не нуждаюсь. Бесперспективными кажутся в подобные моменты любые мои начинания и я ничего не делаю. Не хочу делать. Таких безрадостных минут у меня возникает гораздо больше, чем тех, когда мир вокруг кажется самым прекрасным. Когда мне удастся совершить все, за что бы я ни

бралась. Если рассматривать период моей жизни с начала учебного года, минут, озаренных светом счастья, у меня совсем не было. Может, именно поэтому резко снизилась моя работоспособность. Хорошее объяснение! И так что ж теперь? Тебе надо заканчивать школу. Тебе надо готовиться к экзаменам. А ты копаешься в перепадах своего настроения и стараешься выяснить, от чего эти перепады возникают! Да от того, что он поцеловал тебя совсем не так, как ты ожидала. Мало? Да от того, что ты сбившейся стелькой в левом сапоге натерла кровавую мозоль на пятке ноги. Более конкретно можно выразиться так: перепады настроения зависят от причин, способствующих их возникновению. Так сказать – от внешних раздражителей. Плохое настроение возникает, если твоему организму причинили боль, унизили, чем-то тебя обделили. Светке, допустим, принесли мороженого, а тебе нет. Говорят, что денег не хватило. Твоя личность от этого может пустить слезки. Повод для их появления вполне реален.

Ты не будешь выглядеть дурочкой, если станешь радоваться любому пустячку, доставившему тебе удовольствие и тем самым повысившим твоё настроение и твой жизненный тонус. И в то же время ты можешь предотвратить возникновение плохого настроения, к примеру, вовремя отварив два ведра картошки для своих хрюшек. Ведь если бы ты этого не совершила, то мама испортила бы тебе настроение на целый вечер. Припомни ка сколько было случаев, когда ты могла предотвратить подобную беду, вовремя заметив и уничтожив на корню причину, её возрождающую, движением правого или левого мизинца. Ведь было же такое? Было! Но ты, хотя и замечала их, никаких действий по искоренению причин не предпринимала, и тебя щёлкали за это по носу, в фигуральном, разумеется, смысле. Из-за чего твоё настроение катастрофически падало. Так будь внимательна и не ленись для своего же блага. И мир для тебя станет прекраснее.

Почему сознание того, что ты не как все, угнетает тебя? На нашей планете нет человека, который бы во всем повторял другого. Даже близнецы, схожие, как две капли воды, внешне, по сути своей совсем разные люди. Каждый человек несет в себе свой мир. То есть свою планету, на которой текут реки, в реках плавают рыбы и медведь на бережку лапой старается подцепить их и скушать. Полная гармония то есть. А если в тебе от рождения запланирована полная гармония, то из-за чего же ты можешь расстраиваться, пускать слезы и забрасывать учебу? Только из-за мелочей, которые только и ждут, когда ты зазева-

ешься. А ты живи, цветы, но почаще оглядывайся. Чтобы тебя зло- вредная мелочь по затылку не стукнула.

Лучше всех никогда ты не станешь. И горевать по этому поводу не стоит. Вся Европа восторгалась гением Наполеона, а его запросто пришибли российские мужики. Не расстраивайся оттого, что твой новый ухажер говорит, будто он пишет стихи. Если б писал, то давно бы прочел от корки до корки все свои сочинения. Просто хвастун он, но хочет казаться в твоих глазах умненьким преумненьким. Разве не понятно? А ты от этого еще более разочаровываешься в себе. Ещё бы! Ведь ты же ничего не пишешь, ничем, кроме школы, не занимаешься. Да и то, если и ходишь в школу, то только для того, чтобы отсидеть положенные уроки и домой возвратиться. Да, ты ничего такого не делаешь. Правильно. Особенного. Не пишешь стихи, к примеру. Но ведь ты играешь на гитаре. Так что тебе тоже есть, чем похвалиться - верно? Но ты не хвались. Если в тебе присутствуют какие-то достоинства, то их обязательно должны заметить по-настоящему умные люди.

Странно, я начала обращаться к самой себе. Вразумить хочу себя, толковать что-то умное. Рассудительное. А получается что попало. Глупости болтаю. Сплошные глупости. Уж лучше бы обратиться к себе так: мы, Дочкина Татьяна Первая и последняя в нашем роду, повелеваем начистить рабу Светкиному Валерке рожу кирпичом из печки, чтобы похож он был на арапа и вел себя соответственно своему положению в нашем обществе. Аминь. И чтобы не пьянствовал по воскресеньям. Посткриптум начертан ее величества собственной рукою. И дата прилагается.

Косулин, паразитик, обещал писать, как выдастся свободная минута, а не написал еще ни одного письма. Адрес забыл, наверное. А всего вероятнее, девушку подцепил, поди, подходящую для себя. Вот и рас- кланялся со мной по-английски. Жаль, если так. По сравнению с моим новым ухажером, Сережа выигрывает. Выходит он натурально был такой малоразговорчивый и негостеприимный человек, а я подумала, что ему скучно со мною и он меня стыдится. Да и вообще...

6 декабря.

Назначенное мною randevu не состоялось. На место встречи мой новый ухажер не явился неизвестно почему. Я вообще-то не плачу. Но

он первый мужчина, который осмелился поцеловать меня в губы. Правда потом, придя домой, я эти губы долго взмывливала земляничным мылом и смывала водой, чтобы и следа от этого поцелуя на мне не осталось. Смешно, но я именно так поступила и неизвестно до сих пор, почему. Между прочим, каким-то внутренним чувством я предугадывала, что встречи не будет. Что-то особенно мне было неловко в тот вечер. Удивительные существа мы, женщины. А что же тут удивительного? Крысы с тонущего корабля предварительно всегда на землю сбегает. Стивенсон упоминал про это, мне кажется. Не поверить может лишь тот, кто не читал книжки про пиратов. И кошки тоже убегают из дома, предчувствуя землетрясения. Это у Брема я вычитала. И ласточки перед дождями низко над крышами летают. Ага. И мама, когда ей нужно приобрести что-то ценное, к папе совсем по-другому относится. Это уж мною подмечено, не Бремом.

Сходила в кино. Показывали английский фильм «Так держать, медсестра». Когда смотрела, то не смеялась. Вышла из кинозала и залилась смехом. Смеялась, как истеричка. Выходящие из кинозала зрители испуганно обходили меня. Сердобольный пожилой мужчина попридержал меня за локоток и участливо поинтересовался, не нуждаюсь ли я в помощи. Я извинилась и отвечала, что смеюсь из-за фильма. Он улыбнулся и произнес: «Попридержите свои эмоции. Они ни к чему хорошему не приводят». Похоже, он прав: у меня это был какой-то странный смех – изнутри, но не от всего сердца. Смеялась так, что заболел живот. Нервный срыв. Диагноз – вернее некуда. Потом как-то быстро смех исчез. В душе осталась странная грусть и такая же непонятная радость. Настроение и сейчас у меня странное. Не могу верить, чтобы новый ухажёр повлиял на это. Хотя он мне не совсем нравился, сейчас же весь кажется противным. И чем он увлек меня, гадёныш?

Делала уроки. В противоположность всему одолела задание по физике. Выполнила и по другим предметам, кроме английского и истории. Уже второй час ночи. Нужно ложиться спать. Баиньки, Танечка. Приснился бы опять воздушный шар. Люблю во снах путешествовать. Парить над землёю. И упиваться её красотой!

Дни, как говорится, летят, а его все нет. Первая и последняя встреча с моим недоумком.... То, что произошло между ними, требует продолжения, а где оно, это продолжение? Страшно, как хочется мстить кровавадно и изощрённо. Но не хватает на это мужества и умения. Все пошло ко дну. Карты показывают, что все у меня хорошо и прекрасно.

Но ведь ничего прекрасного со мной не происходит. Может это прекрасное наступит чуть-чуть позже и с другим человеком?

Сию каждый день допоздна. Учю уроки или что-нибудь делаю. Утром встаю не выспавшись. Заторможенная недосыпанием, я кое-как про-суживаю в школе 6 уроков и бегу домой. А дома что? Пришла, пере-оделась, покушала и опять все сначала. Обижаться на жизнь противно. Но так жить тоже противно. И что за чертовое колесо, в которое я по-пала? Никак не могу выбраться из него и мне, наверное, весь свой век в нем крутиться придется. Ничего не хочется делать, без дела тоже нельзя. Слоняюсь по дому, кое-как мастерю уроки, чтобы отвязаться от учителей, и думаю, думаю, думаю. Неужели это моя судьба? Страшно. Поневоле поверишь в фатализм. «Золотые дни моей меч-ты». Дорого придётся за них платить в конце года. Но что делать? Са-ма себя ругаю и ничего не делаю. Просить у него встречи со мной уже стыдно. Потихоньку шью платье к Новому году. Платье будет, но где буду я сама в этом платье? — вот в чем вопрос. Скорее всего дома. Опять у меня настроение — швах!

17 января.

Новый год отмечала дома с родителями. Никто меня никуда обстоя-тельно не приглашал и никуда я, естественно, не пошла. Сидела дома, смотрела телевизор. Валерка принес пленку цветную для телевизора, поставил ее. Теперь смотреть в цветном изображении очень даже при-ятно. Итак, конец января. В каникулы нужно было достать экзамена-ционные билеты, но я этого не соизволила сделать, приходится сейчас отдуваться. Я и отдуваюсь, Правда, с прохладцей отдуваюсь. Ничего нового в жизни моей не происходит. Никуда не хожу. И никуда хо-дить, и морозы трескучие стоят — ниже минус 45 градусов. Нос высо-вывать в подобную благодать никому не хочется. Мне, тем более — я свой нос уже отмораживала.

Денег в доме нет. Купили в рассрочку этот баян для папы и для меня, а теперь перебиваемся кое-как с аванса до получки и обратно. Мама всплескивает руками и причитает: чем кормить теперь вас, окаянных, мызыканты! Мне знать незачем. Родители ругаются каждый день из-за нехватки средств. Но папа в перерывах между этой склокой усажива-ется на табуретку и проиграв что-нибудь значительное и печальное, передает баян мне и показывает, как с ним обращаться. К своему

удивлению я в течении недели сумела разобраться в механике игры и уже самостоятельно без папы пытаюсь подбирать мелодии известных мне песенок. Как ни странно, но уже получается. Папа за меня радуется и долбит себя в грудь кулаком, радуясь тому, что корень его не за-сох, а дал побег в моем лице. Мама тоже тогда забывает свои обиды, присоединяется к нам с папой, и вот уже мы с ним наигрываем на гитаре и баяне песню и подпеваем маме. Такие посиделки мне нравятся. Но папа не всегда бывает в духе. Так что они у нас случаются гораздо реже, чем хотелось бы.

Неля не пишет. Не получила еще нашу »гору» писем. Соколова на Новомоднем вечере в школе обвивала своим обворожительным взглядом Н.В., но он, видать, и глухой и незрячий. Удивляюсь, как можно остаться равнодушным. А может он и не равнодушен? Представлялся только? Впрочем, мне все это безразлично. Х.С. увивается вокруг Г.В.. Она отвечает взаимностью. Получится из них, похоже, хорошая пара. Или нет? Он слишком пассивен. Неужели и не для меня много? Я тоже пассивна, поэтому и не умею заводить друзей. Это не то, что Нелька П. или Светка В.. И все у них быстро и гладко происходит. И находятся же слова. Удивляюсь только неудачам Светкиных стараний: она знакомится быстро, а дальше этого у нее ничего не получается. Она утверждает, что к завязыванию « дружбы» с кем-либо она и не стремится, просто побалакать ей интересно. А, впрочем, у нее же дома есть «второй фронт» и там дела, как нельзя лучше. Она сегодня не была в школе. Завтра вывалит на меня кучу своих впечатлений.

6 марта.

Воскресенье, но мы учились. Зато теперь два дня будем отдыхать: 7 и 8 марта. Сегодня в школе должен быть вечер. Я не пошла. Девчонки с Цветочной не захотели, а мне одной идти не особенно тянет. И, потом, наши мальчики не соизволили даже поздравить нас, не говоря уже о том, чтобы что-то подарить. Пожадились даже купить каждый по открытке за 2 копейки. «А»- шники, девчонки, не дарили мальчикам к 23 февраля ничего, зато мальчики им сегодня преподнесли много приятного. Даже немного завидно было. Разбаловали мы своих шалопаев. Вот они и возомнили о себе черт-те что.

Вчера ходила с папой и мамой на вечер к маме. Там видела Райку Станевич. Какая она стала! Прямо-таки не узнать. Наверное, работает там секретаршей. Надо будет спросить у мамы. Похудела. Платье в

обтяжку, чёрное, хорошо сделано. Как обычно, держит себя с достоинством. Ну, вот и всё. Дома на протяжении целого месяца скандалят родители и по поводу и без повода. Поэтому со школы идти сразу же домой не тянет. Брожу по улицам, захожу на почту, в магазин. Хотя он совсем мне не по пути. Особенно куда-то убежала бы вечером, когда все собираются и начинается эта словесная резня. Пыталась. Убегала. Но не будешь же все время убегать куда-то. Именно поэтому особенно сильно ощущается необходимость иметь хорошего друга. Даже необязательно, чтобы другом был «он». Хочется кому-то вылить всю душевную горечь. Даже сейчас на глаза навертываются слезы. Одиночество – это что-то ужасное, невообразимое. Хочется стать лучше, таким, как все. Но как? Дурацкий вопрос! Всю мою жизнь он меня донимает. Ни на минуту не оставляя меня. Хочу непременно уехать учиться из города. Появится вместе с новой обстановкой и новая жизнь. Боюсь, что это не сбудется. Я слишком пассивная. Как говорится: » И хочется, и колется...». Заветная мечта у меня – поступить в институт сразу же после школы. Но, похоже, в этом году не поступлю. Слишком много выпускников. И слишком мало у меня знаний. Я бы, вероятно, могла подготовиться, если бы кто-то руководил этим. Смешно, даже не знаю, куда податься. В медицинский поступить - оно бы самое лучшее было. Но я ведь хочу уехать.

Не готовлюсь к выпускным экзаменам, а туда же, в институт! Да кому ты нужна с такими знаниями! Лентяйка! А уезжать – куда от себя ты уедешь? Что же во мне самой может измениться оттого, что я уеду? Разговорчивее в Томске стану? Между прочим, и в Латышах я была восхитительна и могла с интересом для себя со всеми парнями общаться свободно. Почему? Вот в этом направлении тебе нужно копаться. А пока надо заняться зубрежкой. Никто в классе не верит, что я домашние задания делаю спустя рукава. Считают злостной зубрежницей. А я ведь, действительно, разленилась в последнее время. Возьмусь ка за дело всерьез. Времени до экзаменов осталось совсем мало.

27 марта.

Дома не нахожу себе места. Что-то гложет меня, беспокоит, напоминает о чем-то толи потерянном, толи забытым мною навеки. Как иногда книжные слова бывают сильно знакомыми и близкими! Кажется, если бы в словаре не было таких слов, сказал бы их сам. Возникают они как-то изнутри. Тяжело, так тяжело, что сейчас в любом человеке,

замечающем тебя, хочется видеть друга. Хоть приласкаться бы к кому. В таком положении можно простить все обиды. Что-то внутри подкапывает к горлу, тогда и возникает эта тяжесть. Невыразимая. Если бы у меня было хоть немного таланта писать, то стихи в такие минуты были бы самыми грустными, в своем роде самыми лиричными из всех ещё не написанных поэтами..

Если по-честному, то я эгоистка. Причем, вероятно, страдающая эгоистка. Трудно мне на свете, очень трудно. Ко мне никто не обращается с открытой душой. Если же я когда сама проявляю инициативу, то тут же натываюсь на крепкие спины. То есть не нахожу отзыва у своего избранника. Одинока я. Очень. Совсем не такая, какой представляют меня окружающие. Ну почему я такая? Ведь сложностью характера я не отличаюсь. Со многим в жизни согласная и все приемлю, если оно не противоречит моим законам. Законы мои не с Луны мне достались, общехристианские они: не убий, не воруй, не предавай, люби ближнего своего как себя самого. Вот и все вроде бы законы эти. Так ими ведь каждый из нас пользуется. То есть и в этом отношении я являюсь вполне нормальным индивидом общества, которое меня почему-то отрицает.

Не с кем поговорить хотя бы минутку, в простой ничего не обязывающей беседе расслабиться и почувствовать себя полноценным человеком, который интересен другим, с которым можно общаться без боязни быть укушенным. Косулин приезжал недавно домой, даже не зашел, не вспомнил обо мне. А ведь мог бы. Непотребная я ему оказалась. Да и кому я нужна такая? Как приятно, наверное, сознавать, что ты кому-то нравишься. Тогда тебе легче ходится, дышится легче. Да и что говорить!

Только сейчас до меня доходит смысл различных книжных слов, которыми так богат наш язык. Большинство из этих слов выстрадано такими же, как я, людьми, и не могло не появиться.

Нет, я не способна на самоубийство. Слишком сильна во мне эта моя надежда, что в будущем все изменится и меня найдет мой идеал. Но если бы я знала, что мое положение там улучшится, я не задумываясь, ушла бы из этого мира. Терять мне нечего. Ничто не держит меня здесь. Смешно. В голове опять крутятся обрывки мыслей: «...я не хуже других, ...хуже, в сто раз хуже...- но чем, чем? – тем, что с тобой никто не хочет знаться..., почему? – ты сама знаешь, почему». А я не

знаю, я ничего не знаю. Зачем врать? – Эгоистка я, всем завидую и всех ревную. Завидую всем, непохожим на меня. И хочу мстить всему миру за это.

18 апреля.

Предыдущая запись наполнена трагическим пессимизмом. Сразу видно, что настроение было у меня очень плохое. Вот уже больше недели, как мама в гордом одиночестве уехала на курорт. Папа не подгадал с отпуском. Уехала она далеко, куда-то подо Львов. И что странно, не сообщает о себе ничего. А нам ведь интересно: как поездка, как пересадки. И вообще – что это за курорт и как там ее подлечивать стали.

Вчера стояла на перекрестке со Славкой Г. С ним можно без намеков каких-либо говорить о чем угодно, особенно о звездах и школе. Подошел мой стихоплет. Постоял с нами, правда, немного, и откололся, ссылаясь на занятость. Как-то тоскливо мне сразу стало. Что бы это значило? Когда он перестал со мною встречаться, я убеждала себя в том, что он никогда мне не нравился, а встречалась я с ним потому только, что мне лестно было его внимание. Выходит, что-то осталось во мне от тех встреч с ним и я сожалею, что они прекратились. А может это просто так, блажь?

Юрка В. Приобщился тогда к нашему обществу. Просил, умолял меня дать ему гитару на несколько дней. Пообещала дать. Пусть только сломает! Модный парень. Все рвется вверх к успеху в чем-нибудь. В художественной самодеятельности школы я выступаю со своей гитарой часто. Попросил как-то на репетиции поучить его брать аккорды. Показала. Играть на гитаре он не умел. Зачем же ему гитара без учителя? Или уже научился играть? Впрочем, какое мне дело. Дам. Вернул бы в исправности. И на том спасибо. Стихоплет мой воображает из себя сердцееда. Улыбается и ворочает своими глазищами. Врезались в память. Говорят, что глаза – это зеркало души. Что же у него за душа? По глазам выходит, что глубокая душа эта, провалишься в нее и не выберешься наружу. Очевидно он хороший парень. Только, какой-то несколько странный. Убежал вчера, говорит, что гаврика своего надо укладывать. А кто у них в семье за гаврика выходит? Вроде нет таких. Неприятно, очевидно, мое общество. Вот и припел несуществующую причину. Стараться буду не попадаться ему на глаза. Приперлись сегодня вдвоем за гитарой. Юрка, да он. Стихоплет бол-

тает ерунду и дрянь всякую, паразит, своим языком. Нас, мол, деток хочет скушать. И все главное мальчишки стали руки распускать. Это, наверняка, стихоплет пример показал. Надо бы ему затрещину ответить. А впрочем, мне теперь до него – куль с мукой.

6 мая.

До экзаменов осталось три недели. Что меня ожидает? Еще куча билетов не выученных. Суток мало, да и занимаюсь я не в полную силу. Весна все-таки. Читаю свои записи и диву даюсь: до чего куцые у меня мысли. Одни, как есть, голые факты. Скорей бы эту тетрадь закончить, да забросить куда-нибудь подальше, чтобы лет через 10-15 отыскать среди хлама и посмеяться над собой и своими детскими горестями. Да и разве только посмеяться? Грустные, однако же, будут воспоминания.

В май была дома. Светка В. приглашала меня к себе на день рождения. Но она приглашала меня с кем-то, а вот этого «с кем-то» у меня и не было. Славка Г. не пошел, а больше подходящей кандидатуры не оказалось. Одна придешь – Светка так тебя сразу и спросит: а где он? Она, конечно, ужасно обиделась. Даже целый день дулась. Потом вникла в ситуацию – перестала. Светке стукнуло 18.

Скоро приедет выздоровевшая мама. Вот тогда-то свалится с меня груз домашних хлопот. Высвободится время для подготовки. Завтра зачет по истории. Плохо готовлюсь. Вот так всегда: лишь бы что-нибудь делать, но только не то, что нужно. Ну зачем я уселась за дневник, когда завтра зачет по истории?

15 мая.

Время неумолимо движется к экзаменам. Прочла у русского классика отрывок из дневника уездной барышни. Красиво пишет девушка. Прямо вся из переживаний состоит. Чтобы мой дневник походил на дневник уездной барышни, нужно писать о сердечных делах. А у меня их нет. И никого я не люблю. И никто мне не нравится. И никто не помогает меня. Обидно. И противно, ужасно противно писать об одном и том же: какая я несчастная и т.д. И когда я перестану быть такой сентиментальной? Сижу, копошусь в своей душе по вечерам, толку никакого от такого копания не вижу – гадостно. Даже ругать себя стало противно. Была бы я мальчишкой, мечтаю порой, тогда бы

я во всем была удачливой. Не то, что сейчас. Засиделась, как обычно, до двух часов ночи. Мама просыпалась, ворчала, хватит жечь свет.

Надо ложиться спать. Увидеть бы приятный, приятный сон! Чтобы целый день под его впечатлением ходить. Ведь все приятное несет радостную окраску, а радость всегда сопутствует удаче. А удача, знали б люди, как нужна она мне сейчас.

Вообще-то, не надо такого сна, горько будет осознавать, что это был всего лишь сон. Еще больше расстраиваться буду. Зачем это мне?

15 августа.

Полдня проплакала от счастья и пропрыгала у стенда, прочитав на доске в вывешенном списке абитуриентов свою фамилию: Дочкина Татьяна Николаевна является теперь полноправной студенткой факультета детской терапии Кемеровского медицинского института его дневного отделения!

Я студент! Ура! Ура! Ура!

Моя мечта исполнилась!

Я стану врачом!

Просила в приемной комиссии, чтоб дали справку, о том, что я поступила в институт. Надо мной посмеялись, но справку такую девушка-старшекурсница отпечатаала мне и заверила печатью института в секретариате. За декана она расписалась сама, но ведь это не важно. И я с этой справкой подалась на работу к маме, потом оттуда мы с ней позвонили папе. Его механик выудил из диспетчерской и подвел к телефону. Услышав папин голос, я прокричала папе в ухо свою сногшибательную новость. Скорее – радость, а не новость. Папа зарычал, как медведь, и принялся ломать ребра механику. Слышно было, как они боролись и потом механик поинтересовался: а вторая, то дочка когда поступать будет, сообщи мне, отпуск возьму за свой счет. А папа ему с гордостью ответил, что вторая его дочка давно уже институт закончила. Я – младшая. Скоро и мною он будет гордиться!

По крайней мере, я сама уже горжусь собою! Я достигла цели. Самостоятельно! Я поступила в медицинский институт! Разве не так? Вот

она, справочка, гляньте. По дороге домой я заговаривала со всеми встречными знакомыми и оповещала их о своей личной победе. Подобного ликования души я не испытывала уже сто лет! Я поступила! Я! Я! Я!...

Домой я пробиравась через улицу Цветочную. Девчонки моему достижению радовались не меньше меня. Мы тут же организовали маленький банкетик и помянули добрым словом наших учителей. Я потом заходила в школу и благодарила их уже лично. Директор и некоторые другие учителя поздравляли меня с поступлением в институт несколько официально, ведь для них это уже давно не событие, а вот Ксюша стиснула меня и расцеловала. Наверное, она все время чувствовала, что я была в нее влюблена.

Папочка с мамочкой в честь моего поступления в институт решили устроить дома праздничный ужин. Мама принесла с работы кучу так горячо любимых мною восточных сладостей, папа, как обычно, бутылочку винца, а для себя водочки и, когда я поверх скатерти расстилала на круглом столе в зале клеенку, то до меня из кухни донеслась вскользь брошенная фраза мамочки: »Чем - то надо, Коля, сестрицу твою отблагодарить. Видишь, как дочка наша радуется».

Как вспышка молнии, мой мозг пронзила догадка: если бы не тетя Галя, то мне, как ушей своих не видеть было бы поступления в институт! Она имеет большой вес в здравоохранении города. В ее больнице проходят практику будущие врачи, выпускаемые институтом. Чтобы я оказалась студенткой, ей достаточно было лишь заявить о желании видеть свою племянницу в его стенах. А тут еще я со своей серебряной медалькой. Ну как же не взять такую способную. Это же не обузу шестилетнюю себе на плечи громоздить. Такая девочка без тычков со стороны будет прилежно осваивать профессию врача. С её то оценками она не должна беспокоить преподавателей. И опять же с выпуском новоиспеченных докторов меньше заморочек деканату окажется. Тетя Галя ведь приезжала к нам в июне и, как невесту, вертела меня перед собою минут десять, а потом долго шепталась с мамочкой на огороде в теплице. Неспроста!

У-У-У! Как я вас ненавижу! Кто вам позволил вмешиваться без спроса в мою личную жизнь? Со зла я громко хлопнула ладошкой о стол и полетела на кухню. Ну, как же, вот они, папочка с мамочкой, обнимаются, милуются! А перед этим унизили свою дочку, с грязью смешали

ее достоинство! Да как вы смеете...! Я должна была сама! Сама! Сама...!

В общем, со мною случилась истерика, я на них наорала, накричала, натопала, набызывалась. В порыве ослепляющего разум безумия, я способна была тогда убежать в приемную комиссию и забрать из института свои документы. Виновато улыбаясь, родители все это снесли безропотно. Чего уж там, не учли. Мама меня отпаивала валерьянкой. Папа, как маленькую, усадил на коленки и, покачивая, успокаивал и только после девяти вечера, придя к обоюдному согласию, мы сели за стол и наконец-то отметили мое поступление в этот гребаный институт. Мы с папой исполнили для мамы несколько песен. Нет, не так: папа играл на баяне, я, на гитаре, а мама пела. В основном - русские народные. Что Зыкова поет постоянно. Мы с папой подпевали маме. Задумавший устроили вечер. Возбужденный такой обстановкой, возбужденно гремел во дворе цепью Шарик и, в унисон тягучести маминых песен, старался подвывать ей, задравши кверху квадратную морду. Валерки со Светой не было. Никто нам не мешал. Петь песни.

20 августа.

Брожу по городу. Мама вручила мне 50 рублей и сказала: «Отдыхай перед учебой. Не вздумай и копейку потратить на вещи». Посетила драмтеатр, филармонию и театр оперетты Кузбасса. Впечатлений по горлышко. В кинотеатре «Москва» уже была раз пять. В горсаду со мной познакомились все скамейки. Рискнула даже в одиночку сходить на танцы в горсад. Понравилось. Там было много девочек из нашей школы. Меня два раза приглашал на танцы мальчишка с Рудничного района. Благообразенький. Зовут Владимиром. Набивался в провожатые, а потом куда-то исчез. Я не то, чтобы искала его в толпе танцующих, но приглядывалась и ничего похожего с его золотистой шевелюрой не обнаружила. Не везет мне на рыженьких! Я какая-то для них не такая.

Хочешь сказать, на кого-то другой масти везет, для других ты такая? Не помнишь разве Стаса К. из твоего класса. Еще когда он был совсем неприметен для всех девчонок, ты уже останавливала на нем свой задумчивый взгляд, находя в его облике для себя что-то притягательное. Он блондин, высок. Лицо у него вытянутое, глаза голубые. Смирный и тихонький, старался только учиться. Учителя никогда не допускали,

что он может совершить что-нибудь противозаконное. Он и не совершал. Почему и был неинтересен для всех девчонок. Ты никогда не подходила к нему, не разговаривала, не пыталась установить личный контакт. А он ведь тебе нравился. Ты впоследствии стала следить за каждым его шагом. Тебе было интересно видеть его перед учительницей, чувствовать его желание найти ответ, который бы той понравился. Ты видела его, сосредоточенно думающим при решении задачи очередной контрольной по математике, ты даже однажды сама обращалась к нему за помощью в составлении схемы параллельного соединения проводов, Ты ведь старалась попадаться ему на глаза как можно чаще. Но он не замечал тебя. Ему не нужны были милые улыбки, расточаемые тихой, задумчивой, молчаливой девушкой, в его адрес по любому поводу. Ты была ему не нужна. Уже в одиннадцатом классе ты узнала, что он подружился с девушкой из города. На школьных же вечерах он танцевал со Светой, Танечкой, Нелей, но никак не с тобой. Что ж. каждому свое. Я тоже буду когда-нибудь кому-нибудь нужна. Я же не калека, я же не образина. Я – нормальная девушка. Просто мне не везет. Пока, наверное.

Сложная штука – жизнь. Вот бы раскусить хоть какой-нибудь из ее орешков, найти вход в один из ее лабиринтов. И броситься туда, и заблудиться? А хотя бы и так. Блуждать и искать даже не знамо что, много интереснее, чем сидеть, сложа ручки и ждать манны небесной. Смешно, конечно, но это так. Но, ох, как не хочется ждать пришествия того, что не зависит никак от твоих желаний и способностей...

В.Роков.

2015 год.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Мы не вечны. И это очень хорошо, что мы продолжаем жить в наших детях, а наши дети в своих, и так далее. Посредством передачи себя из одного поколения в другое мы и существуем на нашей планете. Значит дети для нас, людей, самое главное из всего, чем мы владеем.

Я своих дочек люблю. У меня их две. Первая уже отправилась в самостоятельное плавание. Я за нее не беспокоюсь. Вернее, беспокоюсь: мне хочется, чтобы всё ей удавалось в её начинаниях. И она была бы счастлива. Чтобы улыбка не сходила с её лица, ведь улыбка так красит мою доченьку! Общение со старшенькой мне доставляет неописуемую радость. Она активна, красива, оригинальна и интересна, как собеседник. Она уже взрослая.

А вот младшая доченька только-только подходит к черте, за которой начинается взрослая жизнь. Как воспримет суровая жизнь вступление моей младшенькой на свою территорию, я не знаю. Сейчас не то время, не те нравы, не та обстановка, когда можно было позволить себе опекать детей своих продолжительное время. Почему природа устроена так, что наши дети не имеют возможности использовать накопленный нами опыт?

Как она именно сейчас воспринимает окружающий её мир? Переключается ли то, что я описал в своей повести, с её настоящей жизнью и что я сумел угадать и чем помог своей дочери, знать бы.

РАССКАЗЫ

Тайна лесного озера.

Тропа, проложенная по склону одной из невысоких молодых гор, неразрывная цепочка которых образовала в южной части полуострова Камчатка хребет Ганальского, заворачивающего от реки Плотникова на юго-восток, была старая, мало хоженная, заросла травой и кустарником. Когда-то удобная для зверей, она была ими брошена, потому как стала использоваться людьми, существами жестокими и кровожадными.

Места обитания человека и крупные и мелкие хищники обходили далеко стороной. Да и вообще все лесное население к присутствию человека относились с предубеждением, словно и он не их поля ягодка, не скакал вместе с ними в недалеком прошлом по веткам деревьев, не лакомился сладкими корешками съедобных растений. Все живое потому затаивалось, прослышав цоканье копыт моей лошади о каменные сколки тропы, мои редкие восклицания или недовольные всхрапы тяжело груженного животного.

Я ехал по тропе уже давно. Различал ее не всегда. Лошадью не правил, потому что править не знал куда, а просто сидел на вьюках, подобрав ноги, чтобы не цеплялись за них сучки деревьев или случайно не придавила боком лошадь их к серому камню скал, которые часто выбегали к тропе и нависали прямо над нею. Высокое, испеченное солнечным жаром небо, да надвое развалившийся конус вулкана Карымский и зелень, зелень повсюду еще совсем свежая, служили мне фоном, в котором я двигался неизвестно куда. И порою казалось мне, что будто бы здесь никто никогда не ходил. И непонятно совсем, какой еще леший увлек меня в эту сторону.

На самом же деле все было не так. Осень на Камчатке щедро на тепло, а в этом году особенно. Благодаря хорошей погоде нынешнее лето увеличилось на целый месяц, а вместе с этим и сезон изыскателей. Они еще будут работать до конца октября, а мне же нельзя, мне надо ехать в город учиться.

Николай Егорович, когда отправлял меня с базы, говорил: "Доверяй лошади. Муха дорогу знает, выведет на гравийку. А там уж сам по дороге и достигнешь Начиков. От места, где тропа на дорогу вы-

ходит, до села недалеко будет - всего километров двадцать проедешь. Так что, езжай с богом. Если с тропы не собьёшься, так сегодня к вечеру и очутишься в Начиках, а завтра и в город по утру возвратишься."

- Как же, достигнешь, а если собьёшься? А если потеряюсь я в этих просторах, кто меня здесь отыщет. Интересно, меня восстановят в институте, если я десять лет между вулканов в гордом одиночестве проблужаю?

Короче, сомнения ни к чему хорошему не приводят: он верил Мухе основательно, потому что с ней два сезона уже отработал : арендовала партия лошадей у колхоза уже несколько лет подряд. Так что и мне тоже надо верить в способности Мухи и не роптать. И я верю, потому что ничего другого самостоятельно предпринять не могу. В прямой от Мухи зависимости оказываюсь. Она это наверное чувствует и совсем даже не обращает внимание на взгроздившегося поверх тюков двадцатилетнего парня. Иной раз дернет головой в мою сторону, окинет строгим взглядом и вновь устремляется вперед на покорение расстояний. Пренебрежительно лошадь ко мне относится. Во все время пути меня не покидает мысль: если неожиданно какое-то дерево схлестнет меня с ее широкой спины, Муха не обернется, не обнаружит пропажи, а в том же ритме будет продолжать топтать своим развалистым шагом в сторону колхозной конюшни к полюбившимся жеребцам и ревнивым кобылам.

А я, это уж точно! - останусь здесь один, на весь полуостров один! И становится страшно, хотя знаю: там, вдалеке, на юго-востоке находится город, здесь, где-то совсем рядом - база, а гравийка вот-вот уже должна бы заскрежетать железом под копытами миленькой Мухи.

Справа "по борту", со стороны заросшей лесом низины, неожиданно послышались трубные звуки и громкое хлопанье, словно разбушевавшийся ветер в бессильной злобе стремится сорвать с веревок вывешенные для просушки большие полотна. Я настораживаюсь. Муха тоже беспокойно запрядала ушами. Вглядываюсь в ту сторону. Сквозь поредевшую листву буков, кленов, осин и каменных берез просвечивается голубизна опрокинувшегося в озеро неба - лебединое озеро, о нем мне говорили! Так вот оно какое!

Осторожно соскакиваю со спины Мухи и, взяв свою лошадку под уздцы, с бьющимся в груди от волнения еще учащенное сердцем, безмолвной тенью крадусь к воде. Как хочется их увидеть на воле, не на картинке, не в тесном ограждении зоопарка, а в естественных для их жизни условиях! Когда еще предоставится мне такая возможность? Может и сейчас она не предоставится: лебедь - очень осторожная птица, не спугнуть бы. На цыпочках продвигаюсь поближе к воде. Озеро небольшое: метров в двести в длину и в сто шириною. Крупные, раза в два побольше гусей, ярко-черные птицы с красиво и гордо изогнутыми длинными шеями сгруппировались в стаю на противоположной стороне озера.

Похоже, что-то между собою обсуждают. Возбуждены до предела. Их восемь особей, нервными толчками то расплываются в стороны метров на десять, то снова сближаются, протяжно гудят. И те, что помоложе, в нетерпении отрываясь от воды, возбужденно хлопают огромными крыльями по зеркально отражающей их поверхности. Никто из них рыбной ловлей не занимался, то есть я не увидел, чтобы лебеди, подобно гусям или уткам, запускали в воду свои шеи и что-то из воды бы выуживали...

--Им не до этого!- пронзила догадка - Готовятся к отлету. Может сегодня и улетят в свою Африку. Как хорошо, что я именно сегодня оказался здесь! Как хорошо, что я их увидел! Ну, разве это не счастье?- Везунчик я! И больше ничего!

Не тревожа совещающихся птиц, я некоторое время, схоронившись за кустарником, любуюсь ими и нахожу, что любой из них не только в два раза крупнее обыкновенного домашнего гуся, но и вкуснее, наверное, в два раза его. Ведь лебедей в старину подавали князьям и боярам на стол с запеченными в них яблоками. И не было лучшего мяса для тех, кто этих лебедей отведывал! "Вот бы и мне их тоже попробовать!" - возникает мысль, подсмеиваясь над которой и находя ее воплощение вполне возможным для того, кто оказался бы сейчас на моем месте и имел бы при себе оружие, стараясь не шуметь, крадущейся походкой отступаю к тропе.

А берданка есть и у меня. Стрелять умею: однажды я из воздушки случайно сбил коробок спичек на лету. И в лебедей пальни я сейчас, какого-нибудь наверняка жизни лишил бы. А зачем? Только для еды? Но ведь у меня есть в рюкзаке две банки тушенки, и в Начиках по

приезду меня накормят до отвала. Заправят так, что до самого Петропавловска сытым себя чувствовать буду. Убить и тем самым загубить чудо природы, равноценное которому не так скоро и отыщешь уже на нашей планете? - Нет, я этого не хочу и не могу я брать на себя такую вину. Пускай лучше летят поскорее в свою Африку и весной возвратятся обратно. Ведь без них это озеро оскудеет, превратится просто в огромную лужу пресной воды, и никого уже не будет очаровывать своей красотой...

Муха действительно дорогу домой нашла без всякого моего вмешательства. Часа через два она вывезла меня на гравийку, а я все это время трясся на вьюках, удерживая в памяти картины увиденной мною тайны лесного озера. Как хорошо это, что для нас еще кое-где земля их сохраняет!...

Петропавловск-Камчатский

сентябрь 1972 года

Худосочный и гибкий, словно лозинка, белобрысый мальчонка Юрка Лапшин в этом году весной с хорошими отметками окончил начальную школу. Осенью вместе со старшеклассниками он будет ходить в десятилетку и никто уже не будет считать его, а тем более обзывать, малышкой или мелюзгой. Как-то незаметно промелькнули для него четыре длинных учебных года. Всякое испытал он и открыл для себя за эти четыре года. Теперь он повзрослел и, похоже, бесповоротно: уже имеет полное право хлопнуть по затылку ладошкой расшалившегося первоклашку. Теперь и на улице он не мямлится, совсем даже на равных держится с пацанами постарше. А чего там: самоопределился он наконец-то как личность. Его стали уважать за умение играть в футбол, за участие в набегах на мичуринские сады и еще за то, что он, овладев тремя аккордами на гитаре папы, может лихо сбачать две популярные песенки из репертуара всеми любимого Высоцкого. Да за это любой парень ему руку дружбы протянет. Он это чувствует, недавно папка говорил ему: учись играть на гитаре, пока молодой, общаться с людьми помогает.

Помогает...Вот только с Петькой Саблиным частенько нестыковочки происходят. Вольтанутый он, а может и чокнутый, потому что хотя и друг детства считается, а только с ним каждый день ссориться приходится, дело едва до драки не доходит. Потом, конечно же, они мирятся и Юрка вместе с Петькой смеется над его закидонами и потом уже вместе они придумывают, чем украсить свою жизнь, чтобы она стала еще веселее. Вот и на сегодня, на третий день летних каникул, они наметили с Петькой вчера еще очень интересную познавательную экспедицию в каменоломни на берег реки, где местные жители давно уже для собственных нужд добывают камень, который с приятной легкостью отковыривается от скалы ровными плитами. Уже в том месте пробито в берегу несколько глубоких нор и даже две из них друг с другом сходятся. Петька с Юркой туда уже лазали. Но без фонариков им там очень страшно показалось. А если учесть, что в этих каменоломнях можно запросто наткнуться на гнездовья гадюк, никто и не смеялся над ними за то, что они всего-то тогда пару минут постояли у входа и убежали к воде от греха подальше.

Поэтому сегодня Юра проснулся рано. Петька, поди, там весь уже разволновался, он всегда спешит и Юрку подстегивает, когда в этом

даже никакой необходимости нету. Так что лучше без воплей друга самому к нему заявиться. Он немного полежал в постели, полюбовался узорчатыми зайчиками света на стенах, потом тихонько привстал с кровати и на цыпочках, чтобы не разбудить работающую сегодня во вторую смену маму, прихватил висевшую в шкафчике одежду и подался на кухню. Напялил на себя рубашку, плотную курточку, джинсы парадно-выгребные. Надел еще резиновые сапоги, чтобы змеи не кусанули за ноги. За окном скреб по асфальту метлой дворник дядя Федя. И больше во дворе-- ни души. Юра зевнул, открыл холодильник, где обычно на верхней полке у них всегда стояло молоко, протянул за ним руку и...остолбенел от ужаса: с полки на него уставилась чья-то волосатая голова с остекленевшими глазами!

Мама! Там... - вбежав в спальню, он судорожно вцепился в плечо спящей матери.

--Что такое, что такое! - спросонья зачастила та. Волнение сына мгновенно передалось женщине и, еще не осознавая, что именно напугало мальчишку, она сама испугалась до такой степени, что даже смотреть в направлении протянутой и трясущейся руки Юрочки было свыше ее сил.

- Голова в холодильнике!

- Чья голова, почему голова? Я никакую голову не покупала. Какое в голове мясо?- не дури!--совершенно ничего не понимая, рассердилась мама и решительно поднялась со своей кровати.

- Голова там, человеческая!

- В холодильнике?- маме сделалось дурно, и она рухнула в постель.

- Мамочка, мамочка, что с тобою?! - закричал Юра и сам юркнул к ней под одеяло, спрятал голову ей подмышку и заплакал от страха.

Горячие слезы сына вернули мать к жизни.

- Успокойся, миленький, тебе приснился нехороший сон. Вот до чего доводят фильмы ужасов. Чтобы больше не ходил на видики.

- Да какие видики! Там реальная голова! Ничего мне не приснилось. Я молока хотел попить, открыл дверцу, а там!...

- Привиделось!

- Сама посмотри!

Собственно, в нашем мире может случиться всякое и, хотя это при ближайшем рассмотрении никак объяснить нельзя, проверять абсурдное утверждение сына придется мамочке и никому больше. В нужную минуту, как обычно, папы не оказалось рядом.

- Да какая голова-то: мужчины или женщины?

- А тебе не все равно? - Страшная!

- Сейчас мы посмотрим...

- Не буду я смотреть!

- Я сама посмотрю, фантазер.

Маме не хотелось смотреть. Ей тоже было страшно, но ведь она взрослая. Юрочка мальчик впечатлительный, мало ли чего ему может привидеться спозаранку. Может и не голова это вовсе. Почему там голова, как она смогла попасть к ним в холодильник? Вот сейчас она оденется и разберется в чем дело. Суматошно заправляясь в лямки-бретельки своей амуниции, она с нарочитой уверенностью двигалась по комнате в поисках запропастившегося халатика и тапочек и, одетая, наконец, остановилась. Юре было страшно, он скрылся под одеялом и, выглядывая сквозь шелку, наблюдал за мамой.

- Ну чего ты лежишь одетый в постели, еще и обутый!? Придумал! Давай вставай! Пойдем.

- Боюсь.

- Я тоже боюсь. Но нас двое. Может она мертвая. Вот я возьму сейчас швабру,--другого оружия в квартире у них не было и мама, ухватив одной рукой черенок швабры, другой потянула за собой упирающегося сынишку. Всегда привычная и родная стеклянная дверь кухни зло-

веще сверкала теперь перед ними своей пугающе стерильной белизной. Тотчас у матери в подсознании всплыла больница, операционная - это святая святых врачей, где они, запершись ото всех больных, творили свое страшное дело и потом... Лежащее на носилках, накрытое простынями тело женщины, ее безжизненно свесившаяся рука, непроизвольно качающаяся в такт шагов санитаров. А потом резкие слова сутулящегося хирурга: "Не толпитесь, нечего здесь стоять, расходитесь по палатам, мешаете!..."

Та женщина была слаба, ей удалили почку. Она не выдержала, ее не спасли. Скончалась на столе, зарезали... Когда в детстве пришлось лежать в больнице с ангиной, мама часто подходила к дверям операционной. Обыкновенно в эти часы там не работали, она была пуста, но молчание, исходившее от ее дверей, пугало маму, угнетало ее воображение, казалось тогда, что воздух становился вдруг тяжелее, он придавливал всю ее к полу, и маме больших трудов стоило освободиться от завораживающего воздействия одного вида операционной. Иной раз у нее мелькала мысль заглянуть и увидеть, что же там такое за дверями, но вот чтобы взять и решиться на это у нее не хватало духу.

А вот теперь безо всякой подготовки и отговорок ей надо войти в кухню. Ей надо подойти к холодильнику, открыть его и посмотреть... Можно было бы позвать соседей, людей посторонних. С ними не страшно. А вдруг там действительно голова? Нет, нельзя. Самой надо.

- О, господи! Как это сделать?

Юра волчонком поскуливал сбоку. Противно заскрипела и отворилась дверь. Мелкая дрожь липким ознобом прокатилась по всему телу, нервным тиком отдаваясь в пальцах. Против двери, в углу, зловеще зуммерил "Океан". К атомной бомбе наверное подойти было бы проще, чем к холодильнику, но подойти и заглянуть в него надо было хотя бы для того, чтобы убедить сына, да и себя тоже, что там нет ничего страшного, что все это ему лишь привиделось. Был бы у них папа дома, а он, как назло, опять уехал в очередную командировку, они бы сделали хитро: оделись и убежали до вечера из дому или же вызвали с работы папу. А уж он то бы с головой разобрался! А так кому кроме нее это надо?

Рожком швабры она, потому что боялась вплотную приближаться к

холодильнику, открыла его и с верхней полки на них глянула голова! Да, действительно это была голова человека, точнее - мужчины. Античной красоты нос, невообразимо густая черная шевелюра, тонкие, в ехидной усмешке, губы и глаза из полуоткрытых век, казалось, смотрящие на тебя по-живому. По низу шеи, в том месте, где она была отделена от чьего-то туловища, темно-красной коркой запеклась кровь.

Нет, это было ужасно! Для того, чтобы высветить всю обстановку разом и, запечатлеть ее в своем мозгу, маме достаточно было нескольких секунд. Теперь, собственноручно убедившись в том, что голова человека существует на самом деле и находится в их квартире, мама не стала задаваться вопросом, чья же это голова и как она попала в их холодильник. Она ясно и зримо осознала, что голова своим присутствием принесла опасность в существование их семьи. Какую точно--она не могла еще и предположить. Первою мыслью у мамы было освободить холодильник от этой пакости, ликвидировать ее, как улику. Какую улику? Зачем спрашивать - Это несовместимо с безоблачной жизнью мамочки! И от этого надо, как можно скорее, освободиться! А потом уж, потом она определится, что делать дальше. Женщина она была решительная. И вот уже, отпихнув в сторону путающегося под ногами сынишку, мама лихорадочно роется в белье, выбирает темную наволочку, шваброю вкатывает в нее громоздкую голову, запихивает ее в большую сумку и, дрожа от омерзения и страха, вместе с Юрочкой выбегает на улицу.

Во дворе, напротив их подъезда, стоит контейнер для мусора, возле подъезда на лавочке душевно беседуют старушки, рядом в песочнице ворошатся их внучата. Нет. Контейнер в своем дворе не годится. Заметят и сразу определят, чьих это рук дело. И, хотя твоих рук в этом деле всего ничего, то все равно тебя вымарают так, что до конца жизни не отмоешься.

Надо мыслить трезво и прятать там, где бы тебя не смогла опознать ни одна собака. В чужой двор и подальше отсюда!

Гонимая попутным ветром в лучах восходящего солнца, мамочка с сынишкой перебегает широкий проспект и устремляется к крытому рынку, у сплошных стен которого ей доводилось видеть раньше вместительные черные ящики железных контейнеров. Вот там она и спрячет ужасный подарок.

Перед главным входом рынка равнодушно прогуливается милиционер. Руку стала жечь тяжесть несомой сумки. Маме казалось, что сумка прозрачна и стоит только милиционеру взглянуть на нее, как он тотчас увидит в ней голову. Маму схватят и посадят в тюрьму. У- у- у! Что тогда будет с ее мальчиком, папой, с ней, наконец? Попробуй потом докажи кому, что ты не имеешь ровно никакого отношения к убийству незнакомого человека. И совсем не ты отрезала ему голову! Им ведь всем это будет без разницы: в твоих руках голова, значит, ты и должна знать, где лежит схороненное от людских глаз безголовое тело, а значит, и убил, кто такого красивого мужчину тоже знаешь. И сомневаться не надо - обычно такие именно ревнивые женщины и убивают красивых мужчин, не желая делить с кем-то их тело и душу. Шарахнувшись в сторону от милиционера, она, загородивши юбкою от его взгляда свою сумку, быстренько скачет по ступенькам входа. В залах рынка еще пустынно. Это ей на руку. По фруктовому ряду хлопотливо усаживаются торговки и торговцы. Кое-где уже лениво прохаживаются ранние посетители. Мясной ряд. Тут еще нет никого. Ступив за перегородку, мама вытряхивает из наволочки страшную ношу и та, разок, кувыркнувшись, закатывается под лавку. Мама резко отступает назад и, рассеяно оглядывая пустые прилавки говорит как бы себе: "Жаль, с утра хотелось мясца кусочком оживиться". На нее и сыночка никто на рынке не обращал никакого внимания. Успокоив себя и облегченно вздыхая, она тогда потянула Юру на выход.

Конечно, сумку она потом вымоет, наволочку выбросит. Главное то, что их никто не заметил. Здорово она придумала! На базаре нет никого из знакомых. И ускользнули они с рынка, не вызвав ничьих подозрений. Попробуй, докажи теперь кто, что та голова десять минут назад стояла в их холодильнике! Чтобы милиционеру не примелькаться, они воспользовались выходом с другой стороны рынка. Теперь они за его пределами. Какая красота: улица, люди, свобода! Вот что значит, сообразительность и умение умной женщины выпутываться из любых, какими бы они не были безвыходными, ситуаций!

- Юрочка, не вздумай, кому проболтаться про голову. За такие дела могут посадить. Понял?--приказывает она мальчику, которому и так ясно, что с ними в этот день произошло что-то нехорошее, о чем не хотелось, бы вспоминать, а тем более трепаться с друзьями. В подавленном настроении, откушав, он направляется к заждавшемуся Петке. Тот встречает его настороженно, но успокоенный отстраненным

видом друга, скорчил вдруг плаксивую рожицу и принялся теревить его за руку.

- Юрка, слышь, мне вчера попало и еще попадет от папки, если не вернешь...

- Чего?

- Голову!

- Какую?

- Да ту, что я вчера, когда уходил от вас, в холодильник к вам поставил. Неужели не обнаружили? Это папкина голова. Ему ее починить дали. На этой болванке у них на работе шапки шьют, а я тебе ее зафинтил.

Сплошная облачность.

От сильного ветра скрипуче раскачивались тополя, протянувшие свои ветви к окнам четвертого этажа общежития. Казалось бы, такой ветер в состоянии разогнать набухшие непогодой и холодом облака. Но они, порождаемые близостью моря, плывут и плывут нескончаемой чередой над крышами города. Неба, такого лазурного и глубокого, ласкового и теплого летом, сейчас за облаками видно не было и солнце лишь бледным диском просвечивало сквозь их темно-серую толщу. Солнечного света земле не хватало, отчего казалось, что еще только раннее утро и, наверное, сейчас брызнет дождик. Санька глянул на стоящий у телевизора будильник: была уже середина дня.

Синоптики по радио вчера не упоминали о дожде, но что-то говорили о сплошной облачности. Кстати, об этой облачности они уже долдонят целую неделю. Дождика и в самом деле не было. Была просто осенняя мряка--это когда влага настолько перенасыщает воздух, что он уже не в состоянии растворять ее и она волглой пленкой мелких, из воздуха распыляемых по ветру капель, разносилась повсюду, обволакивая землю уже не воспринимаемой сыростью.

Через раскрытую створку окна в комнату хлынул промозглый воздух. Нездоровая свежесть неприятным ознобом прокатилась по всему телу, отбив у него сразу же намерение высунуть нос на улицу хотя бы даже на час. Обернувшись к своей благоверной, теплым и упругим шариком свернувшейся под ватным одеялом, Санька сказал: Похоже, радость моя, мы с тобою сегодня никуда не двинемся, а весь день будем сидеть дома.

- Ну и будем! Это даже интересно: весь день быть дома! Скажи, пожалуйста, когда мы с тобой последний раз могли позволить себе такую роскошь?

- Не помню, Наташа, похоже, давно это было.

- Вот видишь, давай закрывай окно и скорее лезь ко мне под одеяло!

- Интересно, если мы не пойдем никуда - это еще не значит, что я верблюдо.

- А я тебя что, горбатеньким назвала?

- Хуже-- ты думаешь, если я поел вчера, то меня кормить сегодня не стоит. Давай-ка, выскакивай скорее из кровати и вари что-нибудь. И дочка вон скоро проснется.

- Так мы ее сисечкой, сисечкой успокоим.

- А меня?

- И тебя, если хочешь. А не хочешь, то сам сготовь себе что-нибудь на скорую руку.

- Ну, Наташенька, я кушать хочу...

- Отвяжись! Дай поспать. Если с голоду помираешь, то возьми печенюшечку и съешь с лимонадом. А потом мы сварим тебе такого борща!

- Когда это потом? Уже полдень. Ты будешь меня кормить в конце концов? И для чего я, спрашивается, женился на тебе?

- Так и не понял? Чтобы мной любоваться!...

- Да как я могу любоваться тобой, если у меня в животе урчит?!...--с надрывом были озвучены слова, в которых умная Наташенька тотчас уловила тревожную нотку, как бы намек на скандал, способный сейчас разразиться и испортить им весь день. А ведь так хочется мирно и дружно жить с мужем от получки до получки. Нет! - подобным скандалам не место в их отношениях: звонкой стрункой вытянувшись под одеялом, она, напрягшись, застыла на мгновение, а потом решительно отбросила его. Встала, прижалась к мужу, потерлась о грудь сонным личиком, чмокнула его в небритую еще щеку и подалась в общую кухню, откуда доносилось уже бряцание посуды и голосок распевашей что-то соседки.

В принципе Санька и сам бы мог сготовить что-нибудь и перекусить в одиночку на скорую руку. Но сегодня, же он отдыхает!... И вот как раз такая погода.

Земля, словно младенец, туго запеленута в мрачные тучи. Дождь с некоторыми перерывами неделю стучит по жестянке карниза. Санька-шахтер, профессия серьезная. Год назад в поисках работы переехал

сюда из Артема. Работает посменно, податься некуда, вот и приходится сидеть дома перед телевизором. Он раздраженно включает опостылевший телящик. Из переполненного канализационными стоками и талой водой подвала в его комнату, похоже, по вентиляционным каналам, залетает уже третий комар и затягивает над его головой свою кровавую песню. Двух предыдущих Санька прихлопнул. По телевизору выступает со своей программой очередной кандидат в президенты страны. Санька слушает со вниманием и комара, и кандидата в президенты. Кандидат этот, ловко манипулируя удачно подобранными для него цифрами и фактами, находит отклик в Санькиной душе. Парень понимает, что Россия давно уже ждет внедрения реформ, способствующих улучшению жизни. По введенному хитрецами страны такому понятию, как прожиточный минимум, большинство из нас живет за чертой бедности. Такое положение народ не устраивает. По крайней мере, Саньку не устраивает: на улицах можно приобрести лаваш, чебурек, хлеб Дарницкий, медвежатину, говядину, киви и огурцы без очереди. Санька не против такого изобилия, но как пользоваться им, если третий месяц не выдают зарплату? Санька вынужден ужиматься в потребностях. Думает. И, заглядывая в свое будущее на несколько месяцев вперед, наметил этой весной обеспечить себя картошкой. Взял под зарплату пять соток земли и у родителей выпросил два мешка картошки под залог - наметившийся в животе супруги проект сына. Это у них уже будет второй ребенок. С увеличением состава семьи администрация шахты обещает выделить ему освобождающуюся жилплощадь. Освобождающуюся потому, что часть шахтеров переманили в Нерюнгри. С семенами картошки у Саньки порядок: мешки уже за два раза перевез от родителей в общежитие. Теперь в посадке картошки вся задержка за погодой. С их участка планируют ехать на посадку край через три дня. И Санька поедет, даже если с утра зарядит дождь. Ждет он не то чтобы много чего от будущего урожая, но, по крайней мере, будет у них теперь из чего выпечь драники. А он их любит, и Наташка тоже полюбила. И вообще с картошкой они не пропадут! Посадить бы только.

- Наташ, а Наташ, отгони ты его от меня - надоел!

Наташа на него ноль внимания - она очень занята, она готовит обед. Кухня общая, на две комнаты. Разговаривает с соседкой, тоже женщиной молодой и привлекательной. Они обсуждают недавно опубликованную в печати статью об искусственном осеменении женщин. По их

обоюдному мнению главная заслуга мужчин состоит в продлении рода человеческого. И если уж наука овладела тайной искусственного осеменения, то очень даже можно обходиться без них. Какая от этих мужчин польза-- одни слезы. Вот только сомневаются они в том, что спермой одного мужчины можно оплодотворить миллион женщин...

- Кого отгони?

- Комара!

- Отвяжись, не мешай!

- Вот, всегда так, никакой помощи извне. - Санька звонко хлопает себя по щеке и торжествующе протягивает брызнувшего чужой кровью комара навстречу кандидату в президенты страны.

- И с тобой так будет, если не выполнишь того, что обещаешь.

- Ну, это ты слишком, Сашок, за обещания у нас не привлекают, - раздается вдруг с порога голос постоянно навеселе возвращающегося с работы соседа Володи. Он грузчик. Магазиновый. У них возможен прямой ежедневный бартер: руки - товар. Вот и сегодня он появился навеселе и пораньше. Хотя у него, не то, что у шахтеров, ненормированный рабочий день. Совсем как у инженерно-технических работников. Директриса магазина при экстренных обстоятельствах может и задержать его допоздна, а значит и отпустить может, если надо, пораньше.

- Я к тебе пришел с приветом и принес тебе вот это,- бодро произносит Володя и извлекает из внутреннего кармана пиджака бутылку водки.

- Не жизнь, а сплошная облачность! - оживленно восклицает Санька.

- Почему облачность, да еще сплошная? - удивленно воззрился на друга Володя.

- А ты на небо погляди, видишь солнце?

- Плоховато...

- Потому и сплошная...

- Вот мы сейчас это сплошное и разбавим водочкой.

- Опять... - вслед за мужем к Саньке в комнату входит его жена Людмила и недовольно хмурит белесые бровки.

- Не ругайся, лапушка. В одиночку пьют только алкоголики. А на кого у тебя похож? Возьми- ка лучше баночку сайры и неси сюда. Наташенька, а у тебя огурчик тот еще целый?

- Рассол остался...

- Мечи на стол!

Санька в происходящее не вмешивается. Когда у него есть наличность, то и он к столу приглашает. Выпить, конечно, сегодня особой причины нет. Но посидеть за столом все лучше, чем в очередного кандидата до вечера пялиться. Застолье организовали махом: в чашки супу налить, в стаканы водку, да хлеб нарезать--это же минутное дело! За непогоду выпили, чтоб дождь прекращался, за будущий урожай опять же. И за кандидатов хватило выпить, ведь бутылка то была литровая. Побранили правительство, местное начальство. Потанцевали немножечко, - вот и день на исходе, пора баиньки.

Перекуривая на кухне перед сном. Володя произнес: не журись за свою картоху. У бога дней много. Успеешь посадить. Большинство из горожан ее еще не посадило.

- С таким дождем к зиме посажу, если, то она не созреет.

- А ты знаешь, сколько этому овощу сроку отведено для созревания? - пнул стоящие в мешках на кухне Санькины семена Володя и тут же ответил:

шестьдесят восемь дней. Так что в любом случае нашего лета для нее предостаточно.

- В земле бы она росла уже, а здесь будет стоять - испортится.

- Ничего с нею не случится. Прорастет только сильно, так на поле

быстрее взойдет тогда. Володя рассуждал грамотно: родом то он из деревни, сюда заехал в поисках невесты и призадержался малость-понравилось!

По всей видимости, закуска не соответствовала в тот вечер. Очень скоро в голове Саньки приключился ералаш. Ночью он спал очень крепко. И сосед, похоже, тоже. А наутро, когда оба собрались на работу, то обнаружили, что дверь в их секцию оказалась распахнутой настежь, и Санькины десять ведер исчезли, а с нею исчезла и вся надежда на будущее. Хотя зачем так? Надежда - она никогда не исчезает. Только теперь он не на картошку будет вынужден надеяться, а на что-то более существенное. Вот знать бы только - на что именно?

Великолепная задумка.

В углу, у стенки, были сложены свернутые в рулоны образцы линолеума с теплоизоляционным покрытием. От общего торгового зала это место отгораживал двухметровой высоты экран, с которого свешивались языки разноцветных обоев. Прежде, чем спрятаться в приоткрытом еще днем местечке, Пашка - так звали вытянувшегося уже во взрослого мужчину узкоплечего застенчивого мальчишку - постарался убедиться в том, что на него никто не смотрит. Шагнув за экран, он опустился на четвереньки и в два приема оказался в углу. Там он прижался к стенке, поднырнул под линолеум, осторожно натянул край линолеума на себя и затих.

До закрытия магазина оставалось тридцать минут. Лежать было холодно, ведь пол- то бетонный. Не предусмотрел! Но не это волновало Пашку, к этому еще можно притерпеться: страх, который давеча подавил он громадным усилием воли, пряча себя в укромном местечке, вновь начал разжигать замелькавшие в голове мыслишки. Опять он засомневался в том, что его великолепная задумка удастся. "А может, пока не поздно, отказаться от затейного и вылезти из укрытия?..."-- мучительно думал он . А пока думал...

- Света, рабочий день закончился, - донеслось до него из зала. Это говорила коротко стриженная, высокая и красивая блондинка, что сидела в отделе спорттоваров. Обычно с того отдела начинал свой ежедневный обход магазина "Олимпиец" Пашка.

Еще сейчас он мог объявиться, еще сейчас он мог выйти из магазина, отказавшись от воплощения своей фантазии! Он страстно хотел этого! И не пошевелился. Тело и разум не повиновались ему, скованные необъяснимым страхом.

Магазин закрыли. Продавщицы обслужили последних покупателей, подсчитали дневную выручку и до следующего утра покинули торговый зал. Пашка слышал непринужденный разговор столпившихся у служебного выхода молодых женщин, их смех, стук двери, звук закрываемого замка и бессознательно воспринимая эти звуки милой жизни, понимал, что предотвратить замышленное он уже не сможет. Все. Теперь он остался в магазине один. Отступать некуда, а значит надо прогнать сомнения прочь. Они ни к чему. Надо действовать, как

решил. Еще рано выходить из укрытия, он выберется наружу, когда стемнеет на улице. Так что в первую очередь надо устроить свое гнездышко поуютнее. Пашка развернул рулон и улегся, подмостив под себя изоляцию. Теперь можно и подождать первых ночных звездочек. А проскользнуть в дальний отдел радиотоваров, где выставлен поразивший его воображение двухкассетный магнитофон "Шарп", для него не составит труда: из-за стоящих впритык витрин, проход к радиотоварам с улицы плохо просматривался. Магнитофон "Шарп"-классная штучка! У Пашки вообще нет никакого. А хотелось, ой как хотелось иметь даже старенький, чиненный-перечиненный, но зато свой личный магнитофон! А мама не купит, ей не до этого.

Отторгнувший от себя Пашку город продолжает за стеклами окон магазина напряженно шуметь и плавиться в лучах заходящего солнца. Скоро на улицах зажгутся фонари. Чтобы мать не беспокоилась, Пашка сказал, что заночует у приятеля. Он все заблаговременно предусмотрел и продумал. А если разобраться, то сделать то, на что он решился, способен любой парень. И делают ведь! Он слышал об этом: прячутся в магазине перед закрытием, потом аккуратно отбирают себе нужное из товаров и утром, дождавшись в тайничке первых покупателей, спокойно уходят.

Но Пашка так не поступит-- всю ночь ждать долго и утром еще могут застукать. Он кое в чем разбирается. Мать его работает в соседнем магазине уборщицей, и он видел: когда все уходят, то включают сигнализацию. Найти, где ее включают в этом магазине, Пашка Наверное сможет. Значит, отключить сигнализацию для него дело выполнимое. Для того же, чтобы открыть дверь, он принес с собою монтировочку. Отожмет ею дверь и выскочит. Дверь не то, чтобы хлипкая, но деревянная и замок у нее внутренний, совсем как в Пашкиной квартире. Ему уже случалось терять ключи от квартиры, и он знает, что монтировке дверной замок легко поддается. Одолеет он и эту дверь, справится с нею.

Со стороны площади доносился перезвон разворачивающихся по кругу троллейбусов. Вот уже и вспыхнули фонари уличного освещения. Осмелевшему Пашке был виден бульвар, по которому прогуливались люди с детьми и собаками. Были и те, кто нес в руках кошечек с бантиками на шее. Пашке вообще то была смешна и совсем непонятна любовь проживающих в квартирах горожан к животным и их желание ощущать этих животных вблизи себя постоянно. Лишние

хлопоты себе создают и только. Что, скажите, пожалуйста, в квартире делать жирафу, пятиметровому удаву? А то ведь еще случается, в своих квартирах люди и львами забавляются! Это ж сколько на их прокорм мяса переводить, сена заготавливать надо, а опасность быть сожраным в своей постельке--такое любители животных учитывают?!..

Впрочем, как не обидно теперь казалось Пашке, за стеклом витрин магазина текла та жизнь, частицей которой только что был он. Теперь же Пашка просто не имеет на нее права до тех пор, пока не выберется благополучно наружу к этим вот людям, с их собачками и крокодилами на поводках. А может и не выбраться, но об этом лучше не думать. И без того мутно.

Пашка перевел взгляд с угрожающе нависшего над ним потолка на подпирающие его в середине зала колонны, великанскими прыжками выскакивающие друг за другом из глубины магазина. Их наступление неотвратимо, как возмездие. На железном поясе одной из дальних колонн связкой распущенных скальпов прилипли к кронштейну куртки, брюки, плащи. Зеркала внутренней стены и стекла огромных окон другой, обращенной к бульвару, высвечивали внутри магазина разложенный по отделам товар. Железные морды двухпудовых гирь, круглый оскал велосипедных колес, задранные кверху хромированные рога мотоциклов, похотливо вздутые овалы резиновых лодок, ряды застывшей на плечиках одежды и выделенное ото всего пространство, плотно заставленное радиоаппаратурой...

Последнее - именно то, что было надо Пашке. Предварительно выбрав в спорттоварах вместительную сумку с ремнем через плечо, он, зайдя за прилавок, взял наконец-то в свои руки стоящий на полке магнитофон. Черный, металлическим блеском по фасаду надпись - "Шарп". Вот оно, чудо японской техники! И он, Пашка - обладатель этого чуда!

Он торопился. Уложив в сумку магнитофон и обнаруженные под прилавком тридцать чистых кассет, Пашка вдруг увидел в ячейках незапертого кассового аппарата стопки денег. Их было много. Дневная выручка отдела. И им нашлось место в сумке! Туда же поместились наушники, микрофон, а так же набор струн для электрогитары. Последние Пашка взял другу, имеющему этот инструмент и порванные к нему струны. Прихватив с собой еще и приглянувшуюся ему

удочку-телескоп, Пашка понял, что пора уносить ноги. Пересекая вновь всю длину магазина, так же осторожно укрываясь за ограждающими отделы витринами, он не заметил физиономии расплоснувшей нос о стекло окна женщины. Та прогуливалась в одиночестве по обезлюдевшему бульвару и, совершенно случайно уловив движение внутри пустого магазина, сгорая от любопытства, прильнула к окну, в попытке разглядеть движущийся объект. Царящий внутри полумрак не помешал ей определить, что в магазине хозяйничает посторонний мужчина. С годами накопившаяся на всех исключительно мужчин злость за то, что ни один из них не желает по достоинству оценить ее ласки, нежность и доброту, она, натура деятельная и нетерпеливая, заметалась по бульвару в поисках выхода из создавшейся ситуации.

Неживой свет фонарей выхватывал из темноты раздвинувшееся в глубину ночи опустевшее пространство бульвара. Фары проезжающих машин резким, пронзительно наплывающим светом вырывали кусками затушеванные темнотой внутренности магазина. В такие моменты Пашке хотелось застыть на месте, пригнуться за прилавок, распластаться на полу. И в мыслях не держа, что его кто-то мог заметить снаружи, он снова почувствовал страх. Замирая едва не на каждом шагу, Пашка прокрался в служебные помещения, туда, где находились бытовки работниц, склады и кабинет директора магазина. В длинном коридоре двери помещений были закрыты. Без опаски быть обнаруженным, он, найдя выключатель, зажег свет и тщательно обследовал служебный выход. В проеме мощной двери в правом верхнем углу Пашка увидел черную кнопку отключения сигнализации. Порядочек! Теперь надо приниматься за дело и закончить его за пару минут. Только бы удалось! Дрожа от возбуждения, Пашка поставил сумку на пол, вытянул из-за пояса монтировку, вставил ее в щель между косяком и полотном двери. Затем дотянулся свободной рукой до кнопки отключения сигнализации и нажав на нее, начал выворачивать язычок замка монтировкой. Дверь не поддавалась. Слабоват оказался? В эту минуту он осознал, что напрасно с пренебрежением относился к ежедневным занятиям друга с гантелями и штангой. Тот до изнеможения, до седьмого пота загружал себя килограммами железного веса и все время предлагал Пашке пощупать свои твердые как камень бугры мускулов на своем теле.

Пашка в ответ беззаботно отмахивался, считая, что занятия спортом не так уж и обязательны. Да и обременительны они. Есть много интереснее в мире того, на что следует тратить свое время. Вот и не прав

получается. Как бы она сейчас ему эта мускулатура пригодилась бы. Да что сейчас думать об этом! Поздно, батюшка, поздненько... Пашка знал, что как только он отключит сигнализацию, об этом сразу же узнают охранники и примчатся на машине сюда. Во что бы то ни стало он должен успеть открыть дверь до их приезда и уйти от магазина как можно дальше. Путь отступления разработан им до мелочей. Выбравшись из магазина, он по заросшей кустарником территории детского сада проберется к девятиэтажному общежитию, в подвале которого(он был там как-то с другом)можно отлежаться на досках до утра и потом уже, не таясь, выбраться из подвала и вернуться домой. В подвал он проникнет, если тот закрыт, через разбитое окошко.

Пашка, в нечеловеческом усилии обеими ногами упираясь о дверь, дергал на себя монтировку. Но ничего с дверью не получалось: либо он сам оказался слабоват для такой двери, либо длины монтировки чуть-чуть не хватило - щель между дверью и косяком, несмотря ни на что увеличивалась очень уж медленно. В глаза Пашке стал затекать пот. Он судорожно перехватил руками свою миниатюрную монтировочку и едва ли не застонал: еще усилие, еще чуть-чуть только поджать- и дверь поддастся ему! Но тут, же снаружи, за дверью, он услышал рокот подъезжающей машины, стук ее открываемых дверей и направляющиеся в его сторону шаги. Юный воришка в испуге застыл на месте: "Неужели за мной и так быстро?"

- Пломбы на месте, дверь целая, - задумчиво произнес грубый голос - вам наверное показалось.

В это время, истошно гудя сиреной, к двери подкатила еще одна машина. Мужские голоса тревожно обсуждали проблему. Из разговора за дверью Пашка узнал, что подъехали вторыми охранники. Одного они по отработанной схеме высадили у главного входа. Значит, пути отступления для Пашки даже через разбитое окно уже быть не может. Но и сдаваться просто так страшно. Зловеще звякнула связка ключей. "Они хотят войти вовнутрь."-догадался Пашка и, подхватив сумку, на цыпочках побежал в свое укрытие под линолеумом. Он успел спрятаться, когда по мозаичным плиткам пола зацокали уверенные шаги.

- Вроде бы здесь никого нет, - снова раздался мужской голос.

- Да нет же, он здесь, ищите,- убедительно произнесла невидимая

Пашке из укрытия женщина, до удивительного знакомым ему с детства голосом.

- Я своими глазами видела, как он стоял у витрины и что-то оттуда вытаскивал.

- Может быть, может быть...-слышалось в ответ будничное бормотание мужчины, все более приближающегося к укрытию Пашки. Неожиданно мужчина этот или другой, попробуй, определи : вон их сколько сюда понаехало! шагнул за двухметровой высоты экран, подошел к стенке и, приподняв край линолеума, радостно воскликнул: "А, вот ты где, миленький, спрятался, а ну-ка вылезь!"

Можно было и не приказывать. Ишь, обрадовался: нашел! Да тут-то и прятаться негде, если по- хорошему. Одни стены, да полки с то-варами...

Пашка, еще как только услышал звон ключей за дверью, то сразу и понял, что сорвалось им задуманное и ничто теперь ему не поможет. И он, только для приличия и от страха немножко, лежал, притаившись, в своем укрытии. А так что же?- Вот он, берите. Теперь уже все. Никогда ему не везло, а сейчас с чего бы, спрашивается, повезло, да и так крупно? Подобное если и случается, то очень редко. Как в лотерейке. Жизнь, она справедливая. И все в ней происходит совсем по другому, не так, как бы тебе хотелось. Он приподнялся с пола и, зажмурившись на мгновение, шагнул вперед на свет люминистцентных лампочек.

-Пашенька! - удивленно воскликнула ,сопровождавшая сотрудников милиции и охраны, женщина, и начала медленно оседать на пол...

ПОЧТОВЫЙ

С последними трелями электрического звонка, Венька ворвался в класс, плюхнулся на вторую парту, что стояла в среднем ряду, поприветствовал ерзающего от нетерпения и беспокойства за друга Юрку Лапшина и, деловито пошмыгав носом, огляделся по сторонам.

Он успел, все в порядке - "Хай дую ду", как говорят англичане. Вошла Зинаида Павловна, класс затих. Начался урок русского языка. Заспргались глаголы в лицах, временах и числах. Венька слушал минут десять внимательно, вроде бы понимал. Но потом запутался в "говоришь, говорите, говорю и разговариваю". От объяснений учительницы ему стало темно, как в бочке, и он за лучшее почел вынуть книжку "Маугли" из портфеля и показать Юрке, который тоже давно уже зевал во весь рот, плохо соображая в этих спряжениях, и раз несколько обращался уже к Веньке по поводу игры в "морской бой".

Когда Венька раскрыл портфель, из него, оглушительно хлопая крыльями, ринулся вверх сизокрылый голубь и направился в сторону качающегося близко за окном большого, раскидистого и очень удобного для мальчишек тополя. Чем? - Да они на нем давно уже соорудили настил и во время переменок для них этот настил и площадка вокруг тополя были излюбленным местечком, движение на котором затихало лишь при дребезжании противного звонка.

Ударившись грудью о стекло рамы, голубь принялся описывать круги по классу, сбивая мимоходом развешанные вдоль стен на гвоздиках плакаты и рисунки детишек. Задрал головы в немом восхищении, ученики следили за его полетом. Учительница, застыв у доски с мелом в руках, растерянно улыбалась. Так продолжалось мгновение, в которое уместилась эпоха. Потом тишина разорвалась атомной бомбой: девчонки завизжали первыми, мальчишки заулюлюкали вслед, повскакали с мест и принялись гоняться за голубем, еще более тем самым усиливая кавардак, образовавшийся неожиданно от шарахающейся по комнате в безнадежных поисках выхода птицы. Началось веселое столпотворение, спрягаемые глаголы с видимым для учительницы удовольствием употреблялись теперь детьми на практике. Топот десятков ног, хлопанье крышек парт, громкие голоса обладателей юных глоток--все это, возникшее среди относительной тишины и порядка воспринимающей знания школы, словно пожар охватило и

взбудоражило ее обитателей. Школы недоуменно загудела. Способностей Зинаиды Павловны утихомирить своих учеников и возобновить, прерванные неожиданным явлением птицы, занятия оказалось недостаточно, и очень скоро на "рысях" в расшумевшийся на всю школу класс влетел разгневанный директор.

- Что здесь происходит? - загремел он.

- Почему вы позволяете им такое? - тоном фельдфебеля обрушился он на бедную учительницу? - Вы классный руководитель, или?...

В предчувствии незаслуженных оскорблений, охрипшая от волнения Зинаида Павловна, ярко покраснела, и резко отвернулась к окну, демонстративно ткнув рукой на потолок, по известковому фону которого сизой молнией метался до смерти напуганный голубь.

Умный директор сразу же оценил обстановку, жестом успокоил детвору, и, ласковым, хорошо поставленным голосом, задал вопрос: "Чья это птичка?"

Веселые чертики, мелькавшие до того в глазах учеников, потухли. Дети задумались: "Интересно, действительно - чья это птичка? - Если она чья-то,- обладателю грозит.." - дальше уже думать не хотелось.

Девчонки равнодушно принялись оправлять свои платья и фартучки, мальчишки осторожно, с подозрением переглядываться друг с другом. Веньку бросило в жар, словно его стащили с облитой чернилами парты и принялись зажаривать на медленном огне в духовке. Может быть, никто и не видел, что из его портфеля вылетел голубь, но ведь именно Веньку тронул жалобный вид подмороженной птицы. Она намертво пристыла к асфальту у дверей магазина, и Веньке не составило особого труда подхватить доверившегося ему голубя, сунуть за пазуху, и обогреть его дорогою своим жарким сердечком. Уже потом, в раздевалке, он переложил голубя в ранец, и с этими спражениями забыл о нем.

Даже Юрке не успел показать его. Поэтому кому ж как не Веньке знать - чья эта птичка?

- Почему молчите? Может она в форточку залетела? - указывая на плотно замурованные рамы окон, с красивыми узорами мороза на

стеклах, ещё ласковее вопрошал директор - А может, вслед за учительницей запорхнула в класс из коридора? - Робкий подхалимский смешок донесся с задних рядов. Веньке от этого стало обидно. Он гордо вскинул набыченную головку, вытянул себя во весь свой маленький росточек, смело посмотрел на директора и чуть слышно произнес - Он почтовый, еще фараоны египетские пользовались голубями для передачи писем на большие расстояния. Это очень полезная и нужная птица, а на дворе холодно...- Венька многое надо было сказать в защиту бездомного голубя, ему очень хотелось отвоевать для этого бедняжки теплое местечко где-нибудь в классе. Ведь есть же в других школах кружки юннатов. А почему бы и им не завести такой кружок и первым экземпляром детской любви и опеки сделать замерзающего, бездомного, в общем - дикого, голубя? Ему очень хотелось убедить и этих, сидящих за партами, и этого, начальственно возвышающегося перед ним человека, что принесенная в класс птица нуждается в их помощи, в их доброте и любви. Она доверилась Веньке, а значит - всем людям и это очень плохо будет, если она ошибется в них.

Приблизительно такую речь хотелось произнести Веньке. Но ведь многое из того, что стремимся мы высказать, за своим неумением выражать четко мысли, за скудостью средств и времени поразмыслить, мы не доносим ее до собеседников. От этого еще более расстраиваемся, путаемся в словах, сбиваемся и замолкаем тогда, в обиде на самих себя же и тех, кто не желает понять или действительно не понимает. То, что прав был Венька, проявив жалость к замерзающей птице, он был уверен на все сто. Но он не сумел донести свою правоту до людей, его прервали.

- Почтовый говоришь? Так значит это твой голубь? - обратился директор к отыскавшемуся хозяину обезумевшей птицы. - Тогда и поймай его нам!

Сев за столик посторонившейся учительницы, он стал писать, что-то на бумажке. Голубь успокоился, потому что за ним никто уже не гнался. И он, свободно спланировал на ближайший подоконник, повернулся боком к классу, расправил крылья и застыл в ожидании продолжения боевых действий детворы.

Похоже, он нутром почувствовал, что ему очень скоро придется расстаться с божественным теплом этой шумной до крайности комнаты.

Неуверенным шагом лунатика Венька приблизился к окну. Класс, затаив дыхание, следил за его продвижением, готовый в любую секунду сорваться с парт и броситься мальчишке на помощь. А Веньке теперь было все равно. Вяло, и в то же время уверенно, он протянул руки и сграбастал признавшего в нем своего хозяина голубя.

- Дай-ка сюда твоего дружка,- потребовал директор.

С видом знатока он оглядел голубя, подул на перья, заглянул в клюв, потом положил на стол и, прижав его локтем, обмотал вокруг ножки ему исписанную бумажку и закрепил ее вынутым из кармана кусочком медной проволоочки. Подойдя к окну, он решительно выдернул из рамы примерзшую форточку, широко распахнул ее и с безжалостной уверенностью запустил наружу, обреченного своим рождением на полеты в холодном космосе, едва отогревшегося голубя. И пояснил явно не одобрявшей его поступок детворе: Если голубь почтовый, то он принесет мое письмецо его маме, и она завтра придет в школу".

- А если не принесет? - с вызовом спросил Венька.

- Значит, твое счастье.

- Нужно мне такое счастье, лучше бы птичку оставили.

В глазах мальчонки блеснули слезы.

- Продолжайте занятия и не отвлекайтесь - улыбнувшись, сказал директор и, удивленно пожав плечами, вышел из класса. В принципе директор сразу же понял Веньку. И ему тоже стало жалко птичку. Но ведь эта птичка приспособлена природой жить на морозе и нечего распеваживать ее. Урок срывать тем более. С такими извиняющимися мыслями он и загрохотал по гулкому коридору в свой тихий кабинет. А Венька остался в классе, и ученики остались. И учительница в оставшиеся до звонка минуты бесстрастным голосом продолжила вдалбливание в детские умы, до автоматизма известное ей, что-то скучное о глаголах- словах, обозначающих действие, движение, жизнь... А сама жизнь в лице голодного, чуть-чуть обогревшегося голубя, несколько минут назад покинула класс, взвилась в морозное небо и прямым курсом подалась в сторону хлебного магазина.

Наши проблемы.

Вот и забрались в автобус. Утренний рейс, свободных мест много и рюкзаки с колбой никому не мешают. Расстегиваем комбинезончик увлеченно гугулькающей кому-то в окошко дочке и, улыбаясь, переглядываемся: что ни говори, а этот день, судя по его началу, складывается для нас удачно.

Сегодня у нас "коммерческий" рейс. Мы не просто так едем в Кемерово. Сегодня мы будем продавать там колбу. У нас в Березовском тайга под боком. Первые, брызжущие соком, витамины колбы пользуются спросом с апреля до середины июня: огородная то зелень еще только набирает свою силу на грядках, а эта, лесная, в местах укромных и где попадая, прет из под земли без разбору. Коровы ее не едят, топчут. Нами же, людьми, из бар свое происхождение ведущим, либо же просто тюфякам, вроде меня, колба эта с охотою поедается. За неимением красной икры из-за отдаленности Кузбасса от рыбных берегов Камчатки мы свою колбу возвели даже в ранг деликатеса перед гостями с Европы и, потчuya их деликатесом этим, с удовольствием наблюдаем, что и им она тоже нравится. Поэтому как понимаете, в Кузбассе без колбы весной не обойдешься. Меня же в этом году сам бог велел заниматься ею: безработным я стал. В центре занятости выплачивают пособие, но это же крохи, на них не проживешь в России. В Америке безработные негры могут позволить на пособие приобрести себе приличный автомобиль. Так тож там! ...А у нас -да чего говорить, будто сами не знаете!

Колбу мы собирали два дня. Тайга рядом, но из-за дочки за колбой ходить мог только я. Увязали 75 пучков. Это уже много. В Кемерово берут колбу по пять рублей за пучок. Продадим все – закупим продуктов на неделю, а то и две. Вот и будет подмога в хозяйстве. И потом ведь за эти две недели не один раз можно будет повторить этот рейс. Короче, весна со своей колбой, пришлось весьма кстати в моем положении--рассуждаю я. На следующей остановке появляется контролер. Подаем ей билеты.

- А за багаж? - она указывает на наши рюкзаки. Объясняем - ручная кладь. Но по ее понятиям к ручной клади рюкзаки не относятся: обязаны доплатить. Но платить нам нечем. Едва наскребли на два билета. Предлагаю другую "валюту"- пучок колбы за рюкзак. Отказывается, и

слушать не хочет мои басни о том, что я временно безработный. И денег, соответственно, у меня нет.

- Нет денег - сидите дома.

- И помирайте с голоду?

- Это уже ваши проблемы.

- Ну, сами-то ладно, пожили - и помирать можно, а дочка?

- Прежде, чем рожать, подумать надо было, на что содержать ее будете.

- Очень верно заметили, то же самое нам говорили и доктора из городской больницы. Винюсь, не послушался. Но дочка, то прелесть получилась, разве не так? А если бы я последовал вашим советам ее, такой красотульки, и не было бы. Хорошо разве это?

Контролерша отмахивается от меня, уходит, но для порядка обещает на вокзале позвать милицию. Едем и дрожим: а вдруг действительно пристегнет к нам милицию, ведь можем и на таких нарваться, что не посмотрят на малое дитя, конфискуют "товар" в счет уплаты штрафа и вернемся домой мы голодные, и неизвестно еще кто нас подбросит до города. Попадали и в такие мы переделки, знаем.

В общем, едем и дрожим. Настроение заметно ухудшилось. Яночка заметила это и расхныкалась. На вокзале однако никто нас не тронул. Сердобольная тетечка из пассажирок помогла даже нам вынести из автобуса дочку. Загруженные рюкзаками с колбой, мы подались в сторону железнодорожного вокзала. Передо мной на коляске что-то с увлечением лопотала нам дочка. И улыбалась. Мы с ней были полностью согласны: да, мир прекрасен хотя бы потому, что и мы есть в нем.

У магазина привокзальной площади колбой уже торгует несколько человек. У них колба, как на подбор, толстая, красная, родом с Алтая. У нас товар непредставительный: барзасская зеленая колба хотя и сочнее, но ростом не вышла, много мельче алтайской. Однако вскоре замечаю, что покупатели, игнорируя "алтайцев с их крупной колбой, заруливают к моей дочке, самоуверенно утвердившейся на руках

нашей красавицы мамы. Интересно, с чего бы это? Неужто дочка поспособствовала? Очень скоро все объяснилось и довольно таки прозаично: подошел один из "алтайских" мужичков, обиженных вниманием покупателей и потребовал убираться нам со своею колбою от них куда подальше.

Мы, оказывается, срываем им всю коммерцию, потому что, видите ли наши пучки слишком большие, толстые то есть и, чтобы торговать здесь, нам надо либо увеличить вдвое цену пучков, либо же перевязывать их наново.

- И сидеть здесь с этой колбою двое суток? Нас такая перспектива не устраивает. Да и стыдно предлагать людям десять колбинок за пять рублей. Пять рублей - стоимость булки хлеба - очень весомая цена. А поэтому и считаем, что пучки должны соответствовать потребительской стоимости.

В возникшую перебранку втягиваются колбишники и покупатели. Правда, на моей стороне. Между прочим, узнаю, что продавцы сами в тайге алтайской колбу не заготавливают. Покупают ее оптом у алтайцев, как и у приезжих барзасской электричкой, по низкой цене, перевязывают пучки наново, а так как все знают друг друга, то и объем пучка у них получается единым и цену на пучки они здесь одну устанавливают. А вот мы, самозванцы, со своими пучками им не подходим. Но и нам находиться рядом с такими торгашами зазорно.

Мы собираемся отчаливать. Купивший у нас три пучка колбы крупный мужчина замахивается пучками на ругающегося "алтайца" и обещает набить тому рожу. Мы успокаиваем его: город большой, в другом месте нас по-другому встретят. Решили ехать на рынок у кинотеатра "Юбилейный". Янка не против: она уже съела свою мороженку и, занятая зеленым бантиком, подаренным красивой девушкой, с интересом глядится в толлейбусное окно.

На рынке толкается народу много. Но торговать на его территории колбой нельзя. Охрана гонит нас за 50-метровый рубеж. На некотором отдалении от ворот рынка мы быстро обживаемся. На принесенный мною картонный ящик жена выкладывает колбу, и вот уже пристанавливаются подходящие к базару люди. Интересуются ценой. Как-то уважительно взвешивают пучок на ладони и раскошелливаются.

Исходя из этого я начал прикидывать и подсчитывать. Хотелось определить, через какое время наши рюкзаки опустеют. Завершиться моим приблизительным хотя бы подсчетом не дала промелькнувшая в голове мысль: а почему бы не сократить время, самому занявшись распродажей на соседней улице? Озвучиваю свою ценную мысль Наташе, укладываю в пакет десятков пучков и перебираюсь на улицу Гагарина. Остановка автобуса. Напротив парк культуры и отдыха с возвышающимся над ним колесом обозрения, на котором и я бывало-чи в детстве катался. Место отличное. Здесь не рынок, люди не суетятся. Да и не так уж и много их здесь прогуливается. Но, думаю, на мою, то колбу их должно хватить: в соседних зданиях магазины, где торгуют промышленными товарами и продуктами, опять же остановка. А еще чем хорошо здесь - на остановке то две лавочки есть! И посидеть можно, обстановку: это по всем показателям подходящее для торговли местечко давно уже облюбовано проживающими невдалеке старушками: совсем рядом здесь частный сектор. У старушек этих на грядках в огородах, да в мичуринских садах уже много чего проклюнулось. Приходят они сюда со своими стульчиками.

Продают зеленый лучок, укропчик и жареные семечки. А кто-то уже и редиску надергал: вон она красуется на ящичке, мелковатая, правда, но очень уж привлекательная. Хозяйка любой из квартир соседних многоэтажных домов может всегда прикупить здесь что-то к столу. Базарчик при остановке для нее удобен. Удобен он и для пассажиров, ежеминутно прибывающих на остановку. Они мимоходом прикупают для себя у бабулек приглянувшуюся им зелень. Подхожу поближе. Здравуюсь.

У бабулек этих сегодня колбы нет, поэтому я для них не конкурент. Потеснившись, они принимают меня в свое сословие. Теперь я тоже купец. Сiju, наблюдаю за снующими в разные стороны прохожими и по манерам и облицию их высчитываю, вернее, стараюсь отгадать своего покупателя.

Хотя бы первого, чтобы "размочил" мою десяточку. Но что-то он долго не появляется. Бабушки это подмечают. Та, что поближе, с бледными пучками раннего лука, укропа и крупной прошлогодней свеклой, сочувственно вздыхает: припозднился ты, милок. На колбу сезон кончился. Неделю назад ее из рук выхватывали. Впрочем. посиди еще--разрешает.-- У тебя пучки хорошие. Найдутся на них покупатели.

А что мне остается делать? Буду сидеть. Стыдно возвращаться с полным пакетом. Да и трудов жаль: напрямик по тайге продирался, всякой колбинке кланялся, да еще потом из этой всякой ту, что попримятнее, выбирал. А попробуй собрать столько колбы, если мошка глаза ест, комарье кровожадное руки и шею жалит, а за шиворот клещи забраться норовят. Работа не работа, но и не особое удовольствие. Намучаешься изрядно, пока рюкзак колбой набьешь. И плутать по тайге приходилось, в кровь ноги сбивал не раз, в дождь бывало, намокнешь до ниточки, в зной умываешься потом - серьезное это дело--тайга!

Кто сам за колбой блукал, тот знает ей цену, и выкладывает за это аппетитное растеньице запрашиваемое, не торгуясь. Кто же не знает, кочевряжится: мол, сезон отошел, задеревенела она. А какое задеревенела--начала июня еще только! При тех дождях, что сейчас льют по утрам, колба простоит зеленой в соку до конца лета. Не отошел сезон колбе еще. Напраслину бабка возводит. Разглядываю свой товар, с хрустом надламываю колбину потолще, убеждая напористую молодую женщину, желающую сэкономить на моем пучке. Ей хочется купить подешевле.

По ее мнению напрасно я упираюсь, ведь задешево колба мне досталась. Вон ее сколько по тайге растет! Всех и затрат на нее--лишь проезд на автобусе. Да и поздновато я со своею снедью здесь появился. Негодная колба поди и, не доверяя моему действию, она самолично выбирает колбину потолще и медленно надламывает ее. Как на грех, стебель лишь гнется колесом, но не ломается и она, торжествуя хмыкнув, ложит колбинку и отходит. Я подхватываю "предательницу" и резким движением с легкостью ломаю и в сердцах бросаю в урну. Плохой из меня продавец! Видел же как это делают грузины. Ту же алтайскую колбу четырехдневной давности, распушив ей листья, подносят к глазам красавиц--так величают они всех подряд покупательниц и говорят: смотри, какая зеленая, смотри, какая сочная, а пахнет как! Купи, купи, не уходи пустой, купи хотя б один! Сама поешь, угостишь кого - благодарить будут. Вай, вай, как вкусно!- И ведь берут у них, с улыбочками берут, хотя пучки те были в два раза тоньше моих.

Что ни говори, но продавцом, похоже, родиться надо. Джигит без коня не джигит, продавец же и с пучком колбы в руках продавцом

смотрится. А вот я не смотрюсь. С чего бы это, я ведь такой, как и все? Страна поставлена на рельсы предпринимательства и вроде как каждый россиянин должен теперь торговать, либо дело **другое свое** открывать. Но это если у тебя за пазухой что-то припрятано, приватизировано, от пирога общего отхвачено. А если нет ничего, какое дело тогда можно открыть? С нашими-то капиталами колбой промышлять и то в тягость.

Предугадываю ответное: не можете?--Ваши проблемы. Сколько равнодушия и безжалостности вмещено в эту короткую до неприличия фразу! И ею пользуются даже кондукторши! Но я готов спорить до посинения: разве только мои это проблемы, которые сейчас в России решает едва не каждый, с невероятным трудом преодолевая препятствия, возведенные к бывшему его, показному хотя бы, но **благополучию**? Взять хотя бы коробейников, в роли которых я сейчас **выступаю**: у нас давно уничтожили их на корню. Нас учили: быть **инициативным** в области приобретения и накопления собственности - это противоестественно общечеловеческим понятиям. За тебя, меня, ее думали и принимали решения вышестоящие маразматики. Они вели тебя за руку в светлое будущее. И вот--привели. Но, похоже, не туда мы попали, где хотели бы оказаться. По крайней мере, так именно **думаю я**.

К одной из бабулек подошла дочь, принесла два ведра картошки - семейный подряд. по всей видимости. Тотчас возле картошки **выстроились** трое покупателей. Интересно: как они **поделят** между собою два ведра? Оказалось очень даже просто: **первой** покупательнице картошка показалась дряблой и мелкой. За **десятку бы** купила ведро, но никак не за пятьдесят рублей. Вторая покупательница попросила подождать: надо сбегать домой за мешочком. Третий--мужчина при галстукe, приказал бабушке ссыпать оба ведра в свою сумку, расплатился. Взял еще у нее укропчик, у меня - два пучка колбы и, подмигнув нам, понес товар к припаркованной рядом "Тойоте".

- Бабушка, - с подковыркой обращаюсь я к ошачливленной продавщице.

-А как же та женщина, которой вы пообещали попридержать для нее ведерочко?

- Сиди уж, защитник, улыбается та.- Это еще вилами по воде писано,

придет ли она... А тут дело верное. Сразу и обналичился товар. Да и знаю я таких: нуждайся она в картошке - нашла бы куда ссыпать.

И я улыбаюсь сам себе: в ее ответе тот же смысл--это ваши проблемы и решайте их сами.

После того мужчины я воспрянул духом. На женщин, как покупательниц, я уже не надеюсь.

Спрашивают: "Сколько?"

Говорю- "-пять." И смотрю в сторону. В пустопорожние разговоры не вступаю. Гордость показываю. Кому надо и так возьмет. Без трепы. Похоже, мое предубеждение к женщинам отражается на лице. Колбу берут исключительно мужчины. Уже продал пять пучков. От остановки вразвалочку к нашему ряду идет сорокалетний мужичок с наколками на руках. Бравый. Поскольку выпимши. Видимо знает бабушек, потому что со всеми здоровается и беззлобно ругается. Обращается ко мне и разъясняет ситуацию: не хватило на закуску и, если я человек, к чужому горю восприимчивый, то наверное не пожалеем для него пары колбинок. Смеюсь и даю пять.

Подходит парочка, лица у обеих не первой свежести, о очень уж согласованы их действия и настроение. Он зависает над колбой и тычет пальцем в плоскую грудь спутницы: зажарим? Она: с яйцами? Я это умею. Пальчики оближешь. Вмешиваюсь: если еще и картошечки туда добавить...

-Разве можно?

- Еще как! Только масла растительного не пожалейте.

- Не пожалеем, этого добра у нас дома две бутылки стоит нераспечатанных. Давай!--решают бесповоротно и, сунув двадцатку, забирают сразу четыре пучка. Удаляются подчеркнуто согласованно, бок о бок. Как и пришли. Улыбаюсь удаче: два часа на исходе и я почти все продал. Не почти, а все: соседка-бабуля, оказывается, тоже решила вернуться домой с пучком колбы.

- Так на нее сезон уже вышел?

- Ничо - о, я не себе - старому, он любит, пускай побалуется.

Прощаюсь с бабульками и возвращаюсь к рынку. В кармане полста рублей. На них можно прожить нормально два дня. Весомый вклад, даже если ничего уже продать не придется.

По причине закрытия рынка мои женщины притулились перед выходом--охрана разрешила. На рюкзаке последние пять пучков. Управилась с ними за полчаса. Свободны! Продукты закупим в Березовском, а сейчас надо Янке сметанку. Желательно--15-процентную. Сметану дочка очень любит. Она ее уже называет "тана" и предпочитает даже сладким конфетам. Находим сметану, кормим дочурку в зеленом дворике на скамейке. Теперь она не голодная. Смеется, когда я облизываю с рычанием ее замазанную сметаной мордашку. И я смеюсь, и Наташа. Затем я усаживаю дочку на плечи поверх опустевшего рюкзака. Подхватываю в руки сложенную коляску, и мы трогаемся к вокзалу.

Оттого, что у нас сегодня все так хорошо получилось, жена сияет. Я, наверное, тоже. И встречные улыбаются нам. На автобусной остановке интеллигентного вида мужчина, шутливо склонив обсыпанную серебром голову перед принцессой на моих плечах, вручил ей шоколадную плитку и, уже обращаясь к нам, произнес: "Всегда любите так друг друга. Это большое счастье - любить кого-то."

Я полностью с ним согласен. А как же без этого? Я считаю себя счастливым: у меня есть красивая жена и две дочки. А этого так много! Не правда ли? Безденежье, настигшее нас, мы переживем, обязаны пережить! Осилим, потому что любим друг друга.

И если уж разбираться по- настоящему, то словосочетание "ваши проблемы" не столь и обидно: эти проблемы, действительно, наши. Решает их каждый по-своему. Решим в конце-то концов и мы. На то мы и взрослые.

СЮРПРИЗ.

Чем в Сибири хорошо Новый год встречать? - У нас климат - держись! Куда там Африке. У нас уж если снег, так настоящий, за ночь под

самые окна сугробы наворачивает. И знаете, как это приятно, лежа в кровати под теплым одеялом, вслушиваться в тоскливо подвывающую за окном пургу. Удовольствие, сравнимое разве что со стаканом горячего чая с морозца. И елок у нас здесь сколько угодно. Как в той же Африке попугаев. Вышел в лес, тайгу по-нашему, глянул окрест-- вот они, эти елочки, стоят, не шелохнутся. Тебя поджидают. Подходи, выбирай! Какая понравится, та и будет твоей.

Рассуждая таким образом, руководитель СМУ Владимир Денисович Чайкин, отгородившись этим вечером умственным заслоном от решения никогда не иссякающих производственных вопросов, натянул на себя ватные брюки, просторные валенки (не в гости к соседу - в тайгу идет), увязал широченные лыжи, накинул на плечи зеленую телогрейку, подпоясался офицерским ремнем и кликнул: -Маня!

-Чего тебе?- важной гусыней выплыла из кухонных апартаментов его супруженница. Они жили во взаимопонимании, дружно жили. И то, что ее благоверный намеревался совершить сегодня, ей было известно, но предотвратить его вылазку ей не удалось никакими уговорами. Заблуждал мужик, детство вспомнил. Чего ж тут поделаешь. Когда ему еще и прогуляться по лесу из-за этих объемов, как не в предновогоднюю ночь? Вот только не слишком ли уж смешно будет выглядеть ее муженек, если его окочурит милиция с елочкой в руках на месте преступления?

- Не забудь, дорогая, спуститься к двенадцати и отметить в очереди. Как бы не попутали, язви ее, денежки край завтра нужны.

Три дня назад занимал он очередь: за маслом был 234, за водкой - лишь 615-тым. Пока порядок наблюдался. За деньгами, не в натуре, а чеком, Маня стояла 27-ой, совсем рядом с кассой. Соседи по очереди - нахальные молодые люди, вполне могли вырваться вперед на полкорпуса и оттереть от вожделенного окошечка женщину. А это значит, что он мог опоздать, либо совсем не получить денег. И прощай тогда масло и четыре бутылки спиртного, а вместе с ними и встреча Нового года. Нет, такого потрясения его большое сердце не вынесет. Маята с этими очередями настала: как спустили коммерциализацию на Россию, так и началась чехарда в магазинах...

Владимир Денисович хлопнул себя по карманам, убедился, что все

на месте и, перекрестившись, потопал с третьего этажа на улицу. Морозно. Вечер. Проспект горит огнями. До закраины, от которой начинается тайга, надо пройти два квартала. Потом еще немножечко по дороге, и тогда уже можно вставать на лыжи и двигать прямым ходом по целику в тайгу за елочками. Раньше, когда город был поменьше, елки лапами лезли, царапались в окна их квартиры. И даже любопытные белочки на этих елках по утрам шишки лузгали. А сейчас чего?--понастроили домов, искромсали сердешную - совсем отступилась тайга от города.

По роду службы своей Владимир Денисович имел проверенные данные о том, что в Кургановском лесничестве в штате находятся всего три лесника, которые по субботам и воскресеньям патрулируют по тайге в поисках незаконных порубщиков елочек. Уже задержали пару машин, да отпустили из-за отсутствия доказательств, хотя доказательства эти и выглядывали зелеными вершинками из кузовов машин. Милиция в этом году по расхитителям природных богатств в виде новогодних елочек ничего предпринять не может ввиду отсутствия бензина.. Да и людей у нее тоже не густо: и на расследование квартирных краж у нее в предпраздничный период сотрудников в наличии всего то-- раз-два и обчелся. Существенный же заслон от порубщиков лесники даже для тех, кто на машинах, создать не могут. Хотя дорог то из лесу в город всего три и на них, конечно же, можно было бы поставить кордоны. Но только при нынешних обстоятельствах кому это надо?

Учитывая вышеперечисленное, Владимир Денисовичу можно было и днем в лес за елочкой податься, да стыдновато-- возраст и положение не то. И страшновато, пожалуй, в том смысле, что кто может и увидит в руках его елочку, да не заметит ее, а кто и доложит, кому следует. Люди то, они разные бывают. Нет, береженого бог бережет. Да и когда еще ему при нынешней жизни удастся вот так ночью по родной тайге прогуляться? Вообще-то он сызмала привык к Новому году лично высматривать для себя елочку на корню и из лесу с трофеем домой возвращаться. В этом даже как бы и заключался для него ритуал приготовлений к самому лучшему празднику года.

В проулочке между большими домами уже на выходе из города, медленно объезжая Чайкина, милицейский "газончик"нахально осветил его с ног до головы вместе с лыжами и ножовочкой за поясом и, противно квакнув клаксоном, скрылся в неизвестном направлении. У

Владимира Денисовича прокатилась дрожь по спине, от макушки до пяток ознобом пахнуло. "Все, засекли". Неудача. Милиция -- это все равно, что черная кошка, перебежавшая витающему в сокровенных мечтах человеку дорогу...

"Опять же" - трезво взвесив свои возможности, и присутствующие в его голове данные, Владимир Денисович решил продолжить свое путешествие в темный лес. Вот он и между деревьев. Огромные сосны вытянулись в звездное небо, кудрявый кедр загородил четвертинку луны. Между ними застыли прихлобученные снегом низкорослые кустарники. Елочек не видать. Скользят неторопливо лыжи, скрипит снег. Владимир Денисович объезжает деляны, оставленные его предшественником по СМУ: в начале зарождения города лес для строительства приходилось валить собственными силами и для экономии это делалось в пределах видимости возводимого объекта. Лес вырезали тогда подчистую с целью подготовки площадей для расширения города в ближайшем будущем.

Оттого то и не видать елочек--гектары присыпанных снегом пеньков и Владимир Денисович посередине. Когда он приблизился к границам огромной поляны, стали попадаться на глаза елочки из подроста--низенькие, правда стройные и пушистые, и кривые и с двойными вершинками, но все не то, не из чего пока что выбирать. Ему ведь надо самую-самую. А таких, без разбора, можно было взять и с машины по пятьдесят рублей за штуку. Не будем торопиться. Уж выбирать, так выбирать. Что поделаешь--такой он человек. И жену-то себе он выбирал самую-самую...

Неожиданно Владимир Денисович встал, как вкопанный: она - красавица! Стройненькая, ладненькая, невысокая, пушистенькая и в меру раскидистая. Именно она в этом году будет служить украшением в их доме, и напоминать своим запахом о беззаботном детстве, исчезнувшем, растворившемся в длинной череде лет, достижений и промахов. Отдельно растущая от других елочек, она была со всех сторон без изъянов, ровненькой, с заостреннойверху вершинкой. Обойдя ее, Владимир Денисович отряхнул елочку от снега и, не найдя в ней природного брака, сноровисто перепилил ее тонкую ножку. С елочкой на плече вернулся он вскорости к городу. Ликовал: "Что надо выбрал, как в прошлый год получилось. Внучок приедет из Кемерово - обрадуется". Да и сами с женой они привыкли давно, чтобы в Новый

год дом их украшала такая вот изящная елочка. Непорядок это - встречать Новый год без елки.

Идти прежней дорогой, да еще с елкой в руках, Чайкин поостерегся. Выбрал путь подлиней и поспокойнее. "Милиционеры, они ночью то не тово..." Увидят издалека, осветят, нагонят. И отберут еще елочку. Хотя и много народу он знает в лицо, но ведь не всех, же в городе. Спустившись на лыжах в распадок к гаражам, Владимир Денисович по распадку и вышел поближе к дому, а затем проскользнул в темноте мимо школы и высокого дома и короткими перебежками, с оглядкой по сторонам, благополучно миновал пустынное, освещенное лунным светом пространство и юркнул наконец-то в свой родной подъезд. "Пронесло. Подвезло мне и встреча с ментами не повлияла. Ошибочка с приметами приключилась. Манька сейчас носом зашмыгает, завертит красавицу, заластится. А я чайку с вареньицем жажну пару стаканов, сыру на хлеб положу... Ох, и наемся же! Ну а потом можно и на отчетик взглянуть, с Авдеичем поспорить"-- любовно оглаживая обнаженной рукой пахучие и клейкие иголки пристывшей к плечу елочки, мечтал Владимир, преодолевая последний лестничный марш.

Дверь отворил неожиданно внук. Молодец, что приехал на праздник. Вот и будет с кем в шахматешки размяться!

-Дед, ты опять за свое! - сказал тот, наморщив свой вундеркиндовский лоб.

- Это в ваше время не думали об экологии...

За спиной неизвестно когда повзрослевшего внука, живет с ними вместо сына, родители погибли в автокатастрофе пять лет назад, горела многоцветьем огней гирлянды невзрачная пластиковая елочка, раскрашенная зеленью цвета солдатской шинели.

- Привез из Кемерово. Успел нарядить! Уж я его как отговаривала. Устроим, говорит, деду сюрприз - донесся из кухни воркующий голос Мани.

-Да зачем она мне!-- раздраженно стукнув кулаком по оббитой жестью двери, Владимир Денисович стремительно прошагал вовнутрь мимо испуганно шаркнувшего от него внука.

БОЖЬЯ СТРАННИЦА.

В маленькой зале ожидания станции Забойщик можно спрятаться от летнего зноя. Здесь прохладно и пустынно. До утренних электричек на Мариинск и Кемерово еще целый час времени. В креслице сидит дородная пожилая женщина. Разговорились: попутчица, тоже, как и я, едет в Кемерово. У нее там живет дочка. В гости едет, внуков понянчить надо бы, совсем соскучилась по ним, Сниться стали. Входит в зал крохотная, иссохшая донельзя и сгорбленная годами старушка.

Она в черном, протертом на локтях и у пуговиц ,плюшевом зимнем жакетике, в темной шерстяной юбке, калошах на босу ногу и самодельной котомкой за плечами. Седые волосы ее покрыты черной газовой косынкой. Наверное, умер кто-то из близких, вот и вырядилась во все черное. А может из монашек она: много их по свету белому рыскает теперь. Дождется электрички, заберется в нее и пойдет по вагону выпрашивать милостыньку на водружение божьего храма. Кого и разжалобит своим видом, пожертвуют, может быть ей копеечку.

В руках у убогонькой палка полутораметровая суковатая, которой она дробно стукотит по мощеному серой плиткой полу, Она, приближаясь к нам, с усилием опирается на эту палку. Без нее, похоже, и шагу ступить не смогла бы. В другой руке у нее уместилась пузатая и, по всей видимости, тяжелая сетка. Она подходит к креслицам, кряхтя, освобождается от своего груза в руках и за плечами. Затем облегченно вздыхает и, совсем даже не замечая нас, лопоча что-то себе под нос, выискивает за пазухой толи деньги на проезд, толи просто чешется, но вот наконец-то рука ее вытаскивает засаленную колоду карт и старушка, перекрестив колоду, принимается за гадание. Ей хочется, наверное, поскорее, узнать, что же ее ожидает в недалеком будущем. Я про себя улыбаюсь: и так ясно - отжила, ты бабушка, свой век. Очень скоро заберет тебя мать сыра - земля. Без обиды будь сказано. И гадать нечего - погляди на себя хорошенько. Она суетится, мусолит карты, хлопает ими по сиденьицу.

- Дорога, хлопот, хлопот-то сколько. Красным - красно. И опять дом.

Нет, не ее, казенный, А я не хочу, не хочу я! - выкрикивает она.

- Куда это вы едете?- обращается к старушке моя попутчица.
- К внучке собралась. Зовут. Не могу уже я одна. Поживу там.
- А где внучка живет?
- В Краснодаре, милочка. Доехать бы только. У них тепло. Яблоч много в садуросло. А я пюре из яблок люблю кушать. Сорву яблочко покрупнее, да поналиvistее и натру себе в тарелочку. Лучшей еды и не надо мне.
- Далеко очень ехать придется. Истратитесь. По нынешним ценам один билет рублей на семьдесят выйдет. Жить у нее хотите остаться?
- Хочу. Мне больше негде жить. К ней и поеду. Найдется, поди для матери уголок какой.
- Больно-то она вас ждет.
- Пригласила!- скорчив уморительную рожицу и, как бы приседая при этом, оборотилась в ответ на реплику к моей попутчице старушка.
- Погостить пригласила. Раззадоривает, не знаю, почему ее та.
- Побудете месяц от силы у нее, она и попросит вас. Кому мы старые, да немощные нужны?
- Присмотревшись внимательнее к попутчице, я определил, что и говорящая женщина тоже старенькая, бодрее только лишь и держится молодцом. Вроде как - нечего нюни распускать, жить надо, пока живет-ся.
- У вас родных поблизости разве нет?
- Откуда они, милочка? Одна живу, как перст одна.
- Дом у вас какой, или квартира есть?
- Ничего нету. Божья я странница.
- Это летом странничать хорошо, а зимой? Вы бы уж лучше, по тако-

му случаю, в дом престарелых обратились. Одинокую и взяли бы. А там хорошо: тепло, постель чистая, телевизор смотреть можно и кушают вовремя.

- Была я там, была. Недельку смотрела, как живут люди. Не мне это, не по мне. Я чаю горячего ни разу у них не попила. Все холодный приносили, да еще и за каждый кусок хлеба выговаривают. И плохо, ой как плохо кормят. Лучше совсем не есть. А еще, сами то, рохли, сидьмя сидят целый день, а нас все работой какой занимают: то полы мой, то стирай что-нибудь, то в огороде гнись день-деньской. А за это никто и спасибо не скажет. Не хочу я так. Мне такой дом не нужен. Убежала оттуда.

-Напрасно. Работать везде надо. Я пятьдесят четыре года проработала на "Прогрессе". Пенсию хорошую получаю. Сперва сто двадцать рублей начислили, потом надбавили. Стала получать сто пятьдесят шесть рублей. Теперь же с новой надбавкой выходит ежемесячно в моем распоряжении двести десять рублей. Не каждый молодой человек сейчас столько же зарабатывает. - говорит женщина и с вызовом поглядывает на меня.

А я что? - согласен. Моя зарплата едва до пределов ее пенсии доходит. Перебрал президент наш в своих заботах о пенсионерах. Надо бы и тем, кто сейчас должен полноценной жизнью жить и детей своих растить, создавать условия для увеличения заработка. Ведь цены то на все товары в магазинах, что ни квартал, регулярно увеличиваются. Детям порою не на что мороженное взять. А почему? - Вот именно поэтому.

-А вы пенсию получаете?

-Получаю. Как же, сорок пять рублей получаю. Куда нам против таких, как вы.

-По труду и начислили. Я одна живу смолоду. Двух девочек подняла, образование дала им. Обе Кемеровский университет окончили. К себе зовут жить - отказываюсь. Зачем это мне? Хотя с другой стороны - семьдесят лет уже и квартира у меня трехкомнатная. С нею хлопот много. Вчера, не поверите, гардины собралась вешать. Забралась на стол, а руки дрожат, голова кружится, но все же самовнушением

убедила себя, что ничего со мной не случится. Постояла немного, успокоилась и сумела повесить, - радостно улыбается, сообщая нам об одержанной ею победе, женщина. Она гордится собою. Еще бы, при ее то годах и повесить гардину! Мне становится весело, и я добродушной ухмылкой выражаю соучастие в ее радостях.

Милая она женщина и, наверное, теща хорошая. Искренняя-- значит добрая, добрая--значит не жадная. Клад для мужчин, за которых ее дочери замуж вышли.

- А когда работали, где вы жили?

Везде работала, везде жила-- отмахивается от ее вопросов "божья странница" и снова углубляется в процесс познания поворотов судьбы через разбросанные по сиденью карты.

-У вас и денег- то, поди нет на дорогу? Как вы доедете?

- Отвяжись. Доеду, доеду, не беспокойся. Хотя правильно говоришь, никому я там не нужна. И нигде не ждут меня. Скорее бы уж в землю закопали.

- Беспокойная у вас старость .Не пожелала бы я себе такого. Страшно.

- Не жалею меня. Не надо. Сама- то гладенькая, здоровущая. Не верю я, что ты пятьдесят четыре года отработала. На хорошей работе иссохнуть можно за десять лет, а тут больше полвека.

Нет, почему же? Это правда, что я пятьдесят четыре года отработала. Но ведь я головой, не руками работала. Потому, наверное, и сохранилась.

-У-У, бесстыжая! Глаза бы мои на тебя не смотрели! Работала она! Ты бы вот так, как я, поработала на железной дороге хотя б с годик, да каждый день зуботычины от пьяного мужика получала, небось сейчас тоже такой, как и я, образиною выглядела!--рассвирипела старушка и засобиралась: уложила карты за пазуху, ухватила палку, попросила меня подсобить ей устроить рюкзачок на плечах и застегнуть его. Взяла сетку, да и поцокала, заковыляла со станции, уповая на Бога и его милость. Она оставила нас в неловком молчании. Будто бы мы провинились перед ней в чем-то. Наверное, провинились: не стоило

бахвалиться так откровенно своим счастьем перед человеком, у которого невезение так и лезет из всех пор. Различие судеб этих женщин, считай, что ровесниц по возрасту, резко бросается в глаза, от него нельзя отвернуться и примирить нельзя. И хотя женщина, в одиночку поднявшая двух дочек, тоже хлебнула горя, как то не так повела она себя с этой старушкой.

К прибытию электрички подошли еще две женщины. Старушку они видели в городе раньше. Предполагают, что местная. Есть у старенькой единственная мечта--уехать туда, где будет лучше. Она и пришла на вокзал развеяться. Обидели ее расспросами. Ох уж эти любопытные женщины. Все - то вам узнать надо. А надо ли?..

В гостях у Барзасских лесорубов.

На звание долгожителя я не претендую, но почти всю свою долгую жизнь, проведя в Сибири среди бескрайних зеленых просторов тайги, я ни разу не видел лесозаготовителей за работой. Поэтому с удовольствием ухватился за возможность побывать на одной из рабочих делянок Барзасского леспромхоза. Отправились мы туда с главным инженером леспромхоза, молодым, симпатичным, высоким и до ужаса замкнутым мужчиной на их бензовозе. Попутно. По графику тот доставлял на делянку горючее для работающей техники. Вот в кабину бензовоза и утрамбовал меня Сладкоедов, забравшись в нее следом за мною. Поначалу было тесновато, в кабине троим мужикам, одетым по-зимнему, но потом мы вроде как утряслись, разместились удобнее, и стало свободней.

Дорога, пробитая на делянку в глубоком снегу, была узкой, плохо накатанной, так как ею пользовались только лесорубы Барзаса, да и то лишь с начала этой зимы. А когда мы, проехав по прямой просеке от поселка в сторону реки Нижний Кельбес, повернули направо и поехали просто по тайге, то дорога эта стала петлять по ложбинам и взгоркам. Так резко меняла дорога направление, что молоденькому, суховатому водителю Алексею Синицыну только и оставалось, что крутить беспрерывно баранку, да притормаживать при опасных спусках и поворотах. Я же с тревогою в сердце наблюдал за ним и думал, что если вдруг он не успеет удержаться в колее дороги, то нас выбросит в снег на обочину. И выбраться мы оттуда собственными силами не сможем, и помощи нам ждать похоже будет неоткуда. Интересно, на сколько километров отделились мы от Барзаса?

Дальняя дорога предоставила мне достаточно времени, чтобы разговаривать чересчур серьезного Сладкоедова. Я, почему называю его по фамилии? Согласитесь, уж очень необычна она на вкус. Так и просится на язык, поворотиться во рту словно желает, как леденец-петушок на палочке. Я и смакую ее, удивляясь, случаю, наградившему такой звучной фамилией одного из руководителей предприятия лесного хозяйства. А впрочем, с чего я удивляюсь: Елочкин, Дубов или Березкин больше подходит для лесника, и не будет вызывать ехидного удивления? И что важнее: фамилия, или человек, под нею скрывающийся?

Из рассказа главного инженера я выяснил, куда мы едем. Лесниче-

ство нарезало делянку леспромхозу вблизи поселка Дальний. В 60-х годах в этом поселке был лагерь заключенных, которые занимались заготовкой древесины. Поэтому лес вблизи поселка в удобных местах они срубили под корень. И там теперь образовались гигантские проплешины ровных полян, либо же вырубки прежние заросли густыми елочками и сосенками. По крутым ложкам, не доступным старой технике, тайгу тогда заключенные не трогали. Ее то и валят теперь работники леспромхоза. Делянка не то, чтобы велика, но работы на ней должно хватить бригаде месяца на три: 26 января начали--в конце апреля закончат.

Алексей Осипович родился в Барзасе. Учился в Красноярске. Десять лет уже работает в леспромхозе. Без тайги не представляет своей жизни. Любит в свободное время побродить по тайге, поохотиться. Барзасская тайга еще не совсем оскудела дичью. Случалось ему забивать даже лося. Говорят, что раньше медведи устраивали свои берлоги в конце огородов у жителей Барзаса. Но он, лично, медведей здесь уже не встречал. Вот колонки в лесу есть. Зайцев, белок, лисиц--сколько угодно. А в районе Нижней Суеты волков развелось пропасть сколько, как собак. Машинами даже давят их. Был такой случай. Заходит иногда в Барзасскую тайгу и соболя. Но это очень редко происходит. Приживаться же ему здесь нет резона: отсутствует кормовая база.

Красноярская тайга богаче Барзасской. Она пообширнее. И мест, нетронутых человеком, еще очень много в тайге осталось. Не пуган там зверь, потому и плодится обильнее. Когда Сладкоедов во время практики работал в Красноярской тайге, то обязательно раз в неделю ему приходилось нос к носу встречаться с медведями. Медведь--зверь с виду страшный, но, в сущности, безобиден. Человека без причины никогда не тронет и всегда ему дорогу уступит.

Круто выворачивая между деревьями, глубокая колея дороги спускается, наконец, на дно овражка и упирается в лагерь лесорубов: на освобожденной от леса площадке стоят два трактора - трелевочника, бульдозер, вахтовка, цистерна с горючим и вагончик сторожа. В вагончике жарко гудит печка. Стоит длинный стол и две скамейки. Двери вагончика открыты настежь - печку раскошегарили от усердия и нагнали слишком много тепла. За столом сидят шесть человек. Те, что лишние--парламентеры из Березовского ЖКХ. Они приехали договариваться на месте с лесорубами о сотрудничестве. Барзасское лесни-

чество нарезало коммунальщикам делянку рядом с леспромхозовской, а у них своей техники нет, и лесорубы тоже отсутствуют. Так вот, может барзасовцы и их делянку повалят и соскладируют лес трелевочниками в штабеля?-- Гости готовы заплатить наличными с куба, но только зарплату .А амортизационные, за эксплуатацию техники, кто лесорубам платить будет? Так работать невыгодно, хотя деньги сами в руки идут. Не согласны. Пускай Козаченко, директор леспромхоза ,с ними договаривается.

Знакомлюсь с бригадой лесорубов. Игорь Котельников, высокий парень, с густой копной выбивающихся из-под пыжиковой шапки золотистых кудрей, водитель трелевочника. Залив горючее в бак, он садится в трелевочник с бригадиром, жилистым и подвижным Петром Бледных. Перед этим Петр, пристроившись на краю скамейки, некоторое время возился со своей персональной бензопилой: на этом участке он — основной вальщик леса. Тягач громко застрекотал и, кивая носом, как танк, на неровностях почвы, стремительно ринулся на косогор. Не договорившись напрямую с работягами, коммунальщики подались в Барзас к директору леспромхоза. То, что они деньги суляться выплатить сразу, заманчиво, так как за лес сейчас расплачиваются потребители с большими задешками и с выплатой зарплаты в леспромхозе тяжковато. Может что-то и решат там - на"высшем"уровне. Козаченко у них дока, своего никогда не упустит и своих труженников не обижает. Он сам-то из местных. Родился здесь и живет, не считая службы в армии, здесь постоянно. Из рядовых лесорубов в начальники выбился. То, с чем приходится ему сталкиваться на практике, знает досконально. Как хохол, хитер и хозяйственник отменный.

Геннадий Сураев, плотный крепыш, у которого наверняка уже есть пара внуков, заводит тяжелый бульдозер и устремляется вслед за трелевочником. Ему надо расчистить поляну повыше овражка, чтобы штабелевать лес, забираемый с левого бока ложбины. По этой ложбине течет ручеек, но названия его никто из лесорубов не знает, и сказать определенно, куда я попал, затрудняюсь. Разве только и есть ориентир, что где-то тут рядом был расположен когда-то поселок Дальний и, если идти строго на север, то через несколько немерянных еще никем из лесорубов километров можно натолкнуться на железную дорогу Кемерово- Анжерка. Сладкоедов повел меня от разом опустевшего стана сначала по ложку, показал штабеля уже обрубленных от сучьев и веток стволов-- звона сколько наворотили за месяц! А потом

мы направились с ним к месту, где в этот день лесорубы валили лес.

Выбрав относительно ровную и свободную площадку, впереди нас уже вовсю работал бульдозер, ломая тонкие деревья и распиливая их в стороны вместе с валами снега. Николай Клеменко хохол, глаза с прищуром, по натуре своей человек жизнерадостный, водитель вахтовки. Он привез мужиков на работу и теперь остался один в вагончике, топит печку, рубит дрова и готовит обед. В свое время он работал в леспромхозе десятником, а сейчас совмещает работу водителя с работой шеф-повара. Это его не напрягает: орудовать у печки поварешкой он и дома привычен. А накормит в обед работяг, тогда можно будет и с ними вместе сучки порубать...

Вот и закончилась утоптанная тяжелыми гусеничными траками колея, трелевочник свернул вправо на снежную целину и поплыл по ней, заутюжил брюхом глубокий снег, не доставая гусеницами твердого грунта. Идти нам по его следам стало тяжело и желание узнать, долго ли еще мы будем пробиваться к месту работы, было единственным, что занимало меня. Наконец мы увидели впереди урчащий среди деревьев, разворачивающийся тягач и самого Петра, идущего навстречу нам с бензопилой на плече. Первое дерево, которое наметил валить Петр, находилось недалеко от нас, было обыкновенной толщины, с полметра в диаметре и высотой около двадцати метров. Откидав от ствола снег, Котельников уступил место Петру. И тот, прислонившись к дереву, завел пилу. Она, застрекотав на высокой ноте, начала вгрызаться в ствол дерева, разбрасывая в стороны желтоватые опилки.

Чтобы дерево упало туда, куда следует, с нужной стороны необходимо вырезать клин, выбить его, а затем уже с другой стороны производить надпил. Это и делает Петр, одновременно объясняя мне смысл своих операций. Раньше, чтобы спиленное дерево упало, его толкали в нужную сторону, упершись в ствол длинными баграми. Было опасно, и требовались лишние руки. Теперь же никаких багров не надо, оно само, лишенное корней и равновесия, кренится в сторону искусственно созданного уклона и потом уже под, силой тяжести падает на землю. Я внимательно вслушиваюсь в бормотание Петра и слежу за поведением дерева: наслышан -- не раз бывало при падении дерево пришибало насмерть своих обидчиков. И на этот раз, несмотря на популярно изложенную Петром теорию клинышков, падать на землю в указанном направлении дерево не пожелало. Его подрезали, а оно

стоит себе, не шелохнется. Втроем упершись в ствол руками, мы сумели сместить его центр тяжести, и оно, сотрясаясь и опорашивая нас снегом, начинает медленно крениться и падать, но не в сторону выпиленного Петром клинышка, а строго вниз, следуя закону всемирного тяготения. Я подсмеиваюсь над Петром и его теорией. Тот отмахивается: поправку на ветер не учел, мол.

- Где ветер-то?- оглядываюсь по сторонам.

- А ты наверх посмотри.

Смотрю. Вершины деревьев неизвестно почему, слабо качаются. Ветерок, а не ветер, но Петр знает, наверное, что говорит, с 1965 года в леспромхозе работает.

Свалив первое дерево, лесорубы перекуривают, а я, присев на корточки, пытаюсь сосчитать кольца на срезе и определить по ним, сколько же лет спиленному сейчас только что дереву. Колечки на срезе корявые, разной толщины: где пять миллиметров, где всего два. Семьдесят штук колечек. Если в среднем взять толщину кольца в четыре миллиметра и умножить на семьдесят и еще на два, то получится, что толщиной у комля дерево было 560 миллиметров.

- А на какой высоте от земли вы спиливаете деревья?

- 30 сантиметров стандарт. Нам не выгодно высокие пни оставлять.

Измеряю пень. Действительно, его высота не более 30 сантиметров. Второе и третье деревья падают на землю уже согласно теории Петра. Он учел поправку на ветер. Главный инженер уходит от нас, пообещав мне, что в обед обязательно придет за мной бензовоз. Я продолжаю бродить с лесорубами от дерева к дереву, чертя по снегу глубокие борозды. Снег глубокий, приходится проваливаться едва не по пояс. Но я уже не чувствую усталости, меня захватил процесс добычи древесины. Я помогаю им отбрасывать и оттапывать вокруг обреченных Петровой рукою на смерть стволов деревьев и упрашиваю Петра дать мне попробовать самому свалить пихту или елку, почувствовать себя настоящим лесорубом.

- Подожди, дам - обещает Бледных и продолжает работать. Лесорубы обуты в валенки с калошами. Поверх валенок у всех натянуты

штанины, снег к ногам не проникает. На моих же ногах матерчатые утепленные ботинки и я с завистью начал коситься на обувку мужиков, чувствуя, что ноги мои стали подмерзать. Петр -- мужчина крепкий, сноровистый, в его руках пила кажется игрушечной. Он пилит ею деревья, словно ножиком масло. Вжик! И валится лесной гигант на землю. Тому дереву понадобилось семьдесят лет, чтобы нарастить на себя кубометр деловой древесины, а он пилой за минуту его жизни лишает. Если разобраться, при наших технических средствах, да если все лесорубы такие, как Петр Бледных будут, то для того, чтобы вырубить в России весь лес вместе с подростом, понадобится времени совсем мало. А мы еще и продаем лес, на корню даже продаем, иностранным державам. С чем сами останемся через полвека? Уже сейчас вокруг Барзаса нет деловой древесины. Одна молодь растет, да кое-где оберегаемые законом кедры. В основном же людской глаз радуется при подъезде к Барзасу зелень гибких осин и стройных берез. А ведь совсем недавно, в середине семидесятых, Барзас считался центром богатейшей Барзасской тайги. Звучит красиво, а что толку? Осталось одно звучание. Потому и ушел из Барзасской тайги медведь и, вслед за ним собираются эмигрировать в Красноярское раздолье последние лоси и зайцы. Печально сознавать такое, но это неопровержимо—сам факт того, что основной участок леспромхоза, где две бригады лесорубов работают, находится не в Барзасе, а в Благовещенке, что за девяносто километров отсюда, как раз это и доказывает.

Очень скоро Петр Бледных и Игорь Котельников навалили столько деревьев, что они стали мешать нашим маневрам. Деревья надо было срочно вывозить с участка. Игорь направился к своему трелевочнику и занялся вывозкой деревьев на уже подготовленную бульдозером площадку, а мы с Петром пошли вверх к группе других деревьев. Одно из них, метров 25 высотой, спиленное, тоже не захотело, невзирая на внесенные Петром поправки на ветер, падать на землю. Наших же сил сдвинуть его и повалить не хватило.

- Ладно, сейчас я его другим деревом уроню. А ты на свободное место выберись, бойся: зашибить может - говоря это, Петр выбирает хилое деревце, явно еще не «поспевшее», и быстро спиливает его. Падает оно прямо на заупрямившееся дерево. И, обняв друг друга ветвями, они некоторое время стоят не шелохнувшись. Я успеваю сказать Петру, что напрасно он стубил молодняк: куда ему, по силам разве своротить такую громадину. Надо было вон то, большое, с другой

стороны положить на это дерево. Оно б тогда его уронило своим весом.

- А как бы потом ты вытаскивал их? - спрашивает Петр, показывая на обрывистый склон. А в это время перед нами оба дерева, словно в испуге отпрянув назад, вдруг задрожали, зашевелились и, замедленно кренясь, мягко упали в снег.

- Класс! - восхищаюсь я.

- Ну-ка дай, я теперь попробую.

Подобревший Петр молча протянул мне пилу. Но для того, чтобы пилить, ее ведь надо завести, а она у меня ни с первого, ни со второго рывка заводиться не хотела: срывался пускач, и вообще все у меня выходило совсем не так как у Петра. А вроде бы, со стороны, если смотреть: ну чего здесь особенного? Я оперся плечом об оттопанное вокруг ствола дерево и, раздражаясь от неумения сладить с этой чертовой механикой, с силой дернул ремешок пускача. Пила недовольно фыркнула и ее острые зубья, очутившись в непосредственной близости с моими ногами, кровожадно блеснув на солнце, крутанулись на приводной цепи и выжидательно застыли.

- К ногам-то чего клонишь, отрежет — предостерег меня Петр, отобрал пилу, одним рывком завел ее и передал мне.

-Пили. На газ жми все время.

Пила завибрировала в моих руках, выпиленный клинышек не выбивался, и мне пришлось его еще раз выпиливать. Так что клин получился у меня чуть больше Петрового. Зато когда я сделал пропил с другой стороны, дерево как миленькое свалилось именно туда, куда я и планировал его уместить. Воодушевленный победой, я тут же перешагнул к подготовленному ранее дереву, растущему рядышком, и тоже одним махом спилил его.

Тяжесть работающего инструмента приятно улаждала мои мускулы, вид поверженных мною деревьев вселил гордость, но попользоваться больше пилой мне не удалось. Петр забрал ее у меня, свалил еще пару деревьев, а потом предложил сходить посмотреть, что делает Игорь Котельников. С того места, где мы валили первые деревья, до-

носился к нам прерывистый звон металла, будто кто стучал кувалдой по стоящему на земле большому церковному колоколу. Минут за десять добрались до Игоря. У него что-то случилось с техникой: зацепил на тросы лебедки с десятков деревьев, но не смог поднять их на щит трелевочника. Не сработала гидравлика, поэтому он и размахивал кувалдой, пытаясь ударами по щиту заставить его двигаться. Мы еще некоторое время бестолково побегали вокруг трелевочника.

Выяснить причину неполадки в гидравлике нам не удалось, а так как было уже около двенадцати дня, то решили идти на обед. Лес, прицепленный к трелевочнику, Игорь потащил волоком на поляну. Мы же вернулись с Петром к вагончику. Теплое нутро вагончика заполнил сытный запах сварившейся похлебки.

Рассаживаемся по лавкам. Шеф-повар устанавливает посередине стола большую жестяную банку из-под селедки и выкладывает туда приготовленное в большой кастрюле. Хлеб и сало мужики режут сами. Хлебаем толи суп, толи кашу. Вкусно!

-Вас провизией Казаченко снабжает? - спрашиваю у обедающих.

- Какое там, свое приносим. Нам это не внаклад. Дело обычное. И посуды наша тоже.

-Вместительная, - улыбаюсь.

После чая курим. Поговорив немного о заработках и жизни вообще, мужчины выходят из вагончика и направляются к закапризничавшему на поляне трелевочнику. Надо срочно выяснять, что с ним случилось. Первый, что стоит, тоже неисправен и его, похоже, придется отвозить в мехмастерские. Без техники же, какая может быть у лесорубов работа? Раньше лошадьми растаскивали деревья, а сейчас чем их волочь будешь? Уже поваленные сегодня деревья тоже необходимо срочно перевезти на поляну и обрубить сучья, иначе деревья эти засыплет первым снегом, и делянка в том месте станет непригодной для дальнейшей работы.

Бульдозерист Сураев цепляет трос к щиту трелевочника и бульдозером стягивает его на землю. Лебедками трелевочника после этого щит поднимают вверх. И так повторяют несколько раз. По ходу дела разболтили и маслопроводы — думали, что где-то грязь в трубках или

ветошь затрамбовала сечение, так может быть вижением поршней эту пробку удастся вытолкнуть. Не удалось. Слили все масло из гидросистемы во флягу. В баке и обнаружили на дне большую наледь. Такого раньше не случалось. Недоумевают: вроде бы мороза особого ночью не было, и вчера гидросистема отлично работала. Для устранения ледяной пробки в бак нужно залить ведро кипятка, а затем промыть его соляной. И вся недолга. Лесорубы повеселели.

В это время приехал за мной лесовоз.— Надо уезжать, а уезжать мне совсем и не хочется. Я как-то сразу принял в себя все их дела и заботы, будто бы только этим и занимался с рождения и, как мазохист, находил даже наслаждение в этом изнуряющем душу и тело продвижении по глубокому снегу от одной жертвы лесоруба к другой. И лесорубы, похоже, что восприняли меня как своего, Петр Бледных мне говорит, что через недельку бы он сделал из меня классного вальщика леса. Смеется, конечно. А что? Считать кольца на пнях я уже научился. И остальное придет со временем. Вот только про недельку он завирает: познать все премудрости лесоповала и всей жизни не хватит. Прощаемся, и я уезжаю.

Водитель бензовоза оказался словоохотливым. Вьюноша. Ему еще нет и двадцати лет. Летом и зимой он часто бывает в Благовещенке. Там на их участке работают жители деревни. Места у них хорошие. В верховьях Барзас ведь чистый и рыба в нем всякая не перевелась еще. Серьезные рыбаки из поселка Барзас только туда и ездят рыбачить...

Дорогой раздумываю: заезжать мне в управление или нет? Хотя чего еще я там могу почерпнуть? Валерий Николаевич Казаченко еще до моего отъезда на делянку успел мне изложить, обрисовать общее положение дел леспромхоза. Без цифр, правда, а зачем они, цифры, если и так видно, что леспромхоз работает не лучше других предприятий страны. Продукцию покупают слабо, денег в кассе постоянная нехватка. Но при всем этом директор умудряется рабочим своим зарплату особенно не задерживать и делает все необходимое, чтобы предприятие не останавливалось.

Подвожу итог своей «вылазки» на лоно природы и нахожу ее очень удачливой. Как еще мог бы я при других обстоятельствах распознать этих людей и познакомиться с ними? Хорошие парни. Именно ими и такими руководителями, как Казаченко, и держится сейчас Россия. Разве не так?

Март 1995 г.

Бабушки аттестат

Резкий и глухой удар о лобовую броню танка метнул в лицо заряжающему частицы сухой краски. Ватной тишиной заложило уши. Мотнув головой, Василий открыл глаза. Смотреть было больно. Глаза запылило и, похоже, микроскопические осколки отслоённого ударом металла в кровь посекали кожу лица: то, что он увидел перед собою, было затянато розовой плёнкой. Несколько осколков покрупнее впились ему в грудь и в живот. Он телом ощутил их колющее жжение. В броне зияло сквозное отверстие величиной с хороший кулак, через которое в наполненную пороховой гарью башню стал проникать свежий воздух.

«Интересно, какой силой надо обладать снаряду, чтобы пробить 120-миллиметровую броню? Но ещё, пожалуй, интереснее то, что проткнув металл, как как масло, болванка никому из сидящих в башне не причинила вреда», - подумал он и наклонился в машинное отделение за снарядом для пушки. Острая боль пронзила его живот. В беззвучном крике распахнув рот, Василий потерял сознание и безжизненным комом свалился под ноги к стрелку-радисту.

Очнулся он в длинной комнате одноэтажной сельской школы, переоборудованной под прифронтовую госпиталь. Командир танка, как выяснилось впоследствии, по радиации вызвал помощь, и раненого вывезли с поля боя.

- Осколки были маленькие, - вспоминал этот эпизод своей жизни Василий Карпович Негодяев.

- Их тогда, в январе 1943 года, вырезать из меня не стали. Некогда врачам было: много серьёзных раненых в госпиталь поступало, а тут ещё я со своими дробинками. Решили тогда врачи, что присутствие инородного металла в груди не особенно опасно для моего здоровья. В тот раз они промыли хорошенько мои ранки, продезинфицировали, перевязали и недели три продержали в госпитале, пока они не поджили.

За это время фронт продвинулся далеко вперёд. Наши войска начали освобождать север Донбасса. Я, как специалист - водитель-механик, заряжающий и стрелок-радист, должен был вернуться в свою именно

часть. А где она? Ищите сами. При выписке выдали мне продовольственный аттестат, предъявив который властям любого населённого пункта в освобождённой от немцев территории, я имел право получить продуктовое довольствие и ночлег. Но чем тогда обладали власти в разграбленных и разрушенных городах и сёлах? Так что аттестат этот среди выздоравливающих очень скоро приобрёл название «бабушкиного». Это потому, что предоставляли ночлег и пищу (если могли) бредущим к фронту солдатам бабушки и жители, сыновья которых воевали за Родину.

Лежал я в пригороде Подковска. Оттуда и подался на фронт. Первые дни шёл один. Февраль на Урале и в Сибири даёт о себе знать морозами, а в Донбассе на зимний месяц он не похож. При желании можно было в одной гимнастёрке шагать. А у меня ещё с танка промасленная фуфайка осталась. То есть с комфортом передвигался я от деревни к деревне. Смотрю на указатели дорожные и иду.

Всё бы хорошо, дороги хоть и были расквашены машинами, однако идти по обочинам вполне можно было. Но перегоны получались у меня очень длинные. На сытый желудок бы их преодолевать, а тут в худшем сидорке кроме пары портянок и ложки совсем ничего нет.

«Чем бы это своё брюхо набить?» - начали меня одолевать такие мысли. Гляжу: в берёзовых рощицах голуби порхают, и почки деревьев клюют. Не гнушаются порой они и навозом, разбросанным вдоль дороги. «Вот бы, думаю, поймать такую птичку и отварить её. Из двух голубков одна настоящая курочка по весу должна получиться». Развивать такую тему в мыслях мне никто не мешал, осуществить же ее за отсутствием времени и охотничьих приспособлений я не мог. А кушать очень хотелось постоянно. Вот если бы оружие было. Прицелился: бац два раза – и готова похлёбка!

Оружие при выписке нам не полагалось. На месте обеспечат. Стал я размышлять, где бы его раздобыть. Начал по пути следования к фронту заглядывать за обочины, в траншеи, что нередко в полях встречались, и выискивал для себя новенькую немецкую винтовку, а к ней 40 патронов. Обрадовался. В этот же день пару голубков себе подстрелил. В деревню пришёл и попросил бабушку, которая к себе на постой пустила меня, отварить их. Такой хороший супчик сварила она! И я сыт был, и они с дедушкой покушали. Воспрянул я душой и телом: проблема с питанием решена!

А на другой день возле села Гусинка, там ещё фарфоровый завод был, встретил я на дороге ещё с десяток солдат, так же, как и я, из госпиталя возвращающихся в свои части. Стало веселее. Да только быстро это веселье из нас, как кипятком тараканов, вышпарило. Перезнакомились мы друг с другом, идём, байки травим, рассказываем также кого, где и куда ранило. Не заметили, как очутились на окраине выжженной немцами деревни. Вместо домов одни трубы торчат, припорошенные снежком. На косогоре деревня расположена была. Место красивое: под косогором этим небольшая река, плавно изгибаясь, на юг, к Донцу уходила. Возле деревни окрест луга и поля обширные, а километра через три на севере лес чёрной стеною застыл. Встали мы, разинули рты - любуемся. Вдруг, не помню кто, толкает нас: смотрите-ка, а это что такое? Смотрим – в стороне от дороги на маленькой площади, к которой сходятся три бывшие улочки, несколько столбов высоких с перекладинами торчат, и на них висят люди. Повешенные!

Бросаемся к ним: трое мужчин и одна женщина. На груди у каждого прикреплён плакатик: «Не снимать! Смерть!». Наши, когда наступали, поди, не заметили, а может, времени не было снять их. Видно болтаются на верёвках эти люди давно уже. Глаза им вороньё поклевало, лица изуродовало. Страшно смотреть. Женщину по волосам только и отличить можно. Срезали мы верёвки, уложили казнённых рядом. Могилу копать нечем – прикрыли лица плакатами, перекурили и пошли, остервенелые, к фронту. Настроение убийственное, не до шуток тут. Каждый думает, как бы побольше за этих повешенных вражьего отродья в землю вогнать.

Через несколько километров просёлочная дорога, по которой мы шли, вывела нас к широкой автомагистрали. По ней уже изредка в обеих направлениях проскакивали одиночные военные машины. Идём, пытаемся «голосовать», чтобы подхватил кто и подвёз до станции Глубокой. Идти пешком далековато: если верить дорожному указателю, до неё 30 километров осталось. Нас же либо боялись, либо торопились очень, но никто не подбирал. Обиделся я: на фронт ведь иду, не к тёще на блины, винтовку свою с плеча срываю, встаю поперёк дороги и первую машину (бензовоз оказался), пальнув вверх для остротки, останавливаю.

- Подвези! – говорю шоферу.

- Не могу, не положено. И некуда мне вас сажать.

- Мы, танкисты, и наверху, на твоей броне уместимся.

- Нельзя, меня накажут!

- Ах, так! – вытаскиваем его из кабины. Я сам, ведь шоферил до войны, за руль сажусь. Солдаты с шофером на цистерну забрались и поехали с ветерком и комфортом. На фронт. Перед станцией КПП останавливает

- Документы!

- А вот у него- шофер с бочки подаёт. Посмотрели, удивились, но пропустили и рассказали, как в комендатуру проехать. Остановились мы у неё, шофера с его машиной отпустили, а сами к коменданту направились. Так, мол, и так, ему докладываем, на фронт хочется быстрее попасть, где он тут у вас? Показывайте!

Он наши аттестаты прочёл, видит – специалисты, как на подбор: один среди нас даже лётчиком был. Приказал он в столовой женщинам накормить нас. Они пельмени для нас стряпают, а мы им помощь свою предлагаем: разговоры, смех, шуточки – прелесть, какая! Такое ведь с нами в каждом городе до войны происходило, неужели вернулось? НЕ верится даже., военное лихолетье всё человеческое от нас отторгло.

Нас накормили, а потом девушка отвела нас в пустой дом, там кроватки и постели были. Выспались мы и утром из города всё равно дальше к фронту потопали, но с настроением, я вам скажу, очень приподнятым. Убедились воочию: недолго осталось нам воевать, если жизнь настоящая к нам возвращается.

Так вот до фронта я полторы недели и добирался. Редко, когда кто подвезёт, а так больше, ногами и топал. Вошли мы в прифронтовую полосу. Тут уж проще. И проверяют на каждом шагу, спрашивают: куда идёте, да кто мы. А мы объясняем, документы показываем. Нам говорят, где какая часть расположена. Мы и начали рассасываться понемногу.

Наконец-то и мне сказали, что я приблизился к своей цели: вон в том домике штаб нашей части! Знали бы вы, как я обрадовался! Будто к папе с мамой вернулся! В селе дом этот стоял. Фронт пролегал совсем недалёко. Слышно было, как орудия палят. Вбежал я на крылечко, захожу вовнутрь, а в горнице сидят за столом несколько военных и среди них – мой командир, младший лейтенант Никитенко Александр Митрофанович. Ему уже, правда, старшего лейтенанта присвоили, по звёздочкам видно. Посмотрел он на мою заросшую образину и сразу признал. От стола ко мне ринулся:»Вася! Живой!». Поверите или нет, а у меня аж слёзы из глаз брызнули: к своим, домой вернулся!

Никитенко из всего нашего экипажа один остался в живых. И вообще от нашего полка(30 танков) за месяц один танк только целый остался. Он ночами вокруг деревни с зажженными фарами ездил, отпугивал диверсантов и создавал видимость, что тут большое скопление техники. А вообще-то, оставшиеся без танков танкисты были временно переведены на роль пехотинцев и охраняли они военные коммуникации.

Через неделю нам на смену другая часть подошла, и нас на пополнение в тыл перевели. А в тот день Никитенко отвёл меня к парикмахеру, потом в баню, выдал новую амуницию, и я, как свежий огурчик, засверкал! И стал полноправным членом экипажа его выведенного из строя танка.

Через месяц из пополнения нас направили в Верхнюю Дуванку, и я с Никитенко воевал до 19 июля 1943 года, пока не получил тяжёлое ранение в брюшную полость. Выбыл тогда я из строя на два месяца. По выписке из госпиталя меня перевели по состоянию здоровья в автоматчики. На лёгкий труд...

Как отметила Великая Отечественная война бойца, принимавшего в ней непосредственное участие? В июле 1941 он был призван в армию. Воевать начал с 23 октября 1942 года. Демобилизовался из армии в июле 1945 года. Имеет четыре ранения, медали «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией». И эти свои воспоминания, которых ничем зачеркнуть нельзя и которые предупреждают нас, призывают к тому, чтобы мы берегли мир - возврат к нему очень долг, болезнен и труден.

РОЖДЕСТВО

Вся жизнь со всеми её прелестями поблекла, отодвинулась, скрылась куда-то, оставив меня одну с крохотным гробиком, в котором навечно застыла в слегка неестественной позе Леночка – моя трёхлетняя дочурка... Сегодня, за несколько дней до Рождества, исполнилось почти ровно два года, как её нет. А я так и осталась – одна, я, от которой никуда не скроешься. Не уйдёшь, не избавишься.

На улице очень красиво. Сыплет снег редкими пушистыми хлопьями и кажется, что находишься совсем не снаружи, на улице, а в каком-то огромном зале. И вокруг тебя кто-то раскидывает искусственные блёстки-снежинки и царящий над площадью людской гомон перекрывает плавные звуки вальса, а совсем не перезвон заворачивающих за пару кварталов отсюда на Кузнецкий проспект трамваев. На душе спокойно. Это значит – холодно и пусто. Я всегда теперь для себя именно ожидаю чего-то плохого. Я готова к восприятию этого. Похоже, сегодня и произойдёт что-то необыкновенное. Я исстрадалась. Хватит. Мне теперь всё равно.

Разноцветные гирлянды, огромные снежные дед Мороз со Снегурочкой, крутая горка, с которой с визгом и пронзительными криками съезжает вниз детвора. Здесь Лена успела осмысленно побывать за свою жизнь всего один раз. Тогда она была счастлива и я – тоже.

- Задавлю! Тётя, берегись! Бере-е...!

Удар ниже колен. Я на спине. Возле меня – раскрасневшийся мальчишка-карапуз.

- Тётя, я не хотел, точно говорю – не хотел, так получилось,- начинает оправдываться ожидающий от меня не слабой взбучки малыш. – Это пацаны меня сверху столкнули. Я больше не буду! – и захлопал носиком, приготовившись зареветь для пущей убедительности.

Откуда-то из самой глубины моего сердца начинает неудержимо стремиться наружу что-то хорошее, то, чем я когда-то жила, но давно забыла. Всё это я успеваю осознать за мгновение после того, как я улыбнулась произвольно. От неожиданности я улыбаюсь ещё шире.

- Мальчик, а... как тебя зовут?

- Михаил, - запинаясь, называя, похоже, первое пришедшее на ум имя.

- Да ты не бойся, я на тебя не обижаюсь ни капельки. Подумаешь, сшиб с ног зазевавшуюся тётю! Сама виновата, нечего лампочки на небе считать!.

Михаил тут же раскрепостился и подарил мне в ответ дружескую, щербатую, белозубую улыбку.

-Зубы то кто тебе выстеклил?

-Сами повыпадали. Скоро новые нарастут - безмятежно отмахнулся мальчик.

- Значит, вы ничего не скажете моей маме?

- Конечно, нет. А что, у тебя мама очень строгая?

- Нет, она у меня добрая, только баловаться сильно не разрешает.

- А разве ты балуешься? Мы с тобой просто нечаянно столкнулись. Мне не больно. Ты ещё хочешь кататься? Давай и я с тобой прокачусь – И мы с ним карабкаемся на горку, заговорщицки улыбаясь друг другу.

Господи, я, наверное, сошла с ума... Что я делаю тут, на этой снежной горке, среди ошалелой от праздничной свободы детворы? Чокнутая, катаюсь с каким-то незнакомым мальчишкой, зовут которого, оказывается, совсем не Михаил, а Леонид. Что на меня нашло?! Моя дочурка была бы сейчас совсем такой же, как он, совсем такой же...

После горки было кафе, праздничный настрой не покидал меня. В кафе я угощала Леню коктейлем и мороженым с сиропом, он же, по-мужски, обстоятельно поверял мне свои детские тайны. Потом я проводила его до подъезда дома, в котором он жил. Перед прощанием он на память о себе подарил мне мгновенно нарисованный на снегу эскиз. И, как настоящий художник, небрежным черканул прутиком под ним свою подпись «Леня». Почему-то получилось так, что последняя буква вышла несколько смазанной. Поэтому слово выглядело совсем как «Лена». А на рисунке был улыбающийся во весь рот человек...

В свой дом я возвратилась в приподнятом настроении. Не знаю почему, мне даже, и задумываться не хотелось над причиной, но я сразу почувствовала: во мне что-то стронулось, затянувшая душу, ледяная корочка равнодушия дала трещину после встречи с мальчишкой, которому два года назад было столько же, сколько и моей Леночке...

Координатор проекта и редактор: Валентин Роков

Художественный редактор: Рокова Оксана Валентиновна

Подписано в печать 15.04.2015. Формат 60 x 84/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано: ООО «Фортуна Принт», 650000, РФ, г. Кемерово, пр. Кузнецкий, 15А